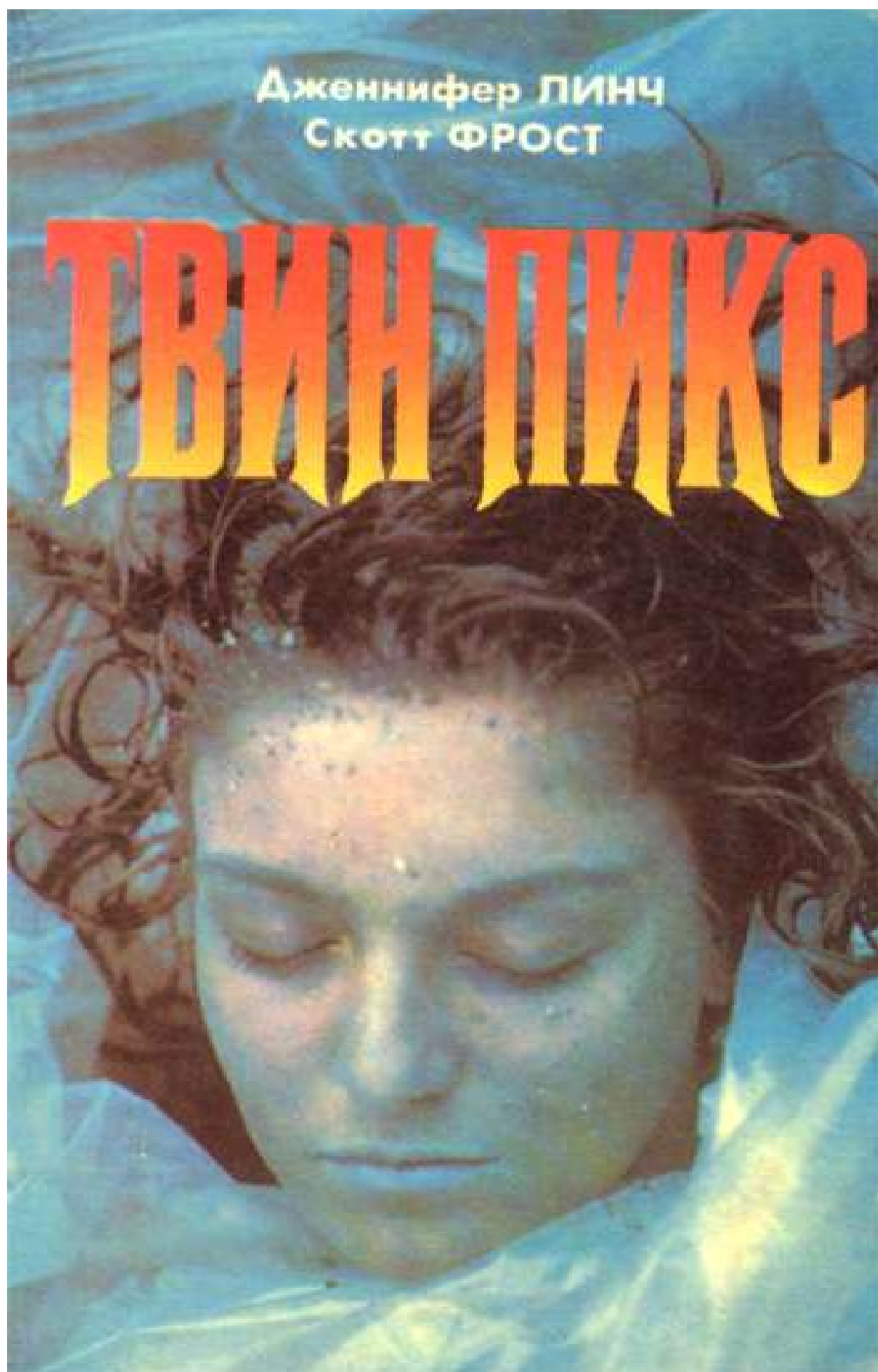
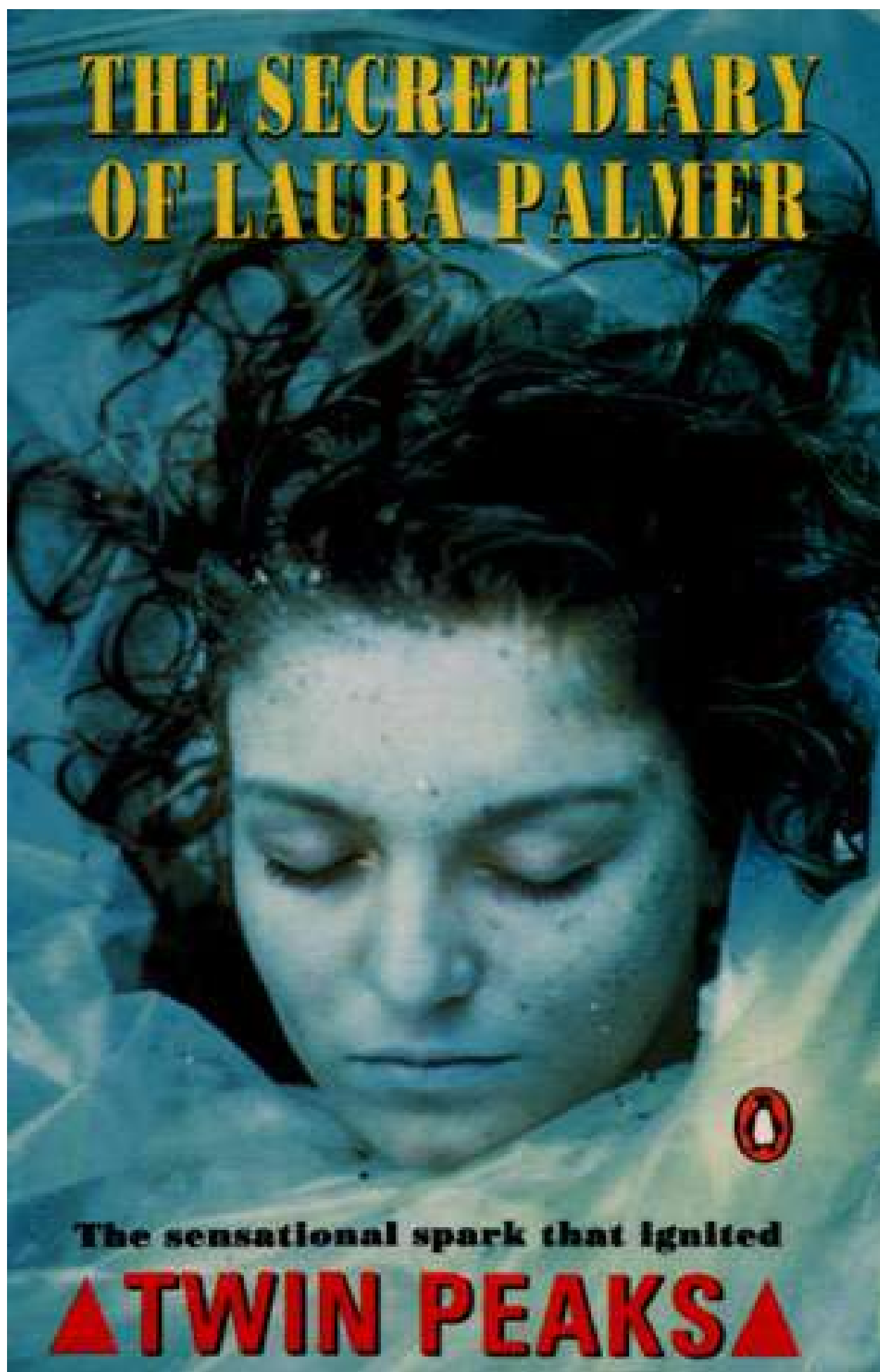

Дженнифер Линч
Скотт Фрост

ТВИН ПИКС

THE SECRET DIARY OF LAURA PALMER

The sensational spark that ignited

▲TWIN PEAKS▲

Дженифер Линч

Тайный Дневник Лоры Палмер

22 июля 1984

Дорогой Дневник!

Меня зовут Лора Палмер, и если быть точной, то всего три минуты назад мне исполнилось двенадцать лет. Сегодня 22-е июля 1984 года, и день был таким замечательным! Ты последний подарок, который я развернула, и я еле дождалась, пока смогу подняться к себе и начать рассказывать тебе все обо мне и моей семье. Тебе я буду доверять больше всех. Обещаю рассказывать все, что произойдет, все, что я чувствую, все, о чем мечтаю. И все свои мысли до единой. Есть вещи, которыми я не могу поделиться ни с кем. Обещаю делиться ими с тобой.

Итак, спустившись этим утром к завтраку, я увидела, что мама развесила по всему дому гирлянды и даже мой серьезный папа надел парадный цилиндр и вовсю дудит на дудочке в мою честь. Мы с Донной так и покатывались со смеху!

Да, Донна – это моя самая лучшая подруга на свете. Ее фамилия Хэйворд, и ее отец, доктор Хэйворд, помог мне родиться ровно двенадцать лет назад! Не могу поверить, что это, в конце концов, произошло. За столом мама прослезилась. Она говорит: не успеешь оглянуться, как я стану совершенно взрослой женщиной. Это уж точно! Хотя у меня нет месячных, и, может, пройдут годы, пока они появятся. Так мне кажется. Да она с ума сошла, если думает, что я вот-вот стану взрослой, а сама продолжает дарить мне на день рождения плюшевых зверей!

Сегодня все было так, как я хотела: только Донна, мама и папа – и больше никого. И, конечно. Юпитер, моя кошка. На завтрак мама сделала мои любимые оладьи с яблоками, поставила большую банку с кленовым сиропом и целое блюдо из сдобного хлеба.

Донна подарила мне блузку, которую я видела в витрине универмага Хорна. Я знаю, она купила ее на свои деньги, долго копила их, но не говорила мне, для чего. Это самая потрясающая блузка из всех, какие только можно представить! Она белая, шелковая и вся усыпана маленькими вышитыми розами, но их не так много, чтобы испортить впечатление. Лучше не бывает. На день рождения Донны я обязательно подарю ей тоже что-нибудь особенное.

Моя кузина Мадлен, мы зовем ее просто Мэдди, завтра приезжает к нам погостить и останется на целую неделю. Мы вдвоем, она. Донна и я, намерены построить в нашем лесу крепость и жить там, если только разрешит мама. Насчет папы я не сомневаюсь. Он, как и я, обожает лес. Как-то ночью мне приснился сон, что папа увез нас в дом в самой гуще леса, и прямо напротив окна моей спальни росло большое дерево, где свили гнездо две певчие птицы.

Л сейчас. Дневник, я должна на минутку прерваться. Снизу меня зовет папа. Говорит, что у него для меня сюрприз! Все тебе расскажу, как только вернусь!

С любовью, Лора.

22 июля 1984 (позже)

Дорогой Дневник!

Ты даже представить себе не можешь, что произошло! Я спустилась вниз, и папа сказал, чтобы мама и я садились побыстрее в машину и не задавали вопросов, пока будем ехать. Мама, конечно, всю дорогу приставала к нему с расспросами. Я особенно не возникала, думая: вдруг папа проговорится. Но он не говорил. И я помалкивала, чтобы не испортить Себе предстоящий сюрприз. Когда машина остановилась у конюшни "Броукен серкл", я поняла! Папа купил мне пони!

Он такой красивый, даже в мечтах нельзя себе представить. Светло-коричневый с переливами темно-коричневого, а глаза большие и нежные. Мама просто поверить не могла, увидев его, и тут же начала спрашивать папу, как это ему удалось сохранить все втайне. Папа ответил, что если бы она заранее узнала о покупке, то весь сюрприз пропал бы. По-моему, он прав.

У мамы чуть разрыв сердца не случился, когда она увидела, что я полезла ему под брюхо и заглядываю между ног, чтобы определить: мальчик это или девочка. Мне и секунды не понадобилось, чтобы понять: это мальчик. Что я, раньше такого никогда не видела! А мама-то думает, что она все знает про свою доченьку, ха-ха!

Но вернемся к моему пони. Я решила назвать его Трои, как в фотоальбоме миссис Ларкин. Конюх Зиппи обещал сделать табличку, где большими буквами будет написано имя „ТРОИ“, и повесить ее на шею пони, чтобы все знали, как его зовут. Трои еще очень маленький, чтобы ездить на нем верхом, но через два месяца я смогу его оседлать и скакать по полям. Сегодня я уже водила его и кормила морковкой (папа захватил ее с собой и держал в багажнике) и кусочком сахара, который дал мне Зиппи. Трои с удовольствием все это съел. Прежде чем расстаться, я прошептала в его теплое мягкое ухо, что завтра мы увидимся, а пока я все напишу о нем в дневнике. Не могу дождаться, когда его увидит Донна! Чуть не забыла:

Мэдди ведь тоже его увидит!

На обратном пути папа сказал, что у меня с Троем один день рождения, потому что когда пони дарят кому-нибудь, кто будет его по-настоящему любить, то у них отныне все общее. Так что с днем рождения и тебя. Трои!

Я от души рада, что ничего не знаю о том, откуда он взялся, потому что теперь я могу думать о нем как о посланце небес.

Итак, Дневник, завтра предстоит большой день, а сегодня ночью я буду хорошо спать и видеть во сне Троя и все то время, которое мы будем проводить вдвоем. Счастливее меня нет никого в целом мире!

С любовью, Лора.

P.S. Надеюсь, БОБ сегодня не появится.

23 июля 1984

Дорогой. Дневник!

Уже поздняя ночь, а мне все не спится. Перед этим мне снились какие-то кошмары, так что я решила, что больше не сомкну глаз. Ничего, сегодня приезжает Мэдди, и после утомительного путешествия ей наверняка захочется отдохнуть. Тогда я тоже смогу поспать. И если дней небо будет светлым, то и мои сны станут не такими мрачными.

Один из кошмаров был особенно страшным, и я проснулась вся в слезах, тут же испугалась, что мой плач может услышать мама. Она, конечно, явится сюда, чтобы меня утешать, а мне как раз хочется побыть одной. Но она этого не понимает. Она всегда приходит ко мне, когда я не сплю, и поет "Матильдин вальс" И сейчас бы она тоже его спела. Не то чтобы я не хотела услышать, как она будет петь, но все дело том, что в моем сне этот же вальс маминым голосом пел один человек - и я так перепугалась, что от страха не могла пошевелиться.

Мне снилось, как я иду в лесу мимо Жемчужного озера, а ветер такой сильный, что прямо с ног сбивает, но почему-то только возле меня. Жара. Ветер. И в двадцати футах от меня этот человек с длинными волосами и огромными мозолистыми ручищами. Такими ужасными и грубыми. Он пел, и все время протягивал их ко мне. Борода его не колыхалась от ветра, потому что ветер дул только на меня. Кончики его больших пальцев были черны, как уголь. Он, не переставая, описывал ими круги в воздухе, а руки подбирались ко мне все ближе и ближе. Несмотря на весь свой страх, я продолжала медленно двигаться ему навстречу. Это происходило как бы помимо воли.

- У мена твоя кошка, - произнес он, и при этих словах у него за спиной промелькнул Юпитер и тут же исчез в лесной чаще, как белое пятнышко на листе черной бумаги.

А человек все продолжал петь, и хотя я пыталась сказать ему, что мне хочется поскорее пойти домой вместе с Юпитером, я не могла произнести ни звука. Тут он вдруг поднял руки высоко-высоко, и мне показалось, что он растет прямо на глазах, превращаясь в настоящего великана. И по мере того как его руки тянулись вверх, я чувствовала, что ветер вокруг меня стихает и наступает тишина. Мне показалось, что он меня отпускает, потому что прочел мои мысли. Во всяком случае, так я решила. Так что, когда он остановил ветер своими руками, я подумала: он меня освободил, и я могу теперь отправляться домой.

Потом мне пришлось поглядеть вниз: между моих ног полыхала какая-то ужасная жара. Именно жара, а не просто тепло. Меня прямо жгло, так что пришлось раздвинуть ноги, чтобы хоть немного остыть. И чтобы, наконец, перестало так жечь. В этот момент мои ноги сами собой начали раздвигаться, как будто хотели оторваться от тела. Я испугалась, что сейчас умру, а никто и не узнает, почему. Я хотела не дать им оторваться, но они так горели, что у меня ничего не вышла. Тогда этот человек взглянул на меня, и улыбнулся своей жуткой улыбкой, и пропел маминым голосом: Ко мне ты придешь, Матильда, только как кончится вальс..." Я снова попыталась ему ответить, но опять не смогла. Попыталась шевельнуться, но тоже не смогла. Тогда он произнес: "Лора, ты уже дома", и я проснулась.

Иногда во время сна я чувствую, что пропала - мне так страшна. Но сейчас, перечитывая свое описание, я вовсе не нахожу его таким уж страшным. Может, теперь я буду записывать свои сны и перестану их бояться.

Как-то ночью в прошлом году мне приснился такси ужасный сон, что весь день в школе я ничего не соображала. Донна подумала, что я схожу с ума: каждый раз, когда она шепотом звала меня или дотрагивалась до плеча, чтобы передать записочку, я тут же вскакивала с места. Конечно я не сумасшедшая, как Надин Хорли, но мне казалось, что я еще продолжаю видеть свой сон. Отчетливо он мне не запомнился. Все, что осталось в памяти, так это нависшая надо мной беда - из-за того, что я не выдержала одно предназначенное мне странное испытание: надо было помочь нескольким людям переправиться через реку на лодке, а я не могла сделать этого, потому что мне хотелось только плавать или еще что-то в этом роде; и тогда послали за мной кого-то, чтобы тот схватил меня и трогал везде, где не положено. Больше я ничего не помню - и, слава Богу.

Я так устала ждать, когда же я, наконец, вырасту. Настанет день, и я буду взрослой. И сама начну оценивать свои поступки - хорошие они или плохие.

Поговорим с тобой завтра. Сейчас я слишком устала

Лора.

23 июля 1984

Дорогой Дневник!

Кузина Мэдди должна приехать с минуты на минуту. Папа отправился на станцию встречать ее один, потому что мама не разрешила ему будить меня. Я проснулась всего пятнадцать минут назад. Никаких снов, но мама говорит, что слышала, как я звала ее, а потом кричала по совиному! Я чувствую себя так глупо. По ее словам, она зашла в комнату, когда я еще не совсем проснулась, но тут... уханье повторилось, а потом, как она говорит, я захихикала, перекатилась на другой бок и опять заснула. Надеюсь, она никому об этом не расскажет. Вообще-то она любит рассказывать о таких вещах за ужином с Хэйвордами или другими гостями. Всегда начинается со слов: „С Лорой приключилась одна забавная, чрезвычайно странная история..." И я знаю: сейчас все выложит.

Однажды она при всех рассказала за ужином, как я в лунатическом сне забрела на кухню, как раз когда она сама собиралась идти спать. Я спокойно сняла пижаму, засунула ее в духовку и голая пошла обратно в свою комнату. И теперь каждый раз, когда я подхожу к плите в доме Хэйвордов, если мы с Донной помогаем готовить ужин, миссис Хэйворд в шутку напоминает мне, что плита - это плита, а не стиральная машина.

В тот злополучный вечер мама выпила больше чем надо, так что я ее простила. Но если расскажет кому-нибудь про совиные крики, я просто умру. Не уверена, что вообще бывает так, что родители своими рассказами не заставляли бы своих детей постоянно стогать со стыда. И мои не исключение.

Но может, если бы я перестала делать всякие глупости во сне, то ей бы и рассказывать тогда было не о чем.

Остальное потом.

Лора.

27 июля 1984

Дорогой Дневник!

У меня так много новостей для тебя. Я пишу это, сидя внутри крепости, которую мы построили втроем – Донна, Мэдди и я. Мама и папа разрешили нам жить здесь при условии, что мы не будем отсюда убегать. Крепость мы построили из досок, которые дал нам Эд Хорли, а папа нам помог их сколотить. Донна, правда, говорит, что если начнется настоящая гроза, то нам крышка, но я лично считаю: что бы ни случилось, наше жилище устоит.

Мэдди сейчас такая красotka. Ей шестнадцать, и я так завидую ее жизни... Как бы я хотела, чтобы и мне было шестнадцать! У нее есть свой мальчик, и она по нему скучает. Он звонил ей сюда, чтобы узнать, хорошо ли она доехала. Папа стал над ней подшучивать. Говорит, по телефону она была прямо милашка, но Мэдди на него не обижается. Донна думает, что, когда у нее появится свой парень, ей будет не меньше сорока и она уже начнет глохнуть. Я сказала ей, что она просто ненормальная. Мальчишки уже сейчас так и вьются вокруг нас, и это мы сами не обращаем на них внимания. Интересно, как это будет выглядеть, когда меня полюбит еще кто-нибудь, кроме моих собственных родителей. Станет ли он звонить, если я уеду в путешествие, чтобы узнать, все ли у меня в порядке.

До того как мы перебрались в свою крепость. Донна, Мэдди и я побывали в конюшне, чтобы посмотреть Троя. Девочки сказали, что ничего подобного в своей жизни не видели, такой он красивый. Мы вместе его там покормили. И чем только я заслужила такое счастье – получить Троя! Донна годам мечтает о пони, а отец ей так его и

не купил. Сколько интересно, лет проживет Трой? Наверно, я буду плакать после его смерти всю жизнь.

Донна только что увидела, что я тут написала насчет гибели Троя. Она говорит, что я слишком заиклилась на грустных вещах – неизвестно, что произойдет, если все это будет продолжаться. Но Донна не знает и половины того, что знаю я. Поэтому мне просто невозможно иногда не думать о грустном. Потому что в такие минуты оно мне дороже всего.

Мама дала нам с собой бутерброды и два термоса. Один с холодным молоком, другой – с горячим шоколадом. Мэдди больше одной чашки горячего шоколада не пьет. У нее, видите ли, от него все лицо покрывается прыщами. Откуда она это взяла? Сколько ни смотрю, ни одного прыщика у нее на лице не вижу. Месячные начались у Мэдди три года назад, и послушать ее, так это прямо кошмар какой-то: и диатез, и спазмы, и усталость, и Злость... Словом, прелестно. Еще одна радость, которая меня ожидает! Кстати, у мамы месячные начались как раз в моем возрасте, хотя я все же надеюсь, что вовсе не обязательно, чтобы и у меня они начинались тогда же, то есть в этом году. После того как Мэдди мне их описала, я совсем не горю желанием занять нечто подобное.

В своей крепости мы все едим мамины бутерброды, пьем молоко и делаем записи в дневниках. У Мэдди он такой большой и толстый. У Донны не такой, но все равно толще моего. Ничего, обещаю, что ты у меня будешь даже больше, чем у Мэдди. Мне нравится, что все мои мысли отныне будут собраны в одном месте, как будто в голове, чтобы туда всегда можно было при желании заглянуть. К потолку нашего жилища мы подвесили фонарь, чтобы у нас было светло и мы могли все видеть. Правда, немного света проникало и через окна, но мы их завесили, чтобы, как было решено, не разрушать впечатления от нашего лесного затворничества. Одежда и провиант, которые мы с собой прихватили, заставляют нас чувствовать себя настоящими лесными жителями. Хотя находимся мы совсем рядом с домом, на задворках! Мэдди говорит, что у нее с собой пачка сигарет и, когда мама с папой уснут, мы сможем, если захочется, выкурить по одной. Правда, сигареты, по ее словам, уже старые, потому что они давно лежат: все это время

она до них ни разу не дотронулась, так как боялась, что родители могут ее застукать. Может, я рискну и попробую. Донна говорит, что она не хочет курить, и мы с Мэдди не собираемся ее к этому принуждать, потому что между друзьями так себя вести не положено. Но ручаюсь, что смогу заставить Донну изменить свое решение, стоит мне только на нее посмотреть, как следует, Вот увидишь.

Остальное потом.

Ну, вот я и вернулась к тебе.

Мы так хохотали, что у нас до сих пор животы болят. Мэдди рассказывала нам, как они целовались со своим мальчиком языками, и мы с Донной прямо с ума посходили. Донна скривилась и заявила, что ей противно об этом думать, и я притворилась, что мне тоже... но если по честному. Дневник, то, когда я услышала, как это делается, у меня в животе появилось странное, совершенно особенное ощущение. Совсем не похожее на... впрочем, неважно. Словом, мне показалось, что целоваться языками может быть очень приятным делом, и я смогу заняться им, как только у меня появится любимый мальчик. Мэдди сказала, что сперва она ужасно боялась. Но теперь она целуется таким способом уже несколько лет - и ей нравится. Я рассказала им, как в прошлом месяце вошла в спальню к родителям - они не ждали моего появления, потому что у меня тогда была высокая температура, и я не вставала с кровати, - и увидела их обоих голыми. Папа был сверху. Я сразу же вышла из комнаты, а через несколько минут ко мне пришла мама и принесла аспирин и шипучку "7-Ап". О том, что было, она не сказала ни слова. Донна говорит, что они определенно занимались сексом, я это и сама уже знала, но, похоже, им это не слишком нравилось. Мне показалось, что они просто медленно двигаются и при этом даже не смотрят друг на друга.

Мэдди предположила, что это у них скорей всего было "легкое баловство". Уф-ф-ф! Надо же, мои родители - и занимаются сексом. Какая грязь! Мне, конечно, известно, что именно из нее-то я и появилась на свет, но если я больше этого не увижу, то не стану особенно переживать. Даю тебе слово: если когда-нибудь мне придется заниматься сексом, то я постараюсь извлечь из него гораздо больше удовольствий, чем они.

Только что у нас были мама с папой, чтобы пожелать спокойной ночи. Они сказали Донне, что ее родители по телефону просили передать, что завтра ей не надо будет идти в церковь, так что она может остаться у нас ночевать. Мы все очень обрадовались этому.

Папа попросил, чтоб мы все закрыли глаза и держали ладонь открытой, а потом вложил в каждую протянутую руку по шоколадке. Попросил только, чтоб мы ничего не говорили маме. После него пришла мама и дала мне небольшой пакет, предупредив, что отец не должен про это узнать. В пакетике оказались еще три шоколадных батончика! Мэдди взглянула на свою шоколадку и с грустью вздохнула: "Прыщи". Больше она ничего не смогла произнести. Тем не менее, она развернула обе шоколадки и, как мы все, засунула их в рот. После этого с набитыми шоколадом ртами мы попытались исполнить "Плыви, плыви наша лодка". Тут Донна сказала, что разжеванный шоколад похож на то, что оставляет после себя Трои, и вам всем пришлось его выплюнуть.

Представляешь, какую жуткую историю рассказала нам Мэдди. Одна семья на ночь ушла из дому, а когда они вернулись, то застали у себя убийц, только и ждавших их возвращения. Там было еще много страшного, но мне не слишком, честно говоря, хотелось это запоминать. А то потом мне будут сниться кошмары. Донна вышла пописать, и Мэдди призналась, что и она тоже видит дурные сны. Ей просто не хотелось говорить об этом в присутствии Донны, потому что та может неправильно это понять. Так, однажды ей приснилось, что я блуждаю в темном лесу. Но тут вернулась Донна, и Мэдди замолчала. Интересно, видела ли Мэдди длинноволосого? Чувствовала ли дыхание ветра? Мэдди записывает в дневнике свои стихи, потому что, как она говорит, это куда веселее, чем все время пользоваться теми же самыми скучными, обычными словами. И потом, если кому-нибудь в руки попадет дневник, то этот человек навряд ли сумеет понять все, что там написано. Одно дело проза, а другое - стихи. Надо будет завтра самой попробовать.

Остальное потом.

Ха! Говорила же я, что сумею заставить Донну закурить. Мэдди вытащила из пачки одну сигарету и закурила сама, потом протянула ее мне, чтобы я попробовала. Мне понравилось выдыхать изо рта дым. Как будто я выпускаю из себя колышущегося, струящегося, танцующего Духа. Мне казалось, что я совсем взрослая женщина, вокруг меня сидят люди, наблюдают - и завидуют. Даже Донна сказала, что я выгляжу по-настоящему взрослой, когда курю. А ведь я даже не затягивалась! Интересно, что бы я почувствовала, если бы на самом деле сделала затяжку?

Очередь была за Донной, и, прежде чем она успела отказаться, я выпалила: "Я рада, что попробовала, и вовсе не обязательно повторять, если не захочется". Тогда она взяла сигарету и выпустила вверх несколько колечек дыма. Донна тоже неплохо смотрелась с сигаретой, во рту, во тут она чего-то испугалась, глотнула дым и громко закашлялась, так что нам пришлось срочно погасить сигарету и проветрить нашу крепость - на случай, если бы мама и папа вдруг проснулись и решили к нам заглянуть. Для себя я решила, что как-нибудь куплю пачку сигарет и буду держать ее, как это делает Мэдди. Уверена, что у меня курение не войдет в привычку. Для этого я слишком осторожна.

А сейчас мы ложимся спать, и все прощаемся со своими дневниками. Спокойной тебе ночи. Думаю, что мы с тобой станем хорошими друзьями.

С любовью, Лора.

29 июля 1984

Дорогой Дневник!

Вот мое стихотворение:

Хватит света ему, чтоб в меня заглянуть,
Я ж его различить вдалеке не могу.
Под окном он стоит,
Чтоб с улыбкой схватить,
Закружить, завертеть.
Выходи, говорит, поиграй;
Нет, лежи, нет, лежи - не вставай.

Мое платье и все мои волосы -
Тот же лес и обрывки стихов.
Вот он рядом совсем,
Но его ведь здесь нет,
Вот он рядом - зову,
Но ни слова в ответ.

Я кричу, а меня
Не услышит никто.
Я шепчу, а он думает,
Только ему.
В горле сами собой застревают слова
Мне все кажется это расплатой за
Мой будущий грех.
И никто, и никто не приходит помочь.
Он смеется:
Спи, крошка, теперь уже ночь.

30 июля 1984

Дорогой Дневник!

Мэдди привезла с собой целую кучу одежды и заставила меня все перемерить перед зеркалом. Она, должно быть, чувствовала, что я чем-то удручена... так мне кажется. Некоторые из ее вещей были очень красивые. Мне нравилось, как

они на мне сидят. Особенно хорошо я смотрелась в туфельках на высоком каблучке, короткой юбке и таком прелестном белом пушистом свитере.

Мэдди, глядя на меня, сказала, что я напоминаю ей Одри Хорн. Это дочь Бенжамина Хорна, у которого работает мой отец. Бенжамин очень, очень, очень богатый. Одри – красивая девочка, но тихоня и бывает вредная. Ее отец не обращает на свою дочь особого внимания, и, может, потому она себя так ведет. Со мной же он всю жизнь, сколько я себя помню, всегда нежен. Каждый раз, когда, "Грэйт Нозерн" устраивает вечеринку или какое-нибудь другое сборище, Бенжамин сажает меня к себе на колени и начинает тихонько мурлыкать мне песенку. Иногда я чувствую свою вину перед Одри: когда она видит это, то ей, должно быть, становится так нестерпимо грустно, что она часто убегает из комнаты и не возвращается до тех пор, пока ее мать не приведет ее обратно. Бывает, правда, что мне делается даже приятно, когда она убегает. Тогда я становлюсь как бы центром внимания, и для него я дороже собственной дочери. Понимаю, это не очень приятно говорить, но я хочу быть честной.

Если уж быть честной до конца, то признаюсь, что мне тоже понравилось, как я выгляжу в нарядах Мэдди. У меня внутри все так и потеплело. Совсем как на качелях, пока не привыкнешь к их движению вверх-вниз. Ручаюсь: если бы я всегда носила эти вещи, моя жизнь сложилась бы иначе.

Потом Мэдди и я пошли погулять, но уже, конечно, просто в джинсах и футболках. У нас в Твин Пиксе на каблуках и в короткой юбке ходят только по большим праздникам или во время фестивалей, когда повсюду развешаны транспаранты и гремит танцевальная музыка. Мы дошли до Истер-парк и немного посидели в беседке на возвышении. Мэдди рассказала, что вполне довольна своей жизнью с родителями – "только вот ты и представить себе не можешь, как они шумят!" Я привожу ее высказывание дословно, потому что оно, по-моему, очень хорошо передает суть дела. Еще она сказала, что в жизни много такого, к чему сперва трудно привыкнуть, но потом все равно привыкаешь, и ничего.

Может, и мне тоже пора так начать думать. Тогда я, может, стану гораздо лучше, чем сейчас, когда я беспрестанно размышляю над тем, что со мной происходит. Я очень надеюсь, что скоро настанет такое время, когда все именно так и будет, и я сумею, наконец, избавиться от своих тревожных мыслей. Мыслей, которые я даже не могу связно выразить словами. Если я стану лучше, чем сейчас, и буду стараться каждый день, то, вероятно, все уладится.

С любовью, Лора.

30 июля 1984

КОГДА-НИБУДЬ СТАТЬ ВЗРОСЛОЙ БУДЕТ ЛЕГЧЕ

Внутри у женщин скрыто два холма,
Им надоело оставаться в доме,
Спешат увидеть солнце и луну
И блески звезд во тьме мужской ладони.

Оглядет себя люблю я
По утрам, открывши веки:
Вот холмы, а вот долины
И подводные там реки.

Все снаружи
Расцветает,
Но, увы, мертво внутри.

О, если б я понять смогла
Причину своих слез,
И место уступил кошмар
Дыханью светлых грез.

2 августа 1984
Дорогой Дневник!

2 августа 1984

Я уже так давно ничего в тебя не записывала, я очень перед тобой виновата. Три дня назад уехала Мэдди, и все это время у меня в душе живет страх. Он вызван чем-то, для меня самой еще не ясным.

Случилось, правда, и кое-что хорошее. В середине прошлой ночи я вдруг ощутила непередаваемо прекрасное состояние. В груди было так тепло и между ног тоже. Впечатление такое, будто все мое тело вывернулось наизнанку, и я вот-вот улечу куда-то. Думаю, это был оргазм, который я испытала во сне. Понимаю, что писать об этом ужасно стыдно, но в то же время не могу не чувствовать и некоторого удовольствия.

Сразу после этого мне почудилось, что ко мне в спальню зашел мальчик, и сквозь ночную рубашку я ощутила его мягкое прикосновение. Он шептал мне ласковые, нежные слова, а потом сказал, чтобы я лежала очень тихо, а то он уйдет. Затем он потянул меня к краю кровати за ступни, и, когда мои ноги коснулись пола, он заставил меня закрыть глаза. Тут я почувствовала, как он раздвигает мне ноги – все больше и больше, так что мне пришлось посмотреть, что происходит, а когда я открыла глаза, его уже не было. Я взглянула на свой живот и увидела, что беременна. Он был внутри меня, но такой крошечный, совсем как младенец. Как жалко, что все так закончилось. И зачем только мой мозг так все оборвал? Мне больше нравилось, когда меня нежно тянули с кровати, и я вся отдавалась этому приятному ощущению.

Лора.

7 августа 1984
Дорогой Дневник!

Всю первую половину дня сегодня я провела с Троем – вылизывала, чистила и кормила. Меня восхищает, до какой степени он, кажется, понимает мои чувства. Пока я расчесывала ему гриву. Трои стоял, прижавшись ко мне носом, а когда я присела в уголке его загона, он тут же опустил голову и, с моего разрешения, принялся обнюхивать мою шею и дышать в лицо. Интересно, бывает ли, чтобы люди по-настоящему влюблялись в своих лошадей, как я? Или, может, не следует предаваться такого рода мыслям и чувствам?

Как бы мне хотелось, чтобы пришла Донна. И., конечно же, Мэдди, Надо будет обязательно позвонить Донне и узнать, не сможет ли она приехать ко мне с ночевкой или выбраться хотя бы на полдня. Если нет, то тогда я могла бы побыть у нее дома. Наверное, это было бы даже лучше. Иногда моя собственная спальня кажется мне самым чудесным местом в мире, но порой она похожа на тюремную камеру, где тебя медленно душат.

Хотелось бы мне знать, не то же ли самое испытывает человек умирая... то есть как будто бы его кто-то душит.

Или он ощущает то, что говорят об умирающих в церкви на проповеди? Что они возносятся в небо, все выше и выше, пока Иисус не увидит их там и не возьмет за руку. Кстати, я совсем не уверена, что мне хотелось бы быть рядом с Иисусом, когда настанет мой черед умереть. Ведь я могу сделать что-нибудь не так, пусть даже это будет маленькая ошибка, а его это огорчило бы. Я недостаточно про него знаю, чтобы быть уверенной, что именно может его рассердить. Библия, конечно, говорит, что он всепрощающий, и умер на кресте за мои грехи, и любит каждого человека независимо от его недостатков... но все кругом говорят, что я идеальная дочь, самая счастливая девочка на свете и у меня нет никаких неприятностей. Л это совершенно не соответствует истине. Так откуда же мне знать, что Иисус в действительности за человек и похож ли он на меня или нет? Может, ему иногда страшно и он совершает что-нибудь дурное, хотя большинство людей может ничего не подозревать, как и когда он это делает? Скорей всего, я буду находкой для Сатаны, если не стану проявлять осторожность. Иногда, во время своих встреч с БОБОМ, я думаю, что и так нахожусь во власти Сатаны и

мне никогда уже не выбраться из темного леса, чтобы снова можно было стать прежней Лорой – доброй, честной и чистой.

Иногда мне приходит на ум, что жизнь для всех нас была бы куда легче, если бы нам не приходилось думать о себе как о мальчиках или девочках, мужчинах или женщинах, молодых или старых, толстых или худых... если бы вместо этого мы могли бы считать себя совершенно одинаковыми. Да, нам могло бы такое скоро наскучить, но зато опасность, которую таит в себе наша жизнь, навсегда бы исчезла...

Я снова к тебе вернусь, после того как позвоню Донне.

Донна сказала, что ей очень хотелось побыть со мной вместе сегодня вечером, но как раз в этот день у них какое-то "семейное торжество". Так что мы остаемся с тобой, Дневник, один на один. Может, удастся выбраться вместе в лес и выкурить там одну из тех сигарет, что оставила для меня Мэдди. Всего их четыре, и я надежно спрятала их в ножке кровати. Обычно там я прячу школьные записочки, когда мне не хотелось бы, чтобы они попались на Глаза маме, когда она приходит сюда ко мне убираться (или шпионить за мной)... ну, знаешь, мамыны штучки. Я ее люблю, но она далеко не всегда понимает, что именно я пытаюсь ей рассказать. И если бы она узнала обо всем, что творится у меня в голове, с ней бы наверняка случился инфаркт. А прячу я свои секреты так: отвинчиваю набалдашник, и там внутри есть углубление. Папа бы назвал его "полостью". В ней дюйма четыре глубины, словом, просто идеальный тайник. А если на спинке кровати висит к тому же сумочка или, скажем, свитер, то догадаться, что набалдашник отвинчивается, абсолютно невозможно.

и похож ли он на меня или нет? Может, ему иногда страшно и он совершает что-нибудь дурное, хотя большинство людей может ничего не подозревать, как и когда он это делает? Скорей всего, я буду находкой для Сатаны, если не стану проявлять осторожность. Иногда, во время своих встреч с БОБом, я думаю, что и так нахожусь во власти Сатаны и мне никогда уже не выбраться из темного леса, чтобы снова можно было стать прежней Лорой – доброй, честной и чистой.

Иногда мне приходит на ум, что жизнь для всех нас была бы куда легче, если бы нам не приходилось думать о себе как о мальчиках или девочках, мужчинах или женщинах, молодых или старых, толстых или худых... если бы вместо этого мы могли бы считать себя совершенно одинаковыми. Да, нам могло бы такое скоро наскучить, но зато опасность, которую таит в себе наша жизнь, навсегда бы исчезла...

Я снова к тебе вернусь, после того, как позвоню Донне.

Донна сказала, что ей очень хотелось побыть со мной вместе сегодня вечером, но как раз в этот день у них какое-то "семейное торжество". Так что мы остаемся с тобой, Дневник, один на один. Может, удастся выбраться вместе в лес и выкурить там одну из тех сигарет, что оставила для меня Мэдди. Всего их четыре, и я надежно спрятала их в ножке кровати. Обычно там я прячу школьные записочки, когда мне не хотелось бы, чтобы они попались на Глаза маме, когда она приходит сюда ко мне убираться (или шпионить за мной)... ну, знаешь, мамыны штучки. Я ее люблю, но она далеко не всегда понимает, что именно я пытаюсь ей рассказать. И если бы она узнала обо всем, что творится у меня в голове, с ней бы наверняка случился инфаркт. А прячу я свои секреты так: отвинчиваю набалдашник, и там внутри есть углубление. Папа бы назвал его "полостью". В ней дюйма четыре глубины, словом, просто идеальный тайник. А если на спинке кровати висит к тому же сумочка или, скажем, свитер, то догадаться, что набалдашник отвинчивается, абсолютно невозможно.

Так что, может быть, мы еще выберемся с тобой вдвоем в лес, возьмем с собой фонарь и сигарету и побеседуем всласть. Я знаю, что ты можешь хранить тайну даже еще надежнее, чем Донна. Маме я бы ни за что не решилась рассказать обо всех своих сексуальных мыслях. Боюсь, что, если что-нибудь подобное вдруг вылетело бы из моего рта, это наверняка услышал бы Бог. Во всяком случае, кто-то мог догадаться, какая я испорченная, и сказать... Ну, например, так: "Никто, кроме нее, не о чем подобном не размышляет!"

Ручаюсь, что он был бы прав. Ручаюсь также, что у меня никогда не будет любимого, потому что всякий раз, когда мы захотели бы поцеловаться или просто повалить дурака, он бы не мог не подумать, что я какая-то сумасшедшая – странный, больной человек. Искренне надеюсь, что не такова. Как бы я огорчилась, если бы все это было правдой! Но как, как мне избавиться от своих теперешних мыслей? Ведь я ничего не могу поделать со своей головой и запретить ей думать о чем захочется.

От этих мыслей мне становится до того тепло, а грудь так и вздымается, то наполняясь воздухом, то выпуская его, точь-в-точь как бывает в кино или в книгах, но все-таки не совсем так, как у меня, потому что там героини никогда не говорят о своих фантастических грезах.

Сейчас мне предстоит спуститься к ужину. Жалко, что, уходя, я не могу спрятать и тебя в ножке кровати. Пока что мне придется прикрепить тебя клейкой лентой к стене за доской, где висит расписание уроков. Надеюсь, ты меня не подведешь и не выпадешь оттуда, пока меня не будет.

Остальное потом.

Лора.

11 августа 1984

Итак, Дневник!

Опять мы с тобой вдвоем. Примерно в миле от дома, в предвечерний час. Летом в это время суток лес еще не кажется таким страшным, как ближе к ночи. Здесь в лесу тепло, и вместе с тобой, Дневник, мы сидим, прислонившись к стволу большого дерева. Это сосна. Наша с Донной любимица. Когда я смотрю вверх, мне кажется, ее ветви качают меня как в колыбели.

Я думаю, что сейчас выкурю ту сигарету. У меня с собой жестянка из-под содовой, чтобы можно было стряхнуть туда пепел и бросить окурки, то в лесу начнется пожар и сгорит весь наш Т. П.* (*Т. П. – сокращение названия городка, где проживает героиня. В тексте игра слов Т. П. означает также "туалетная бумага" (Тойлет пэйпер). – прим. перед.) В школе мы иногда так называем Твин Пике. Весь мир подтирает задницу Т. П., как любит говорить Бобби Бриггс. Он еще таскает всех девчонок за волосы и рыгает нам прямо в лицо. Конечно, мы все ему нравимся. Как-то я зашла после уроков в туалет помыть руки, и он заскочил за мной и изо всех сил дернул меня за волосы.

Норма, которая стояла рядом, подмигнула мне и спросила, назначен ли у нас уже день свадьбы. Она просто спятила, если думает, что я могу даже близко к такому подойти. Мальчик, который мне понравится, так дергать меня за волосы наверняка не станет... Мне кажется, он будет делать это нежно, как происходит в моих снах. Он соберет мои волосы на затылке и медленно приблизит мою голову к себе, чтобы мы могли целоваться языками.

Интересно, члены у других мужчин такие же, как у папы, или нет? Я до сих пор не могу забыть, как мама в ту ночь старалась прикрыть его простыней. Мне он казался просто куском сырого мяса.

Может, через какое-то время он и будет выглядеть ничего, а может, он и был вполне нормальным, пока с него не содрали кожу, так что он стал розовым и чудным.

Надеюсь, когда-нибудь я смогу увидеть что-нибудь более приятное на вид. Господи, сделай, чтоб так оно и было. Не хочу я лежать так, как лежала тогда мама. Как будто рыба на берегу, когда ее вытащили из воды, и она пытается дышать. Одни только судорожные вдохи-выдохи, и ничего больше. Если только мне удастся найти настоящего мужчину, тогда, наверное, я смогла бы с удовольствием заниматься с ним любовью так, как, по моему мнению, это и должно происходить. Наполовину управляемо, и наполовину... Не могу подобрать нужного слова. Кажется, я становлюсь слишком уж испорченной. Если бы кто-то прочел то, что я здесь пишу, я бы просто умерла со стыда.

В лесу уже ухают совы. Одна из них сидит на дереве прямо у меня над головой... Все-таки она какая-то странная. По-моему, это сова мужского пола и, кажется, следит за мной. Всякий раз, когда я смотрю наверх, она тут же дергает головой и отворачивается. Интересно, знает ли она, о чем я тут пишу. Господи, пора мне уже, наконец, стать хорошей девочкой. Прямо сейчас. Может, это такая птица, про которую я однажды читала? На плечи вам опускается большая птица, она нежно прижимается к вам, а сама в это время занята тем, что читает ваши мысли. И если они были скверными, птица старается клкнуть вас в глаза и уши, словно указывая: надо смотреть и слушать, а не предаваться плохим и грязным мыслям.

Иногда мне так хотелось бы летать. Интересно, мечтают ли птицы хоть когда-нибудь о том, чтобы ходить в школу или на работу? Или чтоб у них были платья

и костюмы, а не перья, о которых так мечтаем мы? Будь я птицей, я поднялась бы в небо над Твин Пикс и улетела бы далеко-далеко за его пределы. И никогда бы не вернулась обратно, если бы в этом не было необходимости.

А сейчас я только запишу свое стихотворение, и можно будет отправляться домой:

То, что во мне таится,
О том никому неведомо,
То мой секрет.
Но вот завладел он мною
И тянет меня за собою
В глухую ночь.
Секрет мне на ухо шепчет:
Ты не будешь смеяться с друзьями,
Ты не будешь взрослеть вместе с ними,
Если только не дашь мне слово
Не выдать мое имя.
В жизни ль все это или, может,
Просто взяло и мне приснилось.
Но едва лишь Оно прикоснется,
Я пропала, я вся растворилась.
Слез не лью,
Не зову на помощь,
Руки чьи-то меня обвивают,
Чьи-то пальцы впиваются в тело,
Чей-то голос тихонько взывает,
Манит в лес, как в кошмаре страшном,
Меня неправую,
Меня прекрасную,
Меня порочную.
Меня - Лору.

Надо возвращаться домой. Пора. Уже стемнело. Оставаться здесь дольше не слишком приятно.

Лора.

16 августа 1984
Дорогой Дневник!

Еще никогда в жизни не была я в такой растерянности. Сейчас ровно половина шестого утра, а я так дрожу, что едва в состоянии держать ручку. Только что я снова была в лесу. И заблудилась. Но кто-то меня вел. Мне кажется, я очень плохой человек. С завтрашнего дня начинаю новую жизнь. Не буду думать ни о чем таком. Не буду больше думать о сексе. Может, он перестанет являться, если я очень постараюсь быть хорошей. Может, мне удастся стать такой, как Донна. Она хороший человек. А я плохая.

Лора.

P. S. Обещаю, обещаю, обещаю быть хорошей!

31 августа 1984
Дорогой Дневник!

Я ничего не записывала в тебя целую вечность, потому что я так старалась быть счастливой и вести себя хорошо, все время находясь среди людей, чтобы не быть одной и не дать воли плохим мыслям. Но сегодня я не могу больше молчать: слишком много всего накопилось.

У меня начались месячные. Это не совсем то, что я думала. На следующей неделе идти в школу, а тут такое самочувствие. Утром я встала с кровати и вдруг вижу кровь. Я позвала маму, и она, понятное дело, устроила из этого целую историю. Хотя я просила ее никому ничего не говорить, она тут же позвала папе. И теперь, наверное, в "Грэйт Нозерн" все все знают. Мне просто нужны были эти проклятые тампоны или как там они называются, а она вместо этого начала мне объяснять, что я теперь стала женщиной и все такое прочее. Ну, хорошо. Хорошо. Событие это не рядовое. Но моя жизнь от этого может стать только хуже, если не проявлять осторожности. Сейчас, во всяком случае, у меня колики и я лежу в кровати.

Мама передвинула ко мне в комнату телевизор - весьма мило с ее стороны, - на моем животе грелка, а рядом на ночном столике гора аспириновых таблеток. Телевизор меня не особенно интересует, так что я снова осталась один на один со своими мыслями о жизни и о... других вещах. Мне кажется, то, что выходит сейчас из меня, должно было бы стать источником жизни для какого-то другого существа. Я радуюсь, что больше во мне нет никого. Во всяком случае, ребенка.

Иногда я думаю, что внутри меня кто-то находится, но это как бы и не во мне, а в ком-то, мне неведомом. Порой я даже вижу эту неведомую "ее" в зеркале. Я вовсе не уверена, что мне когда-нибудь захочется иметь детей. С родителями или людьми, которые ими становятся, что-то происходит. Мне кажется, они забывают, что сами когда-то были детьми и кое-какие вещи порой могут смущать или огорчать их собственных детей, но они или забывают об этом, или сознательно не обращают внимания. Со мною поздней ночью происходит иногда множество дурных вещей, так что я, вероятно, никогда хорошей матерью не стану. От этого мне делается грустно.

Рада я одному. Юпитер лежит рядом со мной на кровати, и тихонько мурлычет. Как и ты, он никогда не будет меня ругать.

Лора.

1 сентября 1984
Дорогой Дневник!

Грудки у меня болят, и, по-моему, это как-то глупо, потому что они ведь такие маленькие. Должна, правда, сказать, что они больше, чем были на прошлой неделе, и уж, конечно, выглядят гораздо красивее. И у них такие упругие маленькие розовые соски. Но, Господи, как они болят.

Мама зашла раньше обычного, и мы очень мило с ней поговорили. Я сказала ей, что не надо было ничего рассказывать папе о моих месячных. Тут она извинилась, но заметила, что поступила так единственно из-за того, что знала: он будет гордиться своей маленькой девочкой, которая отныне стала женщиной. Она поменяла воду в грелке и долго массировала мне живот. Все это время нам ничего не надо было говорить друг другу, но я все же чувствовала, что наш разговор продолжается.

Потом она легла рядом со мной на кровать и тихо выскользнула, только когда я примерно через час заснула у нее на плече. После того как я проснулась, мы с мамой распили на двоих бутылку содовой, и впервые за долгое время я почувствовала, что мы по-настоящему с нею близки.

Надеюсь, сегодня ночью я буду спать без сновидений.
С любовью, Лора.

9 сентября 1984
Дорогой Дневник

Я открыла в себе нечто новое. Помнишь ту ночь, про которую я тебе рассказывала, когда я проснулась от охватившего меня блаженства? Ну, так вот! Я обнаружила, что у меня на теле имеется одно место, и оно позволяет мне вызывать это ощущение в любой момент. Теплое, чудесное место, где все остальное растворяется, оставляя меня один на один с моим блаженством. Маленькая, потайная красная кнопка. И здесь я полная хозяйка. Наконец-то есть нечто, способное унести меня прочь, так же как и мои грезы. Я могу добиваться этого, лежа в кровати и нежно лаская кончиком пальца заветное место. До чего приятно! Можно делать это и в ванне с помощью водяной струи (вот уж не думала, что

ванна в состоянии доставлять такое удовольствие). Можно под душем, когда на тебя сверху нежно льется вода.

Я извиваюсь и подпрыгиваю у себя в постели, и мне иногда приходится накрывать голову подушкой, чтобы было совсем темно. И еще, чтобы никто не слышал моих вскриков. Это же все-таки тайна. Хорошая она или плохая, но она доставляет мне наслаждение, и никто не должен знать о ней, кроме тебя, дорогой Дневник.

Ну и неделя! Сначала мои месячные и все, что с ними связано, а теперь это сладостное, как мед, открытие. Сейчас я чувствую себя по-настоящему женщиной, и, наверное, не далек тот день, когда я смогу разделить эту тайну со своим избранником.

Спокойной ночи! Спокойней ночи! Спокойной ночи!

Лора.

Р. S.

Всем сердцем надеюсь, что не совершаю ничего дурного этими своими прикосновениями. Надеюсь, все девочки поступают точно так же, и мне не грозит в будущем никакое наказание.

15 сентября 1984

Тому, кто посмеет это прочесть

Никак не могу примириться с мыслью, что перестала верить родителям и друзьям. Теперь я точно знаю, что кто-то брал и читал мой дневник, и этих "кто-то" могло быть даже несколько. Теперь я уже долго не буду ничего записывать в этом дневнике, если вообще буду. Ты, кто прочел мои записи, разрушил мою веру вправо тайны личной жизни. Кто бы ты ни был, ненавижу тебя за это!

На этих страницах я записывала то, что и мне самой было бы страшно или стыдно перечитать... Я верила, что только я одна вправе листать эти страницы и только тогда, когда пожелаю. Многое здесь терзает и сбивает с толку меня самое. Но оно необходимо мне, чтобы мои тайные мысли выплеснулись наружу, и я смогла отогнать их прочь от себя.

Пожалуйста, не трогайте этот дневник. Я вполне серьезно.

Лора.

3 октября 1985

Дорогой Дневник!

Прошел год, даже больше, пока я решилась вновь начать говорить с тобой. Мне удалось найти тайник, о котором я, правда, не буду распространяться на тот случай, если тебя обнаружат в другом месте, и кто-то станет совать свой нос в мои тайны.

Я знаю, это не твоя вина, что тебя нашли и как вору проникли на твои страницы, но мне потребовался долгий срок, чтобы перестать бояться поверить тебе мои мысли. Много, много всего произошло с тех пор, как я в последний раз обращалась к тебе, и многое из этого всего доказало, что мои представления о мире, в основе своей жестоком и печальном, оказались справедливыми, как подтвердило время.

Я не верю никому и лишь изредка - самой себе. По утрам, днем и вечером меня терзает одно и то же: что есть добро, а что зло? Я не в силах понять, наказывают меня за что-то, сделанное мною неправильно, о чем я даже не помню, или же подобное происходит с каждым и я просто слишком тупа, чтобы это осознать.

Во-первых, я обнаружила, что не папа подарил мне Троя. А сделал это Бенжамин Хорн. Детали опускаю, но как бы то ни было, я невольно услышала, как Одри ссорилась из-за этого со своим отцом. Я была тогда у них в "Грэйт Нозерн", чтобы повидаться с Джонни. Это брат Одри, еще один ребенок Бенжамина. У Джонни отставание в развитии. Он старше, чем я, но у него ум маленького ребенка. Так, во всяком случае, говорят врачи.

Иногда я думаю, что он специально помалкивает, потому что куда интереснее бывает просто слушать людей, чем разговаривать с ними. Единственные слова, которые он произносит, это "Да" или "Индейцы". Он без ума от индейцев, постоянно носит индейский головной убор из замечательно красиво раскрашенных перьев и полосок цветной кожи. Для него мир - это странная смесь счастья и страдания, и мне кажется, я понимаю Джонни гораздо лучше, чем многих других людей. Может быть, надо выкраивать больше времени для общения с ним. Его так часто бросают одного.

Я в восторге, что у меня есть мой пони, мой Трои, и обожаю кататься на нем верхом, прогуливать его или просто смотреть, как он пасется. Но теперь я испытываю чувство неловкости за папу. Как будто он перестал быть правдивым человеком, каким был всегда, после того, как сказал, что Трои - это его подарок. Не знаю, может, так хотел Бенжамин. Но в любом случае, я всем этим очень заинтригована и чувствую, что обязана Бенжамину больше, чем папе.

Иногда я начинаю думать, что лучше бы уж мне не дарили никакого пони: тогда я не потеряла бы своего уважения к отцу, а Бенжамин оставался бы для меня просто Бенжамин. И самое плохое, что мы с Одри теперь никогда в жизни не сможем дружить. Мне даже немного не по себе, что всему виной я. Но вместе с тем это вызывает во мне чувство своей силы. И почему это такого рода вещи случаются именно со мной?

Знаешь, мне кажется, что из всех людей на свете доктор Хэйворд действительно меня любит. Он бескорыстен, добр, и у него для меня всегда находится нежная улыбка, которая меня вдохновляет или прощает - словом, дает мне то, чего в данный момент жаждет моя душа. Тринадцать лет назад он помог мне прийти в этот мир и на короткий миг прижал к своей груди мое маленькое тельце. В своем воображении я рисую себе этот момент как один из самых светлых в моей жизни. Я люблю доктора за то, что он прижал к себе меня, этот испуганный маленький комочек, только что открывший мир воздуха и света, за то, что он внушил мне уверенность, не сказав ни единого слова. Я знаю, если понадобится, он снова поддержит меня.

Он из тех, кого я с удовольствием видела бы каждый день. От него исходит нежность дедушки и вместе с тем всегда ощущаешь твердую поддержку, совсем как у отца.

Вернусь после ужина. Осталась еще масса новостей.

С любовью, Лора.

3 октября 1985 (позже)
Дорогой Дневник!

Сегодняшний ужин просто прекрасен. Еще бы, одно из моих самых любимых блюд - картофельные оладьи, политые сверху кукурузным соусом, с овощным гарниром. Надо будет мне скоро изменить свою диету, а не то рискую раздуться, как воздушный шар. Мама приготовила сегодняшнее блюдо специально для меня, потому что она знает, что я все еще расстроена из-за Юпитера. Она и папа ели на ужин курицу.

А сейчас я расскажу тебе про Юпитера. Обычно он выходит на задний двор и там играет. Участок не огорожен, но Юпитер ни разу не убежал. Мне кажется, он слишком умный, чтобы оставить дом, где его так любят и так хорошо кормят. Хотя я не так уж часто рассказывала тебе о нем, он всегда был одним из самых любимых друзей для меня, неизменно ласковым и нежным. Всегда любившим меня, несмотря на то, как я выгляжу и как себя веду - хорошо или плохо.

Часто ночью, когда мне не спалось, мы играли с ним вдвоем внизу с клубком ниток при тусклом свете маленького бра. Потом мы обычно отправлялись на кухню лакомиться мороженым. Он прямо обожал ванильное. В доме темно, а мы бесшумно крадемся в гостиную - и там нас неожиданно настигает сон, через много часов

после того, как мы потеряли всякую надежду заснуть. У меня есть фотография, сделанная папой, из которой Юпитер и я спим на кушетке после одной из таких ночей. У нас не было сил подниматься по лестнице, и мы свалились там, где играли.

Я дала фото Юпитера шерифу Трумену, чтобы он выставил его у себя в полицейском участке. Я надеюсь, что они разыщут того, кто сшиб моего Юпитера. Понимаю, что, скорее всего, это бал несчастный случай, потому что еще за несколько минут до случившегося он как раз обнаружил мышонка или что-то в этом роде... Я не особенно обращала на него внимания, пока он не побежал за ним и не выскочил на дорогу, где его сшибла машина. Мама услышала шум и крикнула, чтобы я оставалась там, где была, пока она не выяснит, что случилось. Слишком часто, однако, у нас с мамой появляются одинаковые мысли, бывают и одинаковые сны, чтобы она могла допустить, что я ее послушаюсь и останусь у себя в комнате, когда я все уже знала. Ясно, что я не стала ждать и тут же вышла. Юпитер еще дышал, а из глаз и живота лилась кровь.

Не могу поверить, что можно вот так среди бела дня переехать кошку и потом никому ничего не рассказать об этом. Даже не подумать остановить машину и зайти в ближайший дом сообщить о происшедшем. Мама говорит, что слышала, как завизжали тормоза, а папа заявил, что если бы он был дома, то мог бы по этому звуку определить, что это была за машина. Я лично в этом сомневаюсь, но слышать его слова было все-таки приятно.

Мы похоронили Юпитера недалеко от дома. Вот и ушел настоящий друг, когда их у меня так мало и я так их ценю. Лучше бы я потеряла что-нибудь другое, а не моего Юпитера.

Если быть с тобой откровенной, как я всегда и поступаю, многие у нас в Твин Пикс меня любят. Множество людей знает, как меня зовут, а уж у себя в школе я известна всем и каждому. Вся проблема в том, что в отличие от этих людей, которые полагают, будто знают меня, я их решительно не знаю. Думаю, с полным правом могу сказать, что и они меня не знают. Лучше всех остальных знает меня Донна.

И все равно я боюсь рассказывать ей о своих фантазиях и кошмарах, потому что иногда она все понимает, но, бывает, в ответ просто хихикает, и у меня не хватает духу спросить у нее, почему такого рода вещи ей кажутся смешными. Мне тогда опять становится неприятно, и я надолго перестаю делиться с ней. При этом я очень люблю Донну, но боюсь, она бы не водилась со мной, если бы знала, что таится у меня внутри. Душа моя мрачная и черная, и она населена образами великанов из моих снов: каждый из них знает, как ему лучше схватить меня и подчинить своей воле. Прекрасная принцесса, которая полагает, будто ее спасли из заточения в башне, обнаруживает, что спаситель сделал это только ради того, чтобы войти в ее лоно, и как можно глубже, а вовсе не для того, чтобы ее освободить. Его цель – укротить ее, как будто она дикое животное, дразнить ее, заставлять лежать с закрытыми глазами и слушать, как он рассказывает обо всем, что он с ней делает. Шаг за шагом. Я надеюсь, что все не так ужасно, чтобы нельзя было об этом думать.

С любовью, Лора.

12 октября 1985
Дорогой Дневник!

Вчера вечером я в первый раз попробовала сигарету с марихуаной. Мы были у Донны, где я ночевала, но ее родители ушли вместе с моими на вечеринку в "Грэйт Нозерн", которую устраивал Бенжамин, так что мы остались в доме совершенно одни. Ни Донна, ни я не хотели там быть – особенно я, учитывая Одри. Я уговорила Донну взять велосипеды и поехать в "Бук-Хаус", чтобы с кем-нибудь там познакомиться. Мне пришлось бесконечно долго убеждать ее, что я никому ничего не скажу, и обещать ей, что мы вернемся до прихода родителей. В конце концов, она согласилась, потому что нам обоим до чертиков надоело видеть вокруг нас все время одни и те лица.

Мы не пробыли там и получаса, как к нам подошли трое парней – Джош, Тим и еще один, чье имя я не могу вспомнить. Я как раз курила сигарету, которую

утащила из бюро, когда последний раз была в "Грэйт Нозерн" и принесла Джонни книгу рассказов об индейцах.

Ребята решили, что нам больше лет, потому что одна из нас курила. Вот они и подошли, Джош с Тимом и третий парень. Сказали, что они из Канады, и этому легко было поверить, потому что каждому слову они прибавляли "н-да".

- Хочешь сигаретку получше, н-да? - обратился Тим к Донне. Она ему явно понравилась, и это ее немного удивило, потому что все трое выглядели лет на двадцать. Что касается моих чувств, то никто из них не относился к тому типу мужчин, который меня; колышет. Все они были милые ребята. С такими чувствуешь себя в безопасности, но никакого возбуждения... Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я им сказала, что не прочь была бы попробовать сигаретку получше, и мы с Донной вместе с ребятами пошли за угол дома. Донна выдумала целую историю, что в Твин Пикс мы с ней проездом и уезжаем сегодня вечером - самое большее через час мы должны быть у своего экскурсионного автобуса. Наш тур, по ее словам, называется "По лесным местам". Мне кажется, что они:

нам поверили, потому что сразу заторопились и тут же зажгли эту штуку. Джош сказал, что с первого раза мы можем ничего не почувствовать, но Донна и я убедились, что он не прав.

- Дым задержали, как я говорил, н-да? - спросил он.

"Задержали"!.. Целых шесть раз! Это было потрясающе, Дневник! Чувствуешь одновременно и расслабление, и тепло, и... сексуальное влечение.

Я называла Донну "Трисия", а она меня "Бернис". Это на тот случай, если бы они вернулись и стали бы нас разыскивать... Чем бы это ни вызывалось. Просто мы не хотели, чтобы кто-нибудь знал наши настоящие имена. Так что мы чувствовали себя абсолютно раскованными и хохотали как сумасшедшие. Никогда я так не смеялась. Все, что было вокруг, вызывало приступы дикого смеха. Все казалось расплывчатым и каким-то волнистым, как будто смотришь на мир сквозь дно перевернутого стеклянного стакана. Дул теплый еще, легкий ветерок, и деревья пахли так восхитительно.

Тим принес нам по чашке кофе с шоколадом, и мы все пятеро сидели и толковали о разных разностях - например, что наша Вселенная вполне может оказаться всего лишь маленьким узелком на свитере какого-нибудь великана, и в один прекрасный день, может быть, совсем скоро, кто поручится, не страхнут ли он нас всех с себя или швырнет в стиральную машину вместе со свитером, и мы все там захлебнемся и потонем. Донна заметила, что, вполне возможно, наше представление о сотнях лет всего лишь доля секунды для этого великана и что-то вот-вот должно произойти: сколько же можно ходить, не снимая свитера?

Нам всем понравилась мысль, что на его свитере могут быть еще и другие маленькие вселенные, или "нитяные шарики", и нам всем захотелось поскорее встретиться с жителями этих других миров, лишь бы они были приветливы с нами. До нас стала доноситься музыка из "Роуд-Хаус" - по соседству с нами, и я почувствовала неодолимое желание встать и немного потанцевать. Никогда не было мне так хорошо - просто парить в вечернем воздухе и ощущать, как внутри меня разливается тепло.

Донна тоже решила потанцевать со мной несколько минут, пока не поняла, что нам срочно надо бежать к... "нашему экскурсионному автобусу"! Пришлось наврать насчет велосипедов, которые мы якобы взяли напрокат в Бюро находок при полицейском участке, ко мне показалось, что на этот раз парни не клюнули. Но если они и поняли, что мы врал им, то ничего не сказали - весьма мило с их стороны. Может, они тоже испытали этим вечером кайф. Ну, а может, и нет. Они все-таки были старше нас, и у них, наверное, могли быть раньше и более захватывающие встречи.

Возвращаясь домой, мы то и дело должны были останавливаться, потому что давились от смеха. Потом вдруг мне дико захотелось молока с печеньем, как будто если я сейчас же их не заполучу, то сразу умру, и Донна согласилась со мной на все сто процентов, что нам просто необходима поесть сладкого. Она сказала, что дома у них яблочный пирог, но нам показалось, что это не то. Мы вытрясли содержимое своих карманов и зашли в ближайший магазинчик, где продавались сладости. Мы столько закупили всякой ерунды, что обратно до дома Донны нам пришлось идти пешком и катить рядом велосипеды, потому что одна рука каждой из нас была занята большущим пакетом. Всю дорогу мы были как ненормальные, а глаза у нас налились кровью, о чем ребята нас предупредили. Мы спешили, потому что хотели попасть домой до прихода родителей.

Нам крупно повезло: едва мы завалились в дом, как позвонил доктор Хэйворд и предупредил, что они задерживаются: у Бенжамина показывали слайды или что-то в этом роде. Слава Богу! Мы тут же бросились наверх и закапали лекарство в глаза, потом включили стерео и ели, танцевали и хохотали под музыку, а к тому времени, когда взрослые вернулись, мы уже крепко спали.

Я знаю, что наркотики – это плохо, но начинаю чувствовать, что мне они нравятся. Наверное, я все-таки сама плохая.

Остальное завтра.

Лора.

20 октября 1985
Дорогой Дневник!

Прошло уже больше недели, и у меня появились свежие новости. Извини, что не написала раньше, но, честно говоря, у нас тут творится что-то ненормальное... во всяком случае, со мной. Дома-то по-прежнему, но меня все раздражает. Господи, Господи, иногда кажется, что я попала в ловушку. Постоянно приходится носить на лице эту дурацкую улыбку, чтобы не приставали с вопросами, что случилось.

Меня интересует вот что: может ли боль – не такая, какая бывает, когда у тебя погибает кошка или умирает тетя, но такая, с какой надо жить постоянно, – стать... твоим другом? Тенью или твоим вторым я. Возможно ли это?

В общем, новости довольно странные. Я слегка нервничаю: оказывается, чувство опасности может доставлять мне удовольствие. Но лучше я расскажу тебе все и сниму эту тяжесть с души. Может, это будет как с моими снами – когда изложишь на бумаге, понимать их становится менее трудно. Итак, начнем. В пятницу, то есть позавчера, мы с Донной снова отправились в "Бук-Хаус" часа в четыре. Мне кажется, мы сделали это в надежде, что опять встретим там Джоша, Тима и их друга и снова поймем кайф, покурив такую же сигарету. Мы приоделись, конечно, не слишком, ничего сверхъестественного, потому что у себя в городке мы практически знаем всех и не хотим, чтобы нас увидели, а потом положили родителям. Но все-таки мы надели довольно короткие юбки, которые облегали нас чуть больше, чем считается приличным всеми, кроме, конечно, мальчишек, слегка подкрасили лица косметикой, которую миссис Хэйворд подарила своей дочери Донне на Рождество, потому что та мечтала поскорее начать краситься и мать решила: пусть уж у дочери будет свой косметический набор.

Ну, так вот! Приезжаем мы в "Бук-Хаус", а там никого нет, кроме Большого Джейка. Это мистер Морисси, хозяин заведения. Наверное, сначала надо было рассказать тебе, что это за место такое, где мы были, чтобы ты лучше все себе представлял. "Бук-Хаус" – это кофейня, в основном для мужчин – хотя женщин туда и пускают, ходят туда одни мужчины. Повсюду там книги, на столах и на полках, тянущихся вдоль стен от самого входа. Там пахнет сигаретами, кремом после бритья и кофе. Кофе варится там постоянно. На этот раз, как только мы зашли, я обратила внимание на фото одного парня – прямо героя из моих снов! Я, конечно, ничего не сказала, но он меня поразил. Грубый, мужественный, а глаза – как у щенка, и такая нежная кожа.

На фото он запечатлен в джинсах и кожаной куртке, держит книгу, сидит на своем мотоцикле и читает. Любовь с первого взгляда! Итак, посетителей, кроме нас, никого не было, и Джейк принес нам кофе. Скоро, сказал он, начнут появляться клиенты, и с нашей стороны было бы благоразумным, если бы мы тогда же и ушли, особенно учитывая то, как мы выглядим.

– Вы что, девочки, спрашиваетесь на неприятности с мальчиками? – спросил он то ли в шутку, то ли всерьез.

Донна вся покраснела, а я сказала ему то, что ответила бы маме или папе, если бы они узнали о нашей вылазке:

– Да мы просто прикидываемся и валяем дурака. Ради любопытства, а не всяких неприятностей.

Он понял или, скорее, сделал вид, что купился. Мы спокойно допили кофе и поднялись. Проходя мимо стойки, я, правда, сказала Джейку, что примерно с неделю назад здесь были трое ребят из Канады, которые помогли мне и Донне заклеить шины после того, как мы напоролась на осколки пивных бутылок, всегда

валяющихся перед "Роуд-Хаус". Если он их увидит, попросила я, то пусть скажет Джошу, Тиму и еще одному парню, блондину, что мы хотели бы их отблагодарить чашечкой кофе или еще чем-нибудь в том же роде. И еще я сказала ему, что скорей всего мы будем за углом. И если они сейчас придут, то смогут найти нас там, мы немного постоим, поболтаем. Джейк обещал все передать, если только, конечно, они объявятся.

Ну и представляешь! Они появились. Должно быть, Джейк передал им все в точности, как я просила, потому что они подошли к нам со смехом и устроили нам выволочку за наше вчерашнее вранье. Донна сразу же нашлась и ответила им, что мы просто хотели убедиться, что они приличные ребята, прежде чем раскрыть, кто мы и все остальное.

Ребята сказали, что мы выглядим просто шикарно, и тут я узнала, что третьего парня зовут Рик и всем им по двадцать два! Насчет своего возраста мы сказали, что это неважно: мы можем делать все что хотим, но при условии, что к десяти должны быть дома. А если задержимся, то обязательно должны позвонить. Джош сказал, что у него есть выпивка, и если мы знаем какое-нибудь укромное местечко в лесу, где можно разжечь костер, то хорошо бы туда двинуть и соорудить небольшую пирушку. К тому времени было уже полшестого.

На этот раз они были на грузовичке, а не на велосипедах. Мы с Донной забрались в открытый кузов и сказали им, что нужно пересечь шоссе Лаки-21 и свернуть в лес, как только кончится Лоу Таун. Мы решили, что там будет безопаснее всего, а если что-нибудь случится, я всегда могу сказать, что мы с Донной заблудились во время прогулки или что-то в этом роде. В любом случае я прикинула, что все должно быть нормально. Парни казались вполне приличными, и мы снова им доверились.

Место, куда мы приехали, было подходящим: поблизости ручей, а на земле почти кет хвои. Пока Тим и Рик собирали хворост, Джош открыл эту свою бутылку... джина, так мне показалось. До этого ни Донна, ни я не пили в своей жизни ничего более крепкого, чем бокал шампанского, – и всего только один раз, на дне рождения доктора Хэйворда в прошлом году. Так что и для нее, и для меня джин был целым событием. Донна немного нервничала, хотя и была радостно возбуждена. Что до меня, то я просто была возбуждена и первой из нас двоих, вслед за Джошем, отхлебнула из бутылки. Мы передавали ее по кругу... пока она не опустела.

Донна и я почти сразу же поплыли. Рик все время повторял:

– Они спеклись, ребята. Донна и мне понадобилось пописать, и мы отошли от костра футов на тридцать, присев за деревом. В первый момент мы испугались. Здорово испугались. Вот мы сейчас вернемся к ребятам – и как нам дальше себя вести? Этого не знала ни Донна, ни я, и нам казалось, что до сих пор мы болтали слишком много глупостей, совсем как дети, и вообще все делали не то.

Когда я встала, в голове моей прояснилось. Я подумала про себя: "Теперь уже поздно отступать, ты все равно пьяная, так что лучше наслаждайся жизнью, но не забывай посматривать на часы!" Донна согласилась, что нам и на самом деле лучше плыть по течению и держаться вместе, чтобы снова не сделалось страшно.

Тим врубил на грузовичке стерео, и я спросила, не будет ли это смешно, если я немножко потанцую, потому как мне так нравится эта песенка. Все трое сказали, давай, а Донна просто сидела, уставившись на огонь. Тим подошел к ней, уселся, совсем рядом и качал что-то нашептывать. Глаза у нее сделались совсем большие, она вроде засмеялась и как будто размякла. Наверное, он сказал ей, какая она хорошая, красивая и все такое. Надо не забыть потом спросить ее, что он такое ей наговорил.

Я, значит, танцевала, а Джош и Рик прямо не могли оторвать от меня глаз... мне становилось все приятнее, и чувствовала я себя все увереннее, но мне ударило в голову, и я стала изображать что-то вроде эротического сексуального танца. Того самого, который я репетировала одна у себя в комнате перед большим зеркалом. Я крутила бедрами, медленно двигая руками, иногда прикасаясь к бедрам, как бы давая понять, до чего приятно до себя дотрагиваться.

Проклятье! Мама зовет вниз мыть посуду. Но скоро я вернусь. Столько еще осталось всякого рассказать!

С любовью, Лора.

Вот я и вернулась, Дневник. Извини за этот перерыв. Итак, я танцевала, а Донна, увидев, что я вытворяю, смотрела на меня как на ненормальную. Потом ей, наверное, тоже захотелось стать центром внимания, потому что она посмотрела на часы и объявила:

- Пошли купаться гольшом!

Понимаешь теперь, какая Донна была пьяная.

На секунду все спешили, и не было слышно ничего, кроме музыки, потом дружно согласились: "Ого! Идем!!!"

Тут Донна и я разделись... абсолютно догола. Правда, трусики сначала все-таки оставили, но потом испугались, а вдруг ребята решат, что имеют дело с маленькими глупыми девчонками. Они все трое уже сидели в ручье за камнями, когда мы с Донкой голые подошли к костру. Ручей не больше трех с половиной футов в самом глубоком месте. И вот они сидели там, а мы сложили одежду и еще минуту постояли у огня. Потом мы пошли к воде, и Джош! вдруг крикнул:

- Остановитесь. Ни шагу!

Мы замерли. Прошла минута, и он повернул голову к Тиму и Рiku.

- Ребята, вы когда-нибудь в своей жизни видали такую красоту, как эти две девочки!

Оба издали какие-то булькающие звуки, выражавшие восторг. Мы с Донной прошли еще немножко, пока вдруг не осознали, что все трое уставились на нас... и до них совсем, совсем близко, понимаешь?

- Вы только поглядите, как падает на них свет от костра, - произнес Тим.

Джош и я посмотрели друг на друга, а потом опять на них. Различить их было трудно, потому что мы стояли близко к огню, а они там, в ручье, были в полной темноте.

- Пожалуйста, девочки, присоединяйтесь к нам, - позвал Рик из воды.

Мы так и сделали.

Это было восхитительно. Ощущать тела под водой, такие мягкие и колеблющиеся... все это казалось сном. Еще никогда не испытывала я наяву ничего более прекрасного, что так напоминало мои ночные фантазии. У всех троих... стоял. Не знаю даже, как мне его назвать... Но уж точно не пенис - слово, которое встречается только в пособиях по сексу. В общем, у всех у них стоял.

Тут я сказала (в основном из-за Донны, потому что знала: она обалдела от всего этого хуже меня):

- Давайте сделаем сегодняшний вечер просто игрой... и пусть мы все отправимся домой с замечательным чувством сожаления о том, что так и не случилось... Ни Донна, ни я не готовы сейчас идти с вами до конца.

Когда эти слова вылетели из моего рта, то на секунду я просто опешила. Кто это говорит? И что я, Лора Палмер, тринадцати лет от роду, собственно, делаю здесь, в лесу, с тремя голыми парнями, каждый из которых на девять лет старше меня?

Все согласились со мной, но Джош сказал:

- Может, все-таки разрешите к вам прикоснуться и поцеловать?

Донна посмотрела на меня так же, как год назад, когда Мэдди рассказывала, как она целовалась. Я ответила, что не возражаю, но если Донна против, то не надо ее заставлять. Теперь, когда я мысленно возвращаюсь к этому вечеру, что-то говорит мне: это был момент наивысшего возбуждения у ребят. И даже если бы мы их и попросили, они ничего плохого с нами не сделали бы, потому что сами были напуганы не меньше нашего. Такой уж это был особенный и неповторимый вечер. Как будто лес вселил во всех нас безумие, а деревья и окружающая нас темнота заставили забыть обо всем. Была уже половина девятого, и оставалось не больше часа: в десять мы должны были быть дома. Я опустилась на колени перед Джошем прямо в воду и при этом замочила волосы. Потом посмотрела на него и говорю:

- Если хочешь, можешь трогать их, я разрешаю. Он медленно прикоснулся к моим грудям, которые, на мой взгляд, в последнее время налились и стали как у взрослой, а сам так и дрожит весь от изумления. Я чувствовала себя наверху блаженства. Подумать только, я заставила этого двадцатидвухлетнего парня полностью потерять контроль над собой. Он потрогал груди, потом перешел к соскам, и мне было ужасно трудно удержаться, чтобы не сказать ему, как это приятно, так что я просто засмеялась.

Тим начал трогать груди Донны, а она только молча смотрела на него. У Рика не было пары, и я тогда сказала:

- Ты тоже можешь меня потрогать... но учти, мы договорились не делать глупости... понял?

Он кивнул, подполз ко мне и взял мой сосок в рот. Мне пришлось закрыть глаза, а то я испугалась, они выскочат из орбит. Это было невероятно! Почему-то я тут же подумала о том парне на фото в "Бук-Хаусе", и даже если это звучит странно, я все равно об этом скажу.

Мне представилось, что я кормлю его грудью, и это вызвало новый прилив возбуждения. Этот парень, такой взрослый... а нуждается в моем тепле и силе. Я почувствовала гордость, словно фея из сказки, способная подарить им обоим мечту. Джош приник к моему второму соску, а Тим и Донна тем временем отодвинулись чуть ниже по течению и начали разговаривать. Потом Донна вышла с Тимом из ручья, оделась и, сидя у огня, продолжала с ним, беседовать. Я не стала обращать на нее внимания, да и не могла. Я не собиралась прерывать того, что давало мне такое наслаждение. Пока было возможно.

Я шепнула Джошу и Рику, что мне хочется, чтобы один из них меня поцеловал, только понежнее и помедленнее... а другой пусть продолжает ласкать меня. Рик ответил, что первый поцелуй за Джошем, но при условии, что и ему тоже будет позволено это сделать позже.

И вот Джош придвинулся ко мне, совсем близко и, перед тем как поцеловать, произнес тихо, тихо: "Нежно, да?" И я ответила: "Да". Тогда он спросил: "Понужнее и помедленнее..." И он открывал рот, и я открывала, и наши языки начали двигаться вместе... похоже, мы уже не могли остановиться. Но все совершалось медленно... так медленно и приятно. Все это время Рик продолжал сосать мою грудь, издавая звуки, как если бы он был голоден и постепенно насыщался или ел мороженое, причмокивая от удовольствия.

Хотя, судя по этим звукам, ему было приятно, но мне, поверь, было еще раз в десять приятнее.

Я впала в забытие и уже не знала, сколько времени это продолжается, и мне стало казаться, что со мной в жизни никогда не случалось ничего плохого. Все куда-то отступило, и мне вдруг сделалось все равно, увижу ли я когда-нибудь Донну, маму, папу, всех остальных... Меня захлестнуло чувство, что я нужна, необходима, желанна, как будто я сокровище... это было единственное состояние, в котором мне отныне хотелось пребывать. У меня не было возраста, и с миленькой Лорой меня связывали теперь ни время, ни школа, ни печали, ни обязанности, омрачавшие мою жизнь. Я как бы лишилась возраста, я стала сейчас тем, что было единственно нужно этим двоим. Частью их снов!

Потом целовал Рик, и он был так же нежен и ласков, но целовался он по-другому. По-другому двигались его язык и губы. Он делал неожиданные паузы, нежно покусывая мои губы, как будто дразнил.

Я знаю, мое описание чересчур затянулось, но поверь, Дневник, я же должна излить душу перед кем-нибудь, а то Донна, хотя она и была там, ничего похожего не испытала и вряд ли меня поймет. Она просто не была к этому готова. Я это не в порядке осуждения, но мне кажется. Донну до сих пор все еще заботит, как остаться хорошей девочкой... до конца. Что до меня, я тоже хорошая, насколько это возможно, и может, не хуже большинства других, но мне давно уже хочется забыть о многом... а тут как раз такой невероятный случай.

Больше в ручье ничего такого не случилось, если не считать, что я потрогала их обоих между ногами. Нежно, как трогали меня они. Я подумала, как это замечательно, что их плоть такая упругая и вместе с тем колышется в воде... Я ее не видела, но зато чувствовала. Именно этого мне и хотелось. Желать большего, но быть в состоянии наслаждаться тем, что есть.

Пока я одевалась, Тим с Донной обменялись телефонами. Единственное, что меня волновало, так это то, что я совсем пьяная и понемногу начинает болеть живот. Донна, по-моему, чувствовала себя не лучше, потому что Тим сказал ребятам:

- Может, как-то сделать, чтоб их вырвало? А то придут домой, и как начнет полоскать. Донна боится, как она тогда будет объясняться с родителями.

Просто невероятно, как эта взрослые парни так деликатно к нам относятся. Они ни одной шуточки себе не позволили в наш адрес, не позволили себе ничем нас унижить. Я знала, что мы этого и не заслуживаем, но все равно приятно, что они так себя повели, особенно учитывая наше состояние. Рик сказал, у них в бардачке машины, где обычно лежат перчатки, есть жвачка. Можно, если мы хотим, потом ее взять. Все это время я старалась представить себе, как иду домой - качаюсь и ничего не соображаю. Идти и вызывать у себя рвоту нам не

очень-то хотелось, но Тим сказал, что нам это поможет. Тогда мы с Донной отошли подальше, засунули пальцы в горло как можно глубже – и нас буквально вывернуло. Это было ужасно, но я почувствовала себя лучше, и Донна тоже сказала, что ей теперь стало легче идти. Вернувшись, мы решили, что пора собираться и было бы неплохо, если бы они высадили нас за квартал от дома Донны или моего. Я считала, что поездка в кузове, свежий воздух тоже принесут нам облегчение.

Подожди секундочку. Дневник, мама хочет поцеловать меня перед сном.

Все в порядке. Вот и я. Слава Богу, она тебя не видела.

Итак, ребята подвезли нас, мы выпрыгнули из кузова, и Тим галантно поцеловал руку Донны, а Рик и Джош сказали, что весьма рады были с ней познакомиться. Я подошла к кабине с той стороны, где сидел Джош, и собралась поблагодарить его... произнести первое попавшееся, что придет на ум... но он меня остановил (по спине моей пробежали мурашки). Он приложил палец к моим губам и произнес:

– Не думаю, Лора, что я когда-нибудь забуду тебя. Он улыбнулся, а Рик сказал:

– Спасибо, что ты поверила нам.

Они отъехали, а мы с Донной чуть не расплакались.

До ее дома оставалось идти всего квартал, и, жуя последнюю жвачку, мы принахились сочинять историю, которую расскажем родителем. Она должна была звучать так:

"Мы гуляли в лесу и просто болтали. Представляли себе разные случаи, обсуждали свои сны и... свое будущее".

Донна сказала, что ей и врать-то не придется, потому что у нее с Тиком все так и было. Они, правда, пару раз поцеловались, и перед самым домом она призналась мне, что ей это очень понравилось.

Я решила, что не надо объяснять, что мы делали в лесу, если только нас не начнут расспрашивать. Мне часто приходилось видеть, как люди стремятся слишком много объяснить, и это выглядит, как будто они лгут или утаивают что-то. В нашем случае это было то же самое.

Когда мы вошли в дом, то увидели, что родители спят внизу на тахте. Мы тихонько прошли мимо и поднялись наверх в спальню Донны. Там мы почистили зубы, слегка причесались и, прежде чем спуститься в гостиную, обнялись. При этом мы не сказали не единого слова. Просто обнялись. Скорей всего, наш порыв должен был означать: у нас есть тайна, мы по-прежнему друзья, и с нами все в порядке. Мы дома, и с нами все в порядке.

Донна разбудила отца и сказала, "что нам было жаль делать это, до того мирно он спал, положив голову на плечо маме. Они тут же предложили отвести меня домой, и я сразу позвонила маме. Она не имела представления о времени, так как, по ее словам, зачиталась, а папа уже спит. Но она все равно дождетсЯ меня.

Я не чувствовала себя виноватой: ведь никто за нас не волновался, а что касается мальчиков, то они оказались такими чудесными. Невольно становится грустно, что все это уже позади. Тот вечер прошел, и я снова прежняя Лора. Тринадцати лет и единственная отрада для своего папочки. Без озлобленности, но с надеждой предвкушаю я, как стану старше, сама себе хозяйка и ни перед кем ни за что не буду отвечать.

Благослови, Господь, маму, папу. Троя и Юпитера – да покоится его душа в мире – и ребят: Джоша, Тима и Рика. Благодарю тебя, Господи, что подарил мне те несколько часов... блаженства.

Скоро продолжу, Л.

Р. С.

У меня такое чувство, что всякий раз, думая о прошедшем вечере, я понемножку кое-что меняю. В моих мыслях ребята постепенно становятся чуть-чуть более грубыми. Сама же я кажусь себе все более обольстительной, заставляя их говорить, что они испытывают, прикасаясь ко мне. Я вынуждаю их рассказывать о своих чувствах. Не знаю, почему меня так и тянет все переиначивать... Мне же нравилось, как все было на самом деле, но, прокручивая события минувшего ве-

вчера в своей голове, я заставляю парней быть немного циничнее. Это доставляет мне удовольствие. Когда они испытывают большее возбуждение, чем я.

10 ноября 1985
Дорогой Дневник!

Прошлой ночью я спала без сновидений. Я уже не думала, что это возможно. Если сны даже и были, я их не помню. Говорят, сны видит каждый и всегда, но обычно я их помню.

В общем, я стояла и расчесывала гриву Троя, как вдруг мне отчетливо вспомнился один адрес: 1400 Ривер-роуд, 1400 Ривер-роуд. Он раньше являлся мне во сне. Надо найти это место и посмотреть, что там, пронеслось у меня в голове. Я тут же решила позвонить маме из конюшни и сказать, что немного покатаюсь верхом и скоро вернусь.

Какое-то представление о том, где находится это место, у меня было. Но все же я сочла нужным уточнить дорогу у Зиппи. Он сказал, что это не так уж далеко, но ничего интересного там нет. Я ответила, что мне просто хочется побывать с Троем в незнакомых местах. Говорить ему, что адрес этот привиделся мне во сне и теперь остается только убедиться в том, что он существует на самом деле, я не стала. Боялась, он подумает, что со мной не все в порядке, и, кроме того, мне и самой не было ясно, почему меня туда так тянет. Наверное, учитывая все, что происходит, лучше помалкивать. Пусть это остается тайной, как и множество других вещей в моей жизни. "Не забудь, - сказал Зиппи, - свернуть налево у развилки проселочной дороги, а то попадешь на мощеную и собьешь подковы у Троя". Я пообещала быть повнимательней, и мы отправились в путь.

В голову мне лезли всякие мысли, и я даже немного всплакнула, потому что стала думать о Джоше, Тиме и Рике: увижу ли я их когда-нибудь? Еще я подумала, почему это Донна мне сегодня не звонила. Уж не считает ли она меня грязной, плохой или что-нибудь в этом роде? Мне так захотелось поговорить с ней. Надеюсь, она не перестала любить меня.

Прямо не знаю, что я стала бы делать, если бы так случилось... И о чем бы я ни думала, каждый раз в голове сам собой возникал тот же самый адрес. Наконец я подъехала к старой заброшенной бензоколонке. Я спрыгнула на землю и привязала Троя к железной стойке все еще сохранившегося там навеса. Навеса, который прикрывает насосы. На нем еще всегда бывает вывеска, чтобы знать, какой компании принадлежит сама бензоколонка. Вокруг все поросло травой, так что пока я поброжу здесь, Трои сможет пощипать травку.

Обойдя Троя, я оказалась у самого входа и тут неожиданно увидела старую женщину. Она тихо стояла с большой клюкой в руках, как раз там, где на столбе виднелась табличка: 1400 Ривер-роуд. Женщина улыбнулась мне, и я поняла, что уже видела это лицо - в своих снах. Долгое время мы молча смотрели друг на друга. Просто смотрели и улыбались. Не могу сказать, что мне была не па себе, скорее просто любопытно, зачем я здесь. И как только я об этом подумала, она заговорила.

- Я знаю, тебе хочется узнать об этом месте и обо мне, - произнесла женщина. Я кивнула.

- Мне привиделось во сне, что ты должна прийти, чтобы мы встретились и немного побыли вместе, - продолжала она.

Внутри у меня все так и перевернулось, а рот сам собой открылся.

- Порой мне снятся те же сны, что и другим людям, - заметила она спокойно. - Так бывает.

Вот уж не думала, что Маргарет, так ее звали, окажется столь приятной. Мы сели с ней вместе на траву перед домиком, и она стала рассказывать мне... обо мне самой. Удивительно, сколько моих тайн она знала. Я не должна так часто тревожиться, принимаясь успокаивать она меня. Надо только повнимательнее вглядываться в окружающее, и тогда со мной, по ее словам, произойдут самые волнующие вещи.

Говоря со мной, она время от времени умолкала, склоняясь над своим посохом, поглаживая его и как бы прислушиваясь. На ее лице при этом блуждала легкая улыбка: ей было явно приятно и забавно то, что она слышала. Порой она шептала, что о каких-то вещах сейчас лучше не говорить. Поскольку время для этого еще не пришло.

Потом она снова повернулась ко мне и тихо произнесла:

- Все совсем не так, как кажется.

После чего отвела глаза, а когда опять посмотрела на меня, выражение ее лица было совсем иным. Маргарет, похоже, испытывала облелегчение оттого, что мы все еще беседуем с ней наедине. Она знала, по ее словам, о моих снах, во время которых я становилась женщиной. Это хорошо, шептала она, девушкам и должны сниться подобные сны. Мало-помалу, однако, я перестала понимать смысл ее слов... Маргарет рассказывала что-то про лес, и я старалась слушать как можно более внимательно, потому что верила ей и полагала: ей ведомо нечто, способное оказать мне помощь. Насколько я сейчас вспоминаю, большей частью это была настоящая тарабарщина, и хотя я все запишу, как слышала, но смысл сказанного так и остался для меня неясен. Может быть, он откроется мне позднее. То, что мне все же удалось понять, наполнило мое сердце радостью: оказывается, я вовсе не была такой уж плохой все это время и, возможно, могу надеяться и дальше не считать себя очень уж большой эгоисткой, если ищу в жизни удовольствий.

Итак, вот некоторое из того, что сказала мне Маргарет. По ее словам, лес - это место, где можно многое узнать и о мире и о себе самой. Но порой мы не имеем права туда заходить, ибо в это время лес населяют другие существа. Бывает, прошептала она мне, что люди не понимают этого, отправляются на загородную прогулку и становятся невольными свидетелями того, о чем им не следует знать. Зачастую первыми жертвами становятся в таких случаях дети.... По-моему, именно так она и выразилась. Что же еще было сказано?... Я так старалась ничего не упустить! Ах, да, еще сказала, что будет отныне присматривать за мной - придет день, и все поймут, насколько она много видит и помнит.

Последнее, по ее словам, особенно важно: не только видеть, но и помнить. Совы порой бывают просто огромными. Да-да! Я совершенно об этом забыла. Совы бывают порой просто огромными. Надеюсь, это не означает, что моя мама рассказывала кому-то о том сне с Большой Совой, который я видела. Не думаю, чтобы это было так. И вместе с тем другого объяснения я найти не в состоянии. Может быть, вскоре я смогу все-таки уяснить это себе. Как бы то ни было, но мы сидели и мирно беседовали. Ее рассказ был как песня, никогда прежде не слышанная мною. Песня, дарившая мне чувство счастья. Заставлявшая испытывать уверенность в своей безопасности. Именно этого, по-моему, я добивалась Маргарет. Мне так было ее жаль. Подумать только, люди почему-то считают эту бедную женщину странной и чуть ли не помешанной. Между тем она вовсе не такова.

В ее глазах читалась боль и горечь, но я так и не могла понять, откуда они взялись, пока не вернулась домой и мама не рассказала мне историю Маргарет. Ее муж был когда-то пожарным и однажды, спасая людей от огня, погиб. Это, по словам мамы, была ужасная смерть: поскользнувшись на крыше или за что-то зацепившись, он рухнул вниз головой прямо в пламя и сгорел. Узнать его обгорелые останки было невозможно. Они с Маргарет были женаты совсем недолго. После его смерти она стала очень замкнутой и глубоко спрятала свою боль. Только после смерти мужа, - рассказала мама, - у Маргарет и появилась ее клюка, с которой она теперь не расстается.

Я ничего не знала в тот раз, когда впервые побывала на Ривер-роуд 1400, но не думаю, что так уж важно было знать это. Я сказала Маргарет, что она мне нравится и с ней так приятно беседовать. Я рада, что мой сон подтолкнул меня приехать сюда: не будь этого, нам бы никогда не познакомиться. Я также сказала ей, что, надеюсь, она права, говоря о моих исканиях и сомнениях. Без них моя жизнь не была бы полной, и отказываться от них у меня нет намерения.

Потом я рассказала ей кое-что, о чем, хочется думать, она никому не проговорится. Я даже сама не ожидала от себя таких слов и, честно говоря, не знаю, откуда они взялись. Иногда со мной происходят вещи, сказала я ей, о которых никто ничего не знает. Они случаются со мной в лесу, когда там совсем темно. Порой я даже сомневаюсь, было ли это на самом деле, а в другие разы случившееся кажется мне более реальным, чем восход солнца, и это меня действительно пугает.

Маргарет снова отвела взгляд. Насколько я помню, закончив свою исповедь, я тут же почувствовала, что чем-то огорчила ее. Она крепко сжала свой посох, повернула ко мне лицо и произнесла:

- Ты очень красивая девочка, и в течение твоей жизни много людей будут любить тебя.

Надеюсь, многие люди и так любят меня. Настанет день - и кто-то полюбит меня так, как те парни. Но больше всего меня интересует, где этот кто-то сейчас. Хочет ли он знать, где я и как я выгляжу, и когда же мы с ним, наконец, встретимся? Интересно, думала ли когда-нибудь Маргарет о сексе так, как думаю я?

На обратном пути домой я пыталась тихонько напеть мелодию, которую услышала от нее, но мотив ускользал от меня. Мне было так хорошо, когда я покидала дом на Ривер-роуд, и это чувство оставалось со мной все время, пока я возвращалась с Троем в конюшню, а потом ехала с мамой домой на машине. Оно и сейчас со мною. Надеюсь, Маргарет не чувствует себя чересчур одинокой. Хотелось бы, чтобы она была такой же счастливой, как я. Жаль, что не могу обрадовать ее, обещая ей счастливую жизнь. Как печально, что я ничего не могу сделать для нее.

Остальное потом,

Лора.

P. S.

А Донна так мне с тех пор и не звонила.

13 ноября 1985

СЛУШАЯ МУЗЫКУ ЛЕСА

В деревьях, наверно, сокрыта душа.
Растет вместе с ними, меняется
И в каждом листочке таится.
То память о прошлом, одним им знакомом,
Еще бы, никто их не слышит,
Не хочет подумать, что могут
Деревья все видеть и вечно
Дрожать на ветру, потому что
Сказать порываются нечто.

Пытались шепнуть они тихо
В ладони, что к ним прикасались,
Разверзлись уста в ее теле,
И губы вторые раскрылись.
Не верит никто.
Ну а если
Вдруг дерево все-таки право
И что-то не то происходит?
Про грусть свою дерево шепчет:
О, сколько ночей оно знало!
По-моему, люди должны бы
В глухую чащобу проникнуть
И слушать там музыку леса
И листьев живых голоса.
Разглядывать пеструю карту
Из тысяч следов или пятен,
И каждый тогда убедится,
Что листья похожи на слезы,
Что хвои узор не случаен,
Что тайная есть в нем тропинка:
Ступи на нее и увидишь
Того, кто заставил раскрыться
Мои вторые уста.

Уже поздно, и вечером он явился мне. О той Лоре Палмер говорила Маргарет? Не уверена.

20 ноября 1985
Дорогой Дневник!

Мне только что приснился сон, и я думаю, больше мне не уснуть.

Мне приснилась комната. Совершенно пустая, так что меня охватило какое-то неприятное чувство от этой пустоты. Мне казалось: тут есть моя вина. Сжавшись от страха в углу комнаты, я не могла отвести глаз от того места в противоположном углу, где, как я знала, вскоре должно было что-то появиться.

Прошла минута, и мне вдруг стало страшно холодно. Что-то как будто мелькнуло перед глазами, но тут же исчезло. Я перевела взгляд, пытаюсь отыскать глазами дверь в другую комнату: мне хотелось узнать, есть ли хоть там мебель. На душе у меня было почему-то скверно, и я хотела, как можно скорей во всем разобраться, чтобы исчезло, наконец, чувство собственной... вины. Это было именно то чувство, которое я испытывала. Вины!

Я снова посмотрела в противоположный угол комнаты:

там сидела теперь огромная крыса. Во сне мне было понятно, что она явилась за мной, что она хочет отгрызть мне ступню. Как я перепугалась! На моих глазах она все приближалась и приближалась, а я лихорадочно думала, как ее остановить или как найти место, куда можно было спрятаться, но бежать было некуда, и мне оставалось только одно - ждать.

Сейчас это может показаться смешным, но тогда мне было безумно страшно. Я сидела не шевелясь, изо всех сил поджимая под себя ноги, чтобы крыса не могла добраться до моей ступни. Я замирала от ужаса при мысли, что крыса вот-вот схватит мою лодыжку, и ее страшные челюсти с хрустом сомкнутся. Больше всего я боялась этого, но остановить крысу было невозможно. "Не приближайся!" - взывало все мое существо, заранее содрогавшееся от боли... и вот, зная, чего хочет крыса, во сне я откусила свою ступню сама.

Проснувшись, я едва могла дышать, такой страх меня сковал! Я все еще вижу эту крысу... полагаю, она явилась за мной потому, что я находилась в этой голлой комнате, а может быть, то было наказание за что-то, о чем я не догадывалась. Но больше всего боялась я зубов крысы и ждавшей меня боли... Тогда я и решила сделать это сама. Пусть причину себе боль я, прежде чем это успеет она. Хотя мне и непонятно, зачем ей это надо, я должна опередить ее во что бы то ни стало.

Ужасный сон! Как я его ненавижу. Пожалуйста, Дневник! Может, моя просьба и звучит глупо, но не суди меня слишком строго, как могли бы поступить другие, узнай они об этом сне. Надеюсь, больше он мне никогда не приснится. Я даже не хочу доискиваться, что он означает, и не уверена, что хотела бы его помнить. Все это я решу завтра при свете дня, когда легче понимать, что с тобой происходит.

Я прямо с ума схожу при мысли, что не могу пойти к маме и поделиться с ней. Боюсь, в ответ она только рассмеется, а потом еще расскажет всем, и мне же будет стыдно. Я так боюсь, что кто-то будет надо мной насмехаться. Надо постараться быть такой, как Донна. То есть хорошей девочкой, которая делает все как положено. В этом случае никто ничего не скажет плохого обо мне и не будет смеяться. Им просто не о чем будет говорить, потому что ничего плохого за мной не будет числиться.

Ручаюсь, всему виной то, что произошло тогда между мною и Донной и ребятами. Впрочем, мне и самой еще не вполне ясна та связь, которая существует между моим сном и встречей в лесу. Такие вещи не возникают сами по себе, за ними всегда что-то стоит. Буду стараться стать лучше. Прекращу делать то, что можно только девочкам старше, чем я. И тогда никто не сможет причинить мне боль, как в том страшном сне. Лучше уж эту боль причину себе я сама. Мне известны все наиболее уязвимые места, которые у меня есть. И я сама буду делать себе больно, пока все это не кончится!!!

Как бы мне хотелось рассказать обо всем этом мамочке.

Лора.

16 декабря 1985
Дорогой Дневник!

Не знаю, наверное, какое-то время я вообще не буду вести никаких записей. Только что я видела сон. Должно быть, я уснула, ожидая восхода солнца.

Странно, но я видела, как ты то исчезаешь, то вдруг появляешься на коленях у сидящих вокруг людей. Или же на стульях, как только кто-нибудь из обедавших вставал, чтобы бросить монетку в музыкальный автомат. Или же на капотах их машин, когда они разъезжались по домам. Я все время пыталась тебя схватить, но ты не давался мне в руки. Я знала: ты намерен рассказать каждому из них о том, что тебе доверено.

Некоторым удалось прочесть мои записи – эти люди сразу – же превращались в крыс. Они хотели взять меня с собой, как это делает БОБ. Пока я не разберусь во всем этом получше, нам не следует общаться. Не знаю, почему мне должен был присниться этот странный сон... но как бы там ни было, я чересчур напугана, чтобы просто так выкинуть его из головы.

А что если ночные кошмары, огонь, веревки и маленькие серебряные лезвия все равно будут преследовать меня... Может быть, все это мне на роду написано? Может быть, такова моя судьба? Может быть, мне следует проявлять терпение и перестать бунтовать – и тогда кошмары наконец-то отступят?

Мне ненавистна сама мысль расстаться с таким замечательным собеседником, как ты. Но я чувствую, что должна это сделать, до тех пор пока не смогу убедить: втайне от меня ты не разбалтываешь моих секретов.

Не схожу ли я с ума? Жду, не дожусь, когда кончатся каникулы и начнутся занятия в школе, чтобы мне было чем занять себя. Я смотрю на других девочек, которых знаю или совсем незнакомых, и все они улыбаются, так же как и я. Хотелось бы мне знать: что делается у них внутри и не чувствуют ли они себя потерянными? Они, что, перестали верить себе и тем, кто их окружает? Пожалуй-ста, не дай мне убедиться, что эта боль терзает только меня одну в целом мире.

Лора.

23 апреля 1986
Дорогой Дневник!

Как много времени прошло с моей последней записи. Школа – это прекрасно, но все дается мне слишком легко и мысли почти не заняты учебой. Они то и дело возвращаются к мальчикам и к моим фантазиям. У меня с Донной в этом году было уже несколько стычек. Она утверждает, что я веду себя по отношению к ней как-то странно и больше уже не тот друг, каким была раньше. Всю жизнь я ненавидела слезы, так почему же в последнее время мне так легко плачется. Я только и делаю, что стараюсь быть хорошей и постоянно чем-нибудь себя занимать, а не болтать или предаваться пустым мечтаниям. Я считала, что это раздражает окружающих и накликает на меня всякие беды.

Донна постоянно злится из-за того, что я не хочу делиться с ней своими чувствами. А не хочу я, потому что боюсь! Рассказать же ей о своих страхах я не могу, потому что тогда она заставит меня объяснить их причину. Этого я не сделаю ни за что на свете! Все это время я даже не прикасалась к тому заветному месту на теле, которое доставляет мне столько удовольствия. Я боюсь, ведь это связано с сексом, а я решила, что не буду больше о нем думать... а это так трудно!!!

Я себе ненавистна, и вся жизнь мне ненавистна! Папа в последнее время постоянно с Бенжамином и занят своей работой в "Грейт Нозерн", так что я поне-много начинаю чувствовать себя в положении Одри, когда ее отец проводит больше времени и уделяет больше внимания мне, чем ей. Теперь то же самое происходит со мной, и я изо всех сил стараюсь не обижаться и не думать обо всем этом, но у меня никак не получается. Пропал сон, и даже аппетит! Надо поскорее взять себя в руки. Не сделаю этого – и случится что-то ужасное.

Прошлой ночью мне приснилось, что я вырыла во дворе яму под колодец, чтобы дома у нас не было перебоев с водой. Мне казалось, что я делаю для семьи доброе дело.

Маме моя идея пришлась по душе, и она вся расцвела от удовольствия. Но потом, выйдя во двор, увидела, что я хочу покончить с собой, пытаюсь похоронить

себя в этой яме. Она поняла: я лгала ей, и это ее сильно расстроило. Она подбежала, чтобы вытащить меня, но я закричала, что не хочу просыпаться среди ночи, вся засыпанная листьями. Мне так хотелось быть деревом, чтобы услышать, не идет ли по лесу беда. Неожиданно я оказалась все-таки похороненной. Только не в глиняной яме, а где-то совсем в ином месте.

После этого в спальню ко мне пришла мама и спросила, все ли у меня в порядке, и я ответила, что беспокоиться не о чем. Просто иногда мне снятся кошмары про лес, вот и все. Выражение печали на ее лице сменилось надеждой. К сожалению, потом она начала говорить со мной о вещах, слушать о которых у меня не было ни малейшего желания. О птицах и пчелах, о младенцах и противозачаточных средствах и обо всей смехотворной чепухе насчет того, что мои кошмары – всего лишь свидетельство перемен в моем организме. По ее словам, скорей всего мне просто нужно получить ответы на некоторые мучающие меня вопросы.

И все это время, пока она со мной разговаривала, я думала совсем о другом.

Изо всех своих сил старалась я думать лишь о цветах, улыбающихся лицах и... еще о больших грузовиках, груженных бревнами, птицах и Донне-Донне-Донне... и все только одно хорошее. "Не слушай!" – твердила я себе, Я не могла слышать этот голос, говоривший мне о вещах, каждая из которых была подобна маленькому ключику от дверей в комнаты, где мне не положено быть. Как это могло произойти? Она не умолкала почти час, и мне пришлось почти вцепиться в правую руку... так мне хотелось ударить это улыбающееся заботливое лицо и завопить:

– Что же ты делаешь! И что такое со мной произошло?

Хочешь знать, что меня больше всего пугает? Единственное, что сейчас беспокоит окружающих, – это период моего подросткового созревания! Все по-прежнему видят перед собой улыбающуюся Лору Палмер. Девочку с прекрасными отметками, прекрасными локонами и прекрасными маленькими пальчиками, которые хотят иногда, поздно ночью, влезть в зеркало и задушить источник всех моих бед – того фантазера, чье отражение я там вижу!

Сегодня зайду к Донне и поговорю с ней. Выложу ей все начистоту. Домашнее задание сделано, два доклада подготовлены. Учебный год я закончу с отличием, меня включили в общешкольную команду знатоков для выступления на олимпиадах. Все это время я усердно молилась, а между тем еще ни разу в жизни мне не было так плохо. Начинаешь думать, что несколько кратких мгновений счастья посреди бездны унылости все же лучше, чем вообще ничего. Надеюсь, Донна все еще хочет быть моей подругой.

Если смогу, расскажу тебе, что приключилось с Донной.

До скорого.

Лора.

24 апреля 1986

Вот что на меня снизошло...

Помню, как со скакалкой прыгала, покуда
Он, маленький, мне вдруг не повелел
На землю лечь, а если нет, то значит,
Произнести какие-то слова.
Заметив, правда, что никак нельзя
Рта открывать,
Чтоб тайну не раскрыть, –
Тут грязными ручищами своими
Он наизнанку вывернул меня.
Потом мы с ним на горочке сидели,
Носились друг за дружкой и друг друга
Держали крепко за руки, как будто
Была ему я лучшая подруга.
Была ему я лучшая подруга.
Была ему я лучшая подруга.

Я слепа.
С тех пор, наверное, как перестала
Через скакалку прыгать.

Как и все люди, хочу, чтобы меня оставили в покое.

Как и другие, я хочу, сама дойти до понимания смысла того, почему мягкое белое платье считают символом непорочности.

Я хочу забыть обо всем, что внезапно находит на меня... Да, происходит что-то ужасное... Почему это должно происходить именно со мной?

Я думаю, это на самом деле так. Убеждена, что так!

После того, как увижусь с Донной, может быть, расскажу тебе о том, что я помню. Как много уже позабыто... но трудно сказать, что для меня лучше: помнить или забыть.

Пожалуйста, Донна, оставайся моей подругой и дальше. Пожалуйста!

Л.

21 июня 1986
Дорогой Дневник!

Вчера я провела целый день с Донной. Сначала сна вообще не хотела со мной разговаривать. Тогда я расплакалась и выбежала из дома. Как я обрадовалась, когда она догнала меня! Я увидела, что она тоже плачет. Тут все, что было на сердце, выплеснулось наружу. Я сказала ей: меня мучает страх, что я никогда не стану хорошей из-за этих своих дурных снов, очень дурных. Я ведь не приду-мываю, когда говорю, что последнее время совсем не сплю. Как бы мне хотелось вспомнить с ней о том вечере с ребятами у ручья, но почему-то, я убеждена, она меня за него ненавидит. Если же я буду держать это все в себе, то мне наверняка приснится страшный сон, потому что случившееся останется в моей памяти как одно лишь плохое. Мне необходимо, сказала я Донне, узнать ее мнение о том вечере. Считает ли она или нет, что мы заслуживаем за него наказания, по крайней мере, я, поскольку позволила себе больше, чем она... Мне совершенно необходимо было это знать!

Донна ответила, она боялась: я не разговариваю с ней, так как сержусь на нее за то, что она была более сдержанна с ребятами, чем я. Из-за этого, мол, мы и перестали быть близкими подругами! Я возразила: как может она думать такое после нашего дружеского объятия, которым мы заключили тот вечер. И до сих пор оно остается в моей памяти одним из самых разумных и светлых мгновений всего вечера! Просто, сказала я, в голове у меня все перепуталось, так что было не ясно, радоваться ли мне, как я это делала, или предаваться раскаянию.

Донна сказала мне: единственное из-за чего она поспешила выйти из ручья в тот вечер, было внутреннее смятение, хорошо ли она поступает, хотя ребята и вели себя вполне прилично. Тут она вдруг расплакалась и, как-то странно на меня посмотрев, сказала нечто, из-за чего мне сделалось не по себе. Другой причиной поспешного ухода, по ее словам, был страх показаться неловкой, не зная, что и как делать, в отличие от меня, которая сразу же, казалось, попала в свою родную стихию. "Это что, у тебя получилось само собой, - спросила Донна, - или тайно от меня ты уже раньше встречалась с каким-нибудь мальчиком?"

Долгое время я не знала, что ответить. Я действительно не знала этого. Что она хотела сказать, говоря о "родной стихии"? В конце концов, я ответила, что, помнится, чувствовала тогда сексуальное возбуждение и была счастлива, так как нравилась ребятам, и они явно желали меня. Но половину, если не больше, это чувство вызывало поведение ребят, а не мое собственное.

Да и потом мы же были в тот вечер немного пьяны, и так приятно в этом состоянии делать наяву то, о чем раньше только грезилось... Тут она прервала меня, сказав, что тоже раньше грезилась о мальчиках и о том, что можно было бы делать, когда... Я сразу же спросила, что именно ей грезилось, и как они вели себя в этих ее грезах. Оказалось, что ребята приглашали ее на танцульки, заходили за ней в школу, катали на своих машинах. Иногда ей представлялось, что она встречается с мальчиками постарше: они относятся к ней как к принцессе из какой-нибудь сказки, по ночам ложатся рядом с ней на ее большое

великолепное ложе – разговаривают с ней, целуются и время от времени нежно занимаются с ней любовью.

Она не решилась тогда зайти слишком далеко, потому что, по ее словам, это было бы чересчур грубо по сравнению с теми грезами, которым она предавалась. Впрочем, секс ее тоже занимает, но он должен быть неспешным – какой показывают по телевидению в тыльных операх. Для нее он связан с замедленными движениями: при этом его сопровождает постоянная музыка, под звуки которой она со своим мальчиком плавно перекачивается с боку на бок, пока вся картина постепенно не исчезает из поля ее зрения. Наверное, мои фантазии столь же сексуальны, как и ее, поинтересовалась Донна.

Господи? Пока мы не заговорили об этом, все было прекрасно, поверь мне, Дневник! Мне пришлось сказать ей, что мои грезы были точно такими же, как у нее, так что нам не следовало ссориться, а если я чем-нибудь задела ее чувства, то пусть она меня простит. Мне надо было быть с ней более откровенной, а я вместо этого боялась, что Донна ненавидит меня за то, как я вела себя в тот вечер. Она ответила, что, наоборот, восхищалась в душе моей храбростью: если, по ее словам, мне тогда было хорошо, то я не должна ругать себя за свое поведение. Все так, но ее грезы, разве они не служат для меня укором! Подумать только, до чего они непорочны, нежны и возвышенны. Я чуть не умерла со стыда, когда услышала про них. И почему Донна не видит в своих снах того, что вижу я! А я так надеялась, что нас с ней обуревают те же самые мысли... это было мое единственное спасение.

Увы, она не обманывала меня. Я знала наверняка – и по ее тону, и по тому явному замешательству, с которым она в смущении рассказывала, как мальчик забирался к ней в кровать. Боже, до чего она чиста, просто невероятно! Я же отравлена своими тайными свиданиями, когда по ночам я должна убегать в лес.

Между тем, клянусь, и я была бы точно такой же, как Донна, если бы, находясь в лесу, просто скакала бы между стволами, а не... совершала бы того, что совершается сейчас. Но я ведь... совсем не хочу этого! Больше всего мне хочется ощущать то приятное возбуждение, которое делает меня такой игривой. Все, что я хочу – это пытаться делать счастливыми других, а вовсе не заниматься нудной "работой", когда кто-то другой пытается доставлять удовольствие мне.

Как бы хотелось, чтобы где-нибудь было такое место, куда можно бы прийти и получить ответы на все вопросы, чтобы знать: правильно ты поступаешь или нет. А как могу я, спрашивается, знать об этом, если я даже не имею возможности ни с кем обсудить своих проблем? Остается только снова и снова повторять одно и то же. Как белка, ношусь я в колесе – пора ему, наконец, остановить свой бег.

Донна и я по-прежнему подруги, я люблю ее, как и прежде, но все стало, однако, совсем иным. Я уже не в состоянии думать так, как думает она, даже пытаться – и то не могу. Надо будет разобраться в своих чувствах и попробовать убедить других смотреть на вещи моими глазами. Как бы мне хотелось, чтобы у меня сейчас была та сигарета с марихуаной. Похоже, я не смеялась уже долгие-долгие годы.

Спасибо, что выслушал меня.

Лора.

22 июня 1986

Дорогой Дневник!

Я просто все запишу, не особенно буду ломать себе голову. Может, тогда я больше запомню. Я только что проснулась. Сейчас 4 часа 12 минут утра.

Я не помню, когда это началось, но у него всегда были длинные волосы. Он знает обо мне все и знает, как запугать меня. Так не может напугать меня ни один, из тех снов, о которых я тебе рассказывала.

Сначала он начал играть со мной. Мы гонялись друг за дружкой по лесу, и он всякий раз настигал меня... я же его ни разу. Он неизменно появлялся из-за спины и хватал меня за плечи, спрашивая мое имя. Я отвечала, что меня зовут Лора Палмер, тогда он отпускал меня, поворачивал лицом к себе и смеялся.

Когда думаю об этом, то понимаю, что он играл не так, как следовало бы. Все время подличал со мной и пугал меня. Мне кажется, ему доставляет

удовольствие видеть мой испуг. Именно это чувство я испытываю, когда он берет меня с собой. Ему нравится смущать меня, сдергивая с меня трусики и засовывая внутрь свои пальцы. Когда он видит, что мне больно, он отдергивает руку и начинает ее обнюхивать. Он всегда говорит, что внутри у меня плохо пахнет. И не просто говорит, а громко кричит об этом деревьям в лесу. Я так плохо пахну, орет он, я грязная, и непонятно, почему я все-таки ему нравлюсь. И еще он говорит, что, если бы я все время его не звала, он бы никогда не возвращался.

Но я никогда его не зову. Никогда. Хоть бы он совсем убрался. Клянусь, я не лгу.

Когда я стала старше, он качал рассказывать обо мне такое, чего я не знала. Не думаю, что он говорил правду. Думаю, он лгал мне и сочинял по ходу дела. Он всегда знал, чем меня напугать и как заставить меня расплакаться. Потом он брал руками мою шею... и сдавливал ее. Сдавливал до тех пор, пока я не переставала плакать. Отпускал он меня только тогда, когда я почти теряла сознание... Я думаю, я его теряла... иногда это все еще случается. В глазах темнеет и звенит в ушах, голова идет кругом, и я ничего не вижу. И я перестаю плакать, иначе он будет давить еще.

Иногда он говорит:

- Что это здесь такое? Что это здесь такое, Лора Палмер?

Он всегда произносит мое полное имя, как будто мы с ним не близко знакомы, но во всем остальном он ведет себя совсем не так. Иногда я возвращаюсь домой окровавленная. Ничего никому не объяснишь, так что мне приходится сидеть остаток ночи в ванной одной, дожидаясь, пока перестанет идти кровь. Иногда он оставляет порезы между ног, а в другие разы - во рту. Маленькие порезы, сотни таких маленьких порезов. В ванной мне приходится пользоваться фонариком, чтобы родители, проснувшись, не увидели света - тогда неприятностей не оберешься.

Бывают ночи, когда я становлюсь липкой от выделений. Он быстро размазывает на себе мою слизь и требует, чтобы я держала ее в ладонях, закрыла глаза и повторяла маленькое стихотворение, пока не вылижу ладони досуха

Все стихотворение я не помню. Выделений давно не было, когда он заставлял меня повторять эти строк:

Маленькая сучка
Сидит и горюет,
Маленькая сучка
Сил меня лишает.

(Дальше не помню, кроме последней строчки).

В зернышке, как водится,
Смерть моя находится.

Он требует, чтобы я получала удовольствие, находясь рядом с ним. Он хочет, чтобы я неустанно повторяла, какая я грязная, как от меня дурно пахнет. По его словам меня надо швырнуть в реку, чтобы отмыться.

Между тем я всегда забочусь о том, чтобы хорошо пахнуть. Не было ни разу, чтобы я не подмылась, а, ложась спать, я каждый вечер надеваю чистые трусики - на тот случай, если он заставит меня идти с собой в лес. Это предмет моих всегдашних тревог: вдруг он явится за мной, а трусики на мне несвежие. Он утверждает, что мне повезло. Другой на его месте не стал бы вообще иметь со мной дела, не говоря уже о том, чтобы трогать меня, как делает это он.

Каждый раз он появляется в окне, и я тут же замечаю его улыбающееся лицо. Вид у него такой, словно с ним непременно должно быть хорошо вдвоем. И каждый раз мне хочется позвать на помощь родителей, но я боюсь того, что может тогда произойти. Нет, я не имею права никому про него говорить. Может быть, если мы будем продолжать с ним встречаться, ему это надоест, и он оставит меня в покое. Может, если я не буду ему противиться, ему разонравится являться ко мне. Только бы не бояться. Не чувствовать этого страха...

Никогда прежде я не думала о нем так, как думаю сейчас.

От души надеюсь, что если на небе есть Бог, то он поймет, как я стремлюсь к тому, чтобы быть чистой, и если таково ниспосланное им мне испытание, я сделаю все, чтобы его вынести. Ручаюсь, что это именно испытание. Ручаюсь,

что Господь хочет, чтобы я доказала свою готовность следовать Его распоряжениям. Или чтобы доказала, что не боюсь умереть и явиться перед Ним. Может, БОБ тоже знает Бога и поэтому всегда чувствует, что творится у меня внутри. Должно быть, Бог говорит ему, что ему следует со мной делать. Может, Бог хочет, чтобы я не боялась быть грязной? И тогда Он возьмет меня к себе на небо?

Как бы я этого хотела.

Л.

25 июля 1986

Дорогой Дневник!

Все это время я изо всех сил старалась не бояться. Я продолжаю встречаться с мальчиком, о котором я однажды тебе рассказала. Тогда он мне не нравился, но сейчас я склонна думать, что он именно тот, кто мне нужен. Он все больше напоминает мне того парня, чья фотография висит в "Бук-Хаус". И одевается он как тот, только вот мотоцикла у него нет. Мне уже четырнадцать, но праздновать свой день рождения я не разрешила. С мамы я взяла слово, что она ничего устраивать не станет. Накануне, когда мы беседовали за кухонным столом, я сказала, что мне сначала требуется как следует обдумать свою жизнь. Поэтому я и хочу быть в этот день одна, наедине со своими мыслями. Немного побродить и, может быть, съездить на Трое куда-нибудь, если захочется. Словом, я сделала все, чтобы не слишком ее огорчить: просто мне действительно необходимо побыть в одиночестве. Сперва мама устроила большой шум и все попыталась, почему бы мне не провести так следующий день? Но я, в конце концов, убедила ее в том, что в голове у мет полная сумятица и я хочу во всем разобраться, чтобы прийти вечером домой, избавившись от мучающих меня вопросов. Особенно далеко я не забреду, обещала я маме, так что пусть она не беспокоится. Просто мне надо побродить одной, вот и все. А на следующий год и уж, конечно, на свое шестнадцатилетние мой день рождения мы отметим как полагается – назовем гостей и все такое.

Итак, я провела день рождения одна. Сходила туда, куда мы обычно отправляемся вдвоем с БОБом. Было светло, и все, что происходило тут по вечерам, казалось сейчас всего лишь дурным сном – до того момента, как я заметила обрывок веревки, лежавший за его любимым деревом. По спине у меня побежали мурашки, но я сумела справиться со своим страхом. Как можно внимательнее осмотрела я это место, чтобы понять, почему он выбрал именно его, почему облюбовал именно это дерево, а не какое-нибудь еще. Ничего особенного я не заметила. Я еще раз огляделась по сторонам: прежде чем выполнить задуманное, мне надо было удостовериться, что в лесу поблизости никого нет.

После того как сомнений у меня уже не оставалось, я вынула из кармана сигарету с марихуаной, которую выпросила у Бобби. Он хотел, чтобы мы раскурили ее на пару, но я отказалась. Сказала, что это можно будет сделать как-нибудь потом. Закурив, я стала думать о сексе: мне представлялись разные типы мужчин и то, как каждый из них, не спеша, входит в меня.

Я пыталась вообразить такое, что должно было понравиться БОБу. Вынула из кармана трусики, которые я специально прихватила с собой, потеряла их об дерево. Это были трусики, которые я носила утром, до того как отправиться в лес, так что дерево наверняка будет пахнуть мной... Теперь я уже не боюсь, что внутри у меня плохо пахнет. Не боюсь, потому что знаю: это не так. И пахну я как самая нормальная девушка.

Приложив трусики к носу, я вдохнула свой запах. Мне представилась стоящая передо мной молодая девушка, и я начала рисовать себе, как мужчинам хотелось бы до нее дотрагиваться. Вот они подходят совсем близко. Дотрагиваются до заветного места. БОБ называет его пиписька. Сейчас мне самой хочется ее коснуться – слышишь, БОБ? Когда я чувствую свой запах, то говорю себе, что мне нечего бояться. Я несколько раз громко произнесла эти слова, стоя перед деревом. Я медленно пускала дым и представляла, как буду касаться Бобби... и что станет делать он, чтобы мне было хорошо. Мысленно я звала:

"Приди, БОБ!" Сейчас мне кажется, что он там был, но прятался за деревьями.

Я совсем одурела от той сигареты и ни с того ни с сего бросилась на землю и стала кататься по листьям и опавшей хвое. И все время смотрела на дерево у себя над головой. Я хотела, чтобы оно следило за мной и напоминало все движения этой совершенно чужой девочки, валявшейся у его подножия. Препней Лоры больше не существовало. Она должна была стинуть. Я же просто пользуюсь иногда ее голосом: гораздо легче получить то, что хочешь, когда произносишь слова ласковым тоном маленькой девочки.

Затем я сбросила платье и начала касаться руками своих грудей: время от времени я сжюнявила пальцы и размазывала влагу по соскам. Вода пальцами вокруг сосков, я пыталась повторять то, что делают ребята своими языками. Когда мне становилось особенно приятно, я постанывала. А когда делала себе больно и соски становились розовыми, начинала плакать.

Между тем в лесу поднялся ветер, и я почувствовала, как он обвеваает мою голую грудь. Помнится, я несколько раз повторила:

- О, кто бы ты ни был... мне так приятно от твоего прикосновения... Так приятно...

Тут я почувствовала между ног влагу и скинула трусики, так что осталась совсем голая. Я стала вслух разговаривать с БОБом и при этом дотрагивалась до своего заповедного места, моей маленькой кнопочки.

- БОБ! Бобби! - звала я его. - У Лоры есть для тебя сладкая булочка. Такая чистенькая, миленькая, что просто м-м-м-м-м... Ручаюсь тебе, что тебе она придется по вкусу... Приходи же, БОБ! Приходи - и давай поиграем вместе...

Ветер усиливался, но БОБ все равно так и не появился.

У меня был такой сильный оргазм, как никогда раньше. Мое тело никак не могло остановиться, и мне пришлось ухватиться за дерево с такой силой, что оторвался большой кусок коры: теперь я вцепилась в дерево ногтями... И только тогда понемногу стала успокаиваться. От марихуаны и моего маленького представления, разыгранного в лесу, мне стало так тепло, что, лежа голой на земле, я чуть было не заснула. Но я понимала, что делать этого нельзя, и устояла перед соблазном. Его все не было. День или ночь - какое это имеет значение. Я доказала ему, что не боюсь. Я трогала себя под его деревом. Звала его и всячески издевалась над ним. Я выдержу это испытание... вот увидишь. Если БОБ хочет, чтобы я стала испорченной, я стану ею, нужно только еще немного времени. Я могу сделаться такой, как он хочет.

Возвращаясь из леса, я чуть не погибла: откуда ни возьмись, на меня сверху ринулась огромная сова. Я почувствовала силу ее крыльев, рассекавших воздух прямо перед моим лицом. Я вспомнила Маргарет. Вспомнила ее слова:

"Многие вещи не такие, какими кажутся".

О, как я боялась этого. Самого этого места, малейшей мысли о том, что мне придется трогать себя, дразнить себя. С этим покончено. Я побывала здесь - и ничего страшного. Да, тут темно и мрачно, но мне нравится это место. Я ему рада. И не стану противиться, даже если здесь в меня будут проникать так глубоко, что сделают больно. Я нашла светлое пятно радости в этом мраке. Мой план еще не выполнен до конца.

Я вернусь, БОБ. Вернусь, чтобы принять тебя в себя, хотя ты и думал, что я не смогу этого сделать. Я вернусь.

Лора.

3 августа 1986
Дорогой Дневник!

Сообщаю тебе, что остаток того дня я провела с Троем в конюшне. Общение с ним успокоило меня, и я вернулась вечером домой, чувствуя себя сильной и полностью обновленной. При этом меня не посещали никакие мысли о том, что я плохая или делаю не то. У меня было твердое намерение раз и навсегда покончить с этим человеком, издевавшимся надо мной и причинявшим боль. Человеком, известным мне только по имени. Я ведь не знаю, ни где он живет, ни откуда является. Но я заставлю его вернуться. Мучитель, он не получит удовольствия от своих пыток, если жертва станет кричать и требовать новых.

Все это было почти две недели назад... нет, наверно, только неделя. Все последнее время я пребываю в глубокой задумчивости. Свидания с Бобби Бриггсом – одно удовольствие. Когда ни захочу, он тут как тут и приносит все, что мне хочется. Вчера я подумала: он слишком долго тянет, не решаясь поступить со мной так, как ему бы хотелось. Да и я тоже устала только обниматься и целоваться, когда домой возвращаешься, чувствуя, словно в тебя загнали пробку, и она не дает выйти наружу всему, что накопилось внутри. Но я должна дать ему понять, что мне только четырнадцать, на которые я и выгляжу...

Мама и папа собирались днем уйти на несколько часов, и я сказала, что меня тоже не будет дома, но я приду не позже половины седьмого, чтобы приготовить ужин. Мамино лицо при этих словах озарилось улыбкой. Я хочу доставлять родителям радость. Любить и; как подобает маленькой дочке. Приходится вести то, чего я сама не выбирала, но что мне выпало. Две жизни. Две совершенно разные жизни.

У этой второй Лоры было свидание с Бобби Бриггсом в Лоу Таун. Он сказал, что знает в округе один сарай, совсем заброшенный, – там нас никто не найдет. Мысль о том, что мы сможем быть с ним совершенно одни и я, наконец, сумею испробовать все виденное в безумных снах, несказанно меня обрадовала. Я, правда, немного нервничала: до меня неожиданно дошло, что это не тот БОБ, которого я ненавижу, а юный Бобби, с важным видом пытающийся охмурить Лору Палмер и робко спрашивающий, не хочет ли она ему принадлежать. Ну да ладно. Сделаю вид, что убеждена, будто он меня вожделеет. Я знала, что ему известно: ни с одним мальчиком я еще не переспала, знала, что с кем-нибудь более опытным все было бы совсем по-другому... знала, что с Бобби может получиться так, как будто я возвратилась назад, к своим тринадцати годам, когда впервые полюбила мужские руки, двигавшиеся в воде, а потом горько рыдала поздним вечером, поняв, что мужчина этот навсегда исчез из моей жизни. Во что бы то ни стало надо, чтобы подобное не повторилось. Я должна быть сильной. БОБ может следить за мной в эту самую минуту... или в любую другую. Я не имела права позволить себе влюбиться... во всяком случае, выражать свои чувства вслух.

Бобби был само очарование. Чувствовалось, что он нервничает: ему трудно, казалось, выговаривать слова, а одеяло, которое он привез с собой на велосипедном багажнике, никак не хотело расстилаться, как он ни старался.

Все это время я стояла рядом и вертела в руках небольшую бутылку водки (для нас двоих) и сигарету с марихуаной (чтоб можно было еще и покурить). Почему-то мои пальцы держали их не очень крепко, так что мне пришлось опуститься на колени и поставить бутылку на пол, пока она не выскользнула. Бобби еще больше занервничал, потому что мои колени оказались на голом полу.

Я чувствовала, что бедняге явно не по себе, и постаралась представить все таким образом, чтобы он в собственных глазах выглядел не жалким неумехой, а настоящим рыцарем. На самом деле он не был ни тем, ни другим, но я позволила ему помочь мне подняться и галантно поддержать под руку. Больше всего мне хотелось в этот момент плотненько водки и набрать в рот дыма, чтобы хоть немного расслабиться. В таком состоянии я чувствую себя гораздо легче, и появляется уверенность в своих силах. Бобби всегда приносит с собой "дымок", когда я прошу, и это одна из причин, которые делают его таким желанным. И еще у него есть один знакомый парень постарше, и он всегда может достать для нас алкоголь, если надо...

Мне нравится, что Бобби такой преданный, это так приятно. Я получаю удовольствие от того, как он двигается:

внутри у него ходят маленькие волны, стоит мне прислониться к нему и тихо произнести: "Я не могу больше ждать, но давай все-таки не будем спешить". В ответ он тут же улыбается и предоставляет мне действовать первой, уступая моему порыву.

Впервые я, в конце концов, получала возможность проводить свои сексуальные опыты с интересом и любовью. Сначала надо себя немного сдерживать, но это ничего. В тот момент, когда он почувствует, что я все ему разрешаю, он, я знала, возьмет инициативу в свои руки. Но пока что, раз он такой хороший и приносит все, что ни попросишь, надо, чтобы он чувствовал, что не зря старается... что перед ним не какая-то там дохлая рыба, какой я поклялась ему никогда не быть.

Через час, после того как я вдоволь нацеловалась, время от времени выдыхая ему в рот дым или вливая глоток водки, я почувствовала себя готовой. Сказала, чтобы он лег на спину и представлял себе все, что взбредет в голову. Как будто он видит сон и в своем воображении следует за полетом моей фантазии. Это нужно ему, и мы оба это знали. Я взяла его член в рот, а мысленно представляла себе руку БОБа, когда он делал это сам... кладя мою руку к себе... и вот я уже снова в сарае, вернувшись из своих воспоминаний. Замедлив движение, я нашла нужный ритм, который ему нравился. Не прекращая движения языком, я скользнула губами вверх-вниз, прислушиваясь к издаваемым им звукам, постанываниям... получая наслаждение и не забывая делать все так, как ему хотелось. Сейчас уже не шла речь о том, чтобы поддразнивать его, как прежде. Он кончил именно так, как в моих снах делали другие мужчины... Неожиданно, после нараставшего внутреннего напряжения, он сел, резко выпрямившись, с выражением изумления и благоговения... Он был удовлетворен. Он улыбался.

Еще час или около того мы пролежали в объятиях друг друга, пока этому не суждено было случиться, и он не вошел в меня. Я открыла глаза и увидела, что он лежит с закрытыми глазами. Я заставила себя не вспоминать, как мне хотелось... этого. Это было бы легче всего, однако я не могла позволить себе расслабиться.

Мы двигались в такт, и я поняла, что если закрыть глаза, то движением легче управлять, получая при этом настоящее удовольствие. Я могла двигаться вместе с ним, перекачиваться наверх, класть его руки туда, где мне было приятнее. Ему ничего не надо было говорить, он сам чувствовал, как сделать, чтобы мне было хорошо. Я хотела, чтобы он знал, какое это замечательное ощущение, когда он заперт у меня внутри и не хочет уходить, а хочет только, чтобы это длилось и длилось! Мы перекачивались, отталкивались и прижимались друг к другу - и разъединились лишь через несколько часов, когда продолжать уже было невозможно.

Я чувствовала себя по-настоящему удовлетворенной, как будто не было нескольких лет постоянных насмешек, когда мои чувства то Искусственно возбуждались, то безжалостно отталкивались. Стальной стержень, заставлявший меня держаться как натянутая струна, стал размягчаться, обрастая плотью. Исчезли напряжение и беспокойство, так долго не покидавшие меня при мысли, как все будет, когда кто-то действительно меня возжелает. А не будет просто заставлять меня плакать или медленно чахнуть от печали, определить которую словами я не умела. Все это время я ждала того, который станет заботиться о моих чувствах, который будет делать так, чтобы было хорошо мне. Сейчас я чувствовала себя так, как должны чувствовать все девушки... но вместе с тем я не могла забыть, что рядом существуют и другие миры. Другие стороны жизни. Когда тебя грубо выдергивают из сна глубокой ночью. Вот этот мужчина в моем окне, он улыбается... он бросает мне вызов, покачивая черной перчаткой. Я лежу и жду: придет или не придет. А может, если я решу, что уже не боюсь его, исчезнет навсегда.

Нельзя постоянно жить этими кошмарами. Но неожиданно передо мной встала страшная проблема: оказывается, как это ни печально, у меня в душе нет никакого ответного чувства. А ведь я так хотела подарить его Бобби? Между тем его губы шептали нежные слова любви, признания. За ними последовали клятвы верности и счастья на всю жизнь.

Лора, Лора, я не могу позволять тебе слушать их. Просто следи за его губами, но не слушай, снова и снова твердила я себе. Но для Бобби это были не только слова. Ведь долгие годы этот мальчик обожал меня, он дергал меня за косички, когда они у меня езде были, а потом всегда, хоть раз в день, пробегал мимо в школьном коридоре или пытался обратить на себя мое внимание в классе. Улыбнись же ему, как будто это для тебя полная неожиданность!

Я знала, Бобби давно готовился к этой встрече. Но та Лора, которая давным-давно любила его и ждала, что он придет за ней, как только подоспеет время, не может сейчас выйти к нему и принять участие в нынешней игре. Она осталась где-то там, глубоко внутри. Лежит, свернувшись калачиком, и робко молчит, прислушиваясь к тому, что скажет сейчас другая Лора, решительная и храбрая. Та, которая находит, что Бобби, конечно, ничего, как парень он ее удовлетворяет, но не более того. В нем, увы, не чувствуется силы... в нем нет вызова. Я буду держать его про запас для той, прежней Лоры, когда она сможет беспрепятственно вновь появиться. Для меня нынешней эти слова любви слишком

подлинны, слишком наивны. Этот мальчик, такой юный, просто посланник той Лоре, которая существует сегодня.

Мне просто необходимо было причинить ему боль. Заставить его страдать, чтобы тем самым пересмотреть свое отношение к "его" Лоре. Нужно, чтобы он увидел: перед ним некто, ему неведомый. Рассмеяться прямо ему в лицо! Жестоко! И смеяться до тех пор, пока глаза его не потеряют своего блеска. Надо было сразить его наповал, чтобы не оставить ему никаких шансов увлечь собою ту Лору, к которой воделеет БОБ. Которую, я знаю это, он ждет. И вот, чтобы спастись, я должна была рассмеяться в лицо этому мальчику. Отныне ему уже никогда не суждено оставаться таким доверчивым.

Я должна была это сделать! И почему это защищать себя так больно? Где была эта его любовь, когда я мысленно, на коленях, молила о ней? Черт подери! Я знаю, что глубоко ранила его... Надеюсь, когда-нибудь он сумеет понять, почему я это сделала. Мне бы не хотелось, будь моя воля, разбивать чье-то сердце так, как разбили мое. Если бы насмеялись надо мной, не знаю, смогла ли бы я когда-нибудь стоять с поднятой головой... Смогла ли бы я снова подойти к кому-либо с ласковым словом, потому что этот смех навсегда засел бы в моей памяти.

Мне опять стыдно и муторно от всего, что со мной происходит. Что это, очередная проделка БОБа? Еще одно испытание? Или так погибает любовь, которая могла бы состояться с тем, кто для меня подходящая пара? Что заставляет меня унижать его так, как унижали Лору, чтобы в душе оставались лишь холод и горечь от незаживших рубцов?... Сможет ли Бобби прийти в себя и понять, что я этого не хотела? Или чья-то злая воля заставила меня испортить мой любовный роман, который мог бы оградить меня от всего дурного, по крайней мере хотя бы на сегодняшний день?

Чего хочет от меня жизнь? Что я сделала и что делаю сейчас?! Я хотела всего лишь, чтобы прекратилась моя душевная боль, а вместо этого причиняю боль другим.

Я думаю... я думаю.

Все, чему надлежало быть сделанным, уже сделано. Если это работа БОБА, тогда он сможет почувствовать вкус победы, стоит ему заметить во мне хотя бы малейшее сожаление... хотя бы тень... раскаяния. Но я не имею права на жалость. Я обязана верить, что Бобби обязательно вернется ко мне, поджав хвост. Если же нет, то мне придется подобрать свисток, на который он будет отзываться. Пусть этот мальчик завоюет мое внимание заново, пусть позабудет, что я отдалась ему в сарае. Пусть знает, что поцелуи я дарю только тогда, когда этого хочется мне, и никак иначе. Я заставляю себя ничего не чувствовать, как настоящая профессионалка.

Я сумею это сделать. Я не могу уступить. Мне даже не верится, что все это происходит со мной наяву. Я пропала. Но тут другая, более сильная, более искушенная Лора заявляет о себе. Она смело шагает навстречу тем опасностям, которые поджидают ее во время игр под покровом ночи.

Когда я узнаю, кто он, я расскажу об этом всему миру!

За обретение новой силы,

Лора.

3 августа 1986
Дорогой Дневник!

Сейчас уже десять вечера - того самого вечера, когда я сделала глубоко несчастным Бобби Бриггса. Удивительно, но минут пятнадцать назад он позвонил мне и... путаясь в словах, казавшихся скорее продуманными, а не прочувствованными, стал извиняться за те поспешные клятвы в вечной любви, которые мне, может, было странно слышать из уст мальчишки. Наверное, эти слова должен был произнести кто-нибудь более опытный, чем он... Но все равно, сказал он, с его стороны это была сущая правда, и единственная ошибка заключалась в том, что он проявил слишком большую поспешность.

Он, похоже, составил свою речь по словарю или энциклопедии, и мне хотелось провалиться сквозь землю, только бы не слышать ее. А ведь он извиняется за

то, что не только я, но и любая девушка повсюду на земле, не в одном только Твин Пикс, мечтает услышать от парня. Его слова были подобраны с таким расчетом, чтобы доказать, что и сейчас, через несколько часов после оргазма, он по-прежнему любит меня. Еще одно чудо... А чем я на него отвечаю? Я держу трубку и молчу, заглушая в себе слова любви, идущие прямо из сердца, потому что боюсь: все это часть грандиозной интриги, цель которой - вынудить меня мчаться без тормозов в первом ряду по дороге, ведущей к безумию.

Я оказываюсь в ловушке собственной души - того ее уголка, который больше всего ненавижу. Это твердая, мужская часть меня самой. Она заявляет о себе, чтобы вести борьбу. Заявляет с внезапностью, одновременно и отрезвляющей и приводящей меня в ужас, заставляя всколыхнуться воспоминания, береда старые раны. Борьбу за то, чтобы спасти ту Лору, которой я снова хотела бы быть. Ту, о которой все думают, что она никуда и не исчезала. Все видят девочку в легком летнем платьице, с развевающимися на ветру волосами, с улыбкой, словно выгравированной на моем лице, - на самом же деле ее породил страх, что сегодня же вечером в любой момент за мной может явиться человек, который хочет убить меня.

Л.

4 августа 1986

9: 30 утра

Дорогой Дневник!

До меня доходит, что я, наконец, решилась вступить в игру уже всерьез. Кажется, целую вечность я твердила себе об этом, но только сейчас чувствую подлинную решимость дать бой, чего бы мне это ни стоило. Бросить вызов силам тьмы, рассчитывая лишь на тот крошечный огонек, по-прежнему сохраняющийся в моей душе. Может быть, он даст мне стойкость, которой мне все это время так не доставало.

Ах, как несправедлива жизнь. В тот самый момент, когда перед тобой возникает предостережение, видимое или только слышимое, и велит ОСТАНОВИТЬСЯ, ты умираешь! Ребенок умирает, не пожелав подстраховаться, как будто это такое уж неудобство, а ведь весь мир с этим как-то справляется.

Я заглянула к себе внутрь и нашла там подтверждение тому, что уже, наверное, слишком поздно: мои глаза не глаза пятнадцатилетней девочки, а глаза человека, боящегося оглянуться вокруг себя и задуматься над самыми простыми вещами. Внутренний голос твердит мне, что я уже не мыслю так, как должна была бы мыслить в моем возрасте, когда представляется, что достаточно иметь несколько теплых свитеров, чтобы не чувствовать окружающего тебя холода жизни.

Внутренний голос предупреждает: твой разум - это разум человека, слишком много знающего о жизни, зачастую оканчивающейся просто так, без всякого предупреждения. Сколько ударов она нам наносит, побуждает нас предаваться грезам, от которых на самом деле нет никакого проку. На небесах уже все равно предопределен весь ход моей жизни. И я это знаю.

В действительности ты не властен даже над событиями одного дня. Да что там дня! Ты еще не успела открыть глаза при появлении на свет, как кто-то, воплощение зла и коварства, уже выбрал тебя в качестве жертвы. Довольный, он потирает руки и хихикает, зная, как он всесилен в этой игре, где ты ничего не решаешь.

Лора.

6 августа 1985

4: 47 утра

Дорогой Дневник!

Не могу позволить себе заснуть, чтобы не пропустить тот миг, когда в окне появится БОБ. Он не должен застать меня врасплох.

Я много думала о своей жизни. Я взрослею помимо собственной воли. Когда он придет за мной, я или отправлюсь с ним и вернусь обратно домой израненная, но гордая своей победой над повергнутым врагом, или не вернусь вовсе. Это будет значить, что погибну я сама, молчаливо признав не только недооцененную мною силу своего врага, но и его волю.

Сейчас я лежу, наполовину онемевшая, наполовину обжигаемая болью. А между тем каждое утро я все же ухитряюсь вставать и уходить из дома – правда, мне приходится напоминать себе, что это действительно мой дом. Напоминать, как будто от этого места не ведет заметный даже невооруженным глазом кровавый след.

Ничуть не сомневаюсь, что БОБ следит за каждым моим движением. Этот кошмар, зовущийся Мужчиной, сидит высоко, не видимый в лучах солнца, или, может быть, свернувшись в клубок, прячется где-то внизу. Неважно, где он. Важно, что он так и сверлит меня своим взглядом, проникая в самую глубь, распознавая даже малую толику сомнения в моей душе, отмечая самое слабое биение сердца, когда мне случается видеть какого-нибудь проходящего мимо мальчика, злорадствуя при каждом объятии матери, которая понятия не имеет о том, какая пропасть пролегла теперь между нами.

Каждый день пытаюсь я запечатлеть в памяти черты лица, глядящего на меня из зеркала. Я впиваюсь в него взглядом. И в ужасе отшатываюсь, мысленно представляя себе, каким оно станет, когда вскоре, как снится мне в ночных кошмарах, будут найдены мои останки.

Какая злость охватывает меня, как сильно желание послать проклятие небесам, назвать ветер обманщиком за то, что он никак не обнаруживает своего присутствия. Я готова обрушить свою ярость на двух самых близких людей – тех двоих, кто позволил мне родиться. Я обращаю свои крики о помощи ко всем, кто в состоянии их услышать. Я кричу всему миру, что и Мать-природа не способна творить чудеса. Ее божественность – это тоже обман.

Чья-то неведомая воля снова и снова повергает меня на землю в чаще леса. И здесь надо мной учиняют странное неопишное надругательство. Вскрывают вены. А Мать-природа ничего не делает, чтоб покончить с этим злом, она не раздвигает деревьев в лесу, чтобы помочь крику вылететь из леса. Наоборот, она убавливает этого человека, виновника моих несчастий, скрывая его от мира, пряча от дневного света. Он знает: здесь его не предадут. Все совершается по неизменному распорядку – и свет уступает место тьме, чтобы вернуться, когда придет его время. Этот человек чувствует себя в безопасности. Пройдет двенадцать часов, и одна крайность сменится другой, как заведено в мире, таков закон Вселенной, столь для него удобный.

Его время – это вечер, тот час, когда спасение почти невозможно. Час, когда большинство тех, чьи надежды чисты и воспоминания связаны разве что с качанием на качелях, уже крепко спят. Под закрытыми веками быстро двигаются их глаза. Которые ничего не видят.

Из моих уст никогда не вырвется ни малейший крик, который бы разбудил даже тех, кто спит в соседней комнате. Мир не повернется ко мне ни на один градус, не придет мне на выручку, не заставит спящих открыть глаза, чтобы увидеть, что со мной творится... Вот он, этот человек!.. Его глаза словно впечатаны в выражение безмолвного ужаса, застывшего на моем лице... И нет объяснения, почему этот человек выбрал именно меня в качестве своей жертвы и есть ли у него продуманный план действий.

Мне остается только ждать. И, как я ни устала, не закрывать глаз в постоянном ожидании вызова. Вызова на борьбу, чтобы узнать, кто больше олицетворяет силы тьмы. И кто, узнав это, сможет, тем не менее, выжить?

Я сижу, ожидая его прихода, и мое бодрствование поддерживается сознанием, что скорее я привыкну к тьме, чем он к свету.

Лора.

10 сентября 1986
Дорогой Дневник!

Как пишется в таких случаях, к сему прилагаю мою душу и память. И еще то, что в избытке отсутствует у моего врага, – совесть. "Вина" – всего лишь

слово, используемое им, чтобы заставить меня замолчать. У него нет никакого уважения к морали, нет страха перед опасностью.

Как может этот незванный гость бояться смерти или возможного наказания, если он постоянно приходит с моей стороны дома и появляется в окне, как будто оно его собственное?

Он издевается надо мной, появляясь в одежде того, кто может в первую минуту показаться твоим близким другом. Или соседом. Или коммивояжером, обладающим способностью входить без приглашения и даже требовать чашку кофе ("Обычного, если не возражаете"), прежде чем раствориться в воздухе и стать одной из тех грез, в виде которых он иногда и предстает.

Он, что, думает, мы будем сидеть с ним и мирно болтать, прежде чем увести единственного ребенка в этой семье из ее комнаты и продолжать над ней свои эксперименты?

Неужели я вызываю его к жизни в своих мечтаниях, медленно убивая себя, или он рассказал моим родителям о своих посещениях, предложив в обмен на их собственную безопасность, не мешать ему появляться здесь, делать вид, что его как бы и нет. Как будто бесплатная реклама, приходящая по почте, которую откладывают, не читая. Они же должны слышать, когда меня уводят? Или, может быть, им все равно?

Л.

11 сентября 1986

2:20 утра

Дорогой Дневник!

Не могу сказать тебе, как меня огорчает, что он не видит во мне ни малейшей для себя угрозы.

Он постоянно уверен, что находится в полной безопасности: в любую минуту может войти в мой дом и выйти, ничего не опасаясь и не произведя никакого шума. Он знает, что, пользуясь темнотой, всегда может сжать мое запястье с такой силой, что это заставит меня молчать, и он сможет тогда уволочь меня, словно куклу, которую тащит ребенок, в такое место, где никто ни за что не сможет нас отыскать. Он может не беспокоиться: ведь место это находится за много-много миль от ближайшего источника света, кроме того, который иногда исходит - о, как явственно запечатлела все моя память! - от его губ и глаз. Свет, который похищен им у меня. С тех самых пор, как я себя помню, я терпеливо пыталась смириться со своей участью, не выдавать тайну про человека, стремящегося украсть мою невинность и тем самым не позволяющего той девочке, которой я была, взростеть, лишаящего ее радостей такого взросления. О, сколько времени отдала эта маленькая девочка снам, снявшимся ей, едва она научилась бегать, и скакать через прыгалку, и улыбаться малейшему ветерку, щекодавшему ей шею. С бескорыстной щедростью она все раздавала и раздавала богатства своей души, пока там, на дне корзинки, почти уже не осталось больше никаких плодов.

Скоро я сама, надеюсь, подзову его к своему окну. Боюсь, он ждет, что я, наконец, устану от ночных сидений за дневником. Когда я борюсь сама с собой, то запрещая себе, то порываясь распахнуть окно и протянуть ему мою руку. Какая-то часть меня продолжает сомневаться, что он действительно существует, а значит - нечего бояться того, кто стоит сейчас за окном, и незачем опасаться уходить в лес на мое обычное место, и не стоит сопротивляться. Пусть там слышатся какие-то шумы, пусть кто-то невидимый с размаху шлепает меня по затылку - клянусь, я не сойбюсь с ровного шага, не остановлюсь. Это та часть меня, которая жаждет все новых и новых ран, грубых прикосновений, оскорблений и угроз. Та часть моей души, которая заставляет меня верить, что, в конце концов, его алчный аппетит пропадет. Я подобна зверьку, замершему перед дулом его дробовика, молящему лишь о том, чтобы на стене его дома нашлось место для моей шкурки.

Страхни с себя наваждение, приготовься к неизбежному. Да, будет боль, во не сильнее, чем раньше. Пусть всегда перед тобой стоит образ дома, твоя кровать и его теплый запах, который, как ни старайся, не удастся выполоскать. Дом по-прежнему ждет тебя.

Веди с ним ту же игру, что он ведет с тобой. Смирись с тем, что ты плохая, грязная и презренная. И единственное, на что я гожусь - это быть брошенной, как кусок мяса, на съедение волкам. У меня не должно быть детей, потому что, кто знает, какими монстрами им уготовано стать... Помни, ты ничего не должна принимать близко к сердцу. Пусть его тело беспрепятственно входит в тебя, как это ни ненавистно, но старайся сделать так, чтобы при этом не пострадала твоя душа, то единственное и незаменимое, что есть в тебе.

Знай: его привлекает только страх, который сам же он и порождает в тебе, и отсутствие всякого интереса к жизни, когда после ночной встречи он приводит тебя домой. Как он притворяется, словно изо всех сил нажимает на кнопку дверного звонка; как издевается над тобой, твоей жизнью, твоими надеждами, твоей незащищенностью; как следит за твоей внутренней борьбой, когда ты считаешь себя недостойной даже войти в тот дом, где когда-то сделала свои первые шаги; следит, как ты успеваешь поймать слезинку, прежде чем она выкатится из глаза. Ты ищешь его глазами, а он уже исчез.

Подобно молитве, шепчу я слова поддержки себе. Уже несколько дней, как я тихо поскуливаю или извожу себя насмешками, почти мечтая о его приходе, а его все нет и нет. У меня дикая головная боль оттого, что я все стараюсь понять его слабости, между тем как в действительности я не знаю за ним даже и одной. Может быть, я совершенно не права, думая, что в жертве его привлекает один только страх... Скажу честно, я устала притворяться, что все не так страшно, как кажется, и думаю, что если мне не удастся скоро заснуть, то я начну видеть БОБа повсюду. А это, конечно же, было бы для меня сейчас не слишком хорошо.

Мне так одиноко, и я все время думаю о Бобби. Как бы он сжал меня в своих объятиях! Представить себе не могу, чтобы это делал кто-то другой.

Будь осторожна, Лора.

1 октября 1986
Дорогой Дневник!

Прошу прощения, что не писала все это время. Столько всего произошло. Сегодня вечером, когда я стала раздеваться, готовясь ко сну, к моему окну подошел Бобби Бриггс. Голова у меня пошла кругом, такое это было неописуемо красивое зрелище, прямо как во сне. Говорит, в Спарквуде сейчас начнется одна классная вечеринка. Ее устраивает его друг Лео. Мне кажется, я слышала о нем раньше - один из тех слухов, до которых я большая охотница. Что-то мне не хочется, ответила я. Как раз только что думала, как бы хорошо нам с тобой вдвоем поваляться. И спать так хочется, что не до вечеринок.

Не беда, ответил он, по части общения проблем не будет. У него для меня новенькое "угощение": попробуешь - и спать сразу расхочется.

Я исчезаю через окно, Дневник. Ш-ш-ш-ш-ш!

Расскажу все, когда вернусь. Пока что прячу тебя... берегись БОБА... иногда он является с опозданием.

Лора

P. S.

Только что до меня дошло, что само имя БОБ уже есть предостережение...
Б. БЕРЕГИСЬ
О. ОПАСНОГО
Б. БОБА

3 октября 1986
Дорогой Дневник!

Прямо не знаю, с чего начать! Я вернулась домой под вечер следующего дня, не услышав ни слова упрека от моих домашних церберов, мамы и папы.

Как только мы вышли из дома, я тут же сообразила, что раз нам надо добираться на вечеринку в другом конце города, да к тому же там будут ребята, по крайней мере, на пять или даже десять лет старше меня... разве можно надеяться, что я вернусь домой к утру? Да никогда! Тем более Бобби имел для меня кое-что "быстро действующее"... по крайней мере, так я считала, пока мы не добрались до Лео... Величайшее заблуждение с моей стороны!

Как бы там ни было, сначала я похваюсь тебе. Ну и хитроумную сеть обмана сумела я сплести. Все там было на месте, каждая ячейка, так что ни у кого не возникло ни единого вопроса, когда я заявила домой почти в шесть часов вечера! Надо ли говорить, что сейчас дефицит сна у меня огромный? Три дня и четыре ночи... Да еще "угощение", которое принес Бобби, чтобы выманить меня из дома... да так я смогу не спать еще с месяц и буду при этом тихо мирно терять вес фунт за фунтом. С той ночи, как я спала в последний раз, я уже потеряла шесть с половиной фунтов. Я убедилась, что какой бы наркотик я ни принимала, тем меньше я сплю и тем меньше ем.

В оставленной мною записке все было просто и по делу. Если тебе скучно читать, можешь пропустить. Мне же она доставила удовлетворение и радость, что я так ловко запудрила мозги своим, как выражается Бобби, "предкам".

"Мама, сейчас около пяти утра, и я честно старалась уснуть все это время. Мои попытки заняли больше двух часов, и все бесполезно. Тут неожиданно я вспомнила о поляне в лесу, где я побывала на днях с Троем... Ему так понравилось там пастись! Думаю, одеяло и хорошая книга помогут мне найти то уединение, которое я ищу.

Я бегу не от тебя, мама, поверь! Я так и вижу, что ты обиделась, приняв все на свой счет. Пожалуйста, не думай так. Мне просто необходимо уединиться от всех людей. Побывать всего несколько часов с Троем, на природе, подремать над книгой или что-нибудь в этом роде. Прошу тебя не волноваться. Если я не буду дома к шести вечера, то обязательно позвоню.

Любящая тебя, Лора".

Я провела ночь на самой умопомрачительной вечеринке в жизни, а между тем мама преспокойно сидела дома, полагая, что я погружена в чтение интересной книги и пристанищем мне служит мягкое одеяло, расстеленное на траве. Дерьмо! Мне же нужно как-то договориться, чтобы с Троем кто-то погулял... совсем вылетело у меня это из головы. Надеюсь, Зиппи не станет звонить и спрашивать у родителей, должен ли он это сделать... Проклятье! Придется мне самой договариваться. Сейчас вернусь. Пойду позвоню в конюшню.

Итак! Бобби взял грузовичок у своего дяди на вечер, и пока мы ехали по 21-й, мы могли рассчитывать, что нас не остановят... У Бобби, понятно, нет водительских прав... я какую уже ночь без сна, да еще с сознанием, что оставила родителям абсолютно лживую записку... Ты в состоянии себе все это представить?

И вот мы катим по дороге, грузовичок старенький, а музыка играет удивительно громко и чисто, все слова разобрать можно. Такое чувство, что все складывается как нельзя лучше. Мимо проносятся деревья, звучит музыка, мчитесь наш грузовик, а я начинаю раздеваться, чтобы надеть на себя новое платье, полученное ко дню рождения от кузины Мэдди. Она прислала его авиапочтой. Да, неужели я не говорила тебе, что на прошлой неделе мы чуть не час проболтали с ней по телефону? Платье – умереть можно! В обтяжку и с вставкой спереди, которая позволяет при желании приподнимать груди. Не то что другие платья, когда твои груди плотно прижаты к телу. Бобби чуть не угрожал нас – еще каких-нибудь четверть дюйма, и мы бы врезались в дерево! И еще говорит, что это была бы желанная смерть, поскольку "мои глаза не могут оторваться от твоей роскошной груди". Как тебе, правда, похоже на какую-нибудь песенку в стиле "кантри"? – Нет, в самом деле, "мои глаза не могут оторваться от твоей роскошной груди"!

Припарковавшись, Бобби завел меня за грузовичок и поцеловал. Важно, сказал он, чтобы я знала: Лео на самом деле классный парень, с отличным чувством юмора и поговорить умеет. Потом решительно кивнул головой и заявил: "Нет!" Я его спросила, какого черта он тогда все это говорит и что будет, если я наплюю на это его "Нет"? Мы уже входили в дверь, и тут он повернулся ко мне и

шепчет: "Сегодня ночью это не имеет значения, потому что, я уверен, ты будешь только со мной... и не трахайся с этим парнем. Лео, чтоб ты знала, мастак по часта всяких дерьмовых дел..."

Я кивнула и неожиданно почувствовала себя заинтригованной словами "всяких дерьмовых дел", а точнее, их сексуальным подтекстом. Как только Бобби пошел за пивом для меня, тут же рядом оказался Лео. "Дерьмовые дела"... они начались сразу же, в ту же минуту.

Мы оба это почувствовали.

- Лора Палмер... - сказал он, - как насчет этого дела? Последний раз, когда я тебя видел, старина Дуэйн Милфорд вручал тебе медаль или чего-то... приз какой-то?

Я должна была прервать его и уточнить:

- За Отличные Успехи! На Протяжении Последних Пяти Лет.

А чем, спросил он, я могу подтвердить свои успехи? Чем угодно, заверила его я, но дело в том, что я сейчас засну стоя и умру от жажды в то же самое время. Он окликнул Бобби, за что я была ему благодарна, потому что тот видел, как я вхожу в спальню, - и это после предупреждений и всего остального.

(Держись, Дневник, мне еще нужно записать пару строк... погоди, сейчас соберусь с духом и расскажу тебе невероятную историю.)

Значит, я в этой комнате вместе с Лео и Бобби, мы как раз собираемся пустить "соломку" по кругу, и тут открывается дверь из ванной. Туда вход прямо из спальни... в дверях появляется Роннетта Пуласки. Вид у нее такой, как будто она перестала есть всю эту жирную дрянь в забегаловках и стала следить за своей фигурой. Выглядела она шикарно, вот только нос был не очень. Она была под сильным кайфом и по тому, как Лео кивнул ей головой и быстро произнес равнодушное приветствие, я поняла, что это здесь вполне обычное дело.

Хочешь услышать про всякие чудные вещи? Знаешь, я только теперь поняла: когда я ходила сама в то место, куда меня водит БОБ, то, помнишь, я тебе говорила... ну, насчет того, что иногда я нюхала там свои трусики и мне хотелось сунуть голову какой-нибудь девочке между ног, чтобы почувствовать ее запах... (Господи, бывает, что об атом легко говорить, а бывает - ну прямо невмоготу) Так вот, в такие моменты я представляла себе Роннетту. Кроме Донны, она единственная из девочек, кого я видела голой... года два или даже больше тому назад мы участвовали в одном школьном спектакле, где нам с ней вдвоем надо было по ходу представления переодеваться... ну вот мы и оказались голыми, стоя друг перед дружкой и улыбаясь... в общем, меня к ней что-то, по-видимому, привлекало, наверное, глаза, печальные и в тоже время холодные. Мне нравилось смотреть на ее обнаженное тело... все это, в общем, было странно и непривычно. Понятия не имею, что она думает обо мне... сомневаюсь, что стоит об этом спрашивать. Мне надо только одно - слухи, что мы с Роннеттой "встречаемся", не упуская ни малейшего шанса для наших свиданий. Мама тогда, я знаю, тут же бросилась бы к Хэйвордам (может, даже прямо в больницу побежала бы), а папа решил бы, что мы с ней просто обсуждаем какую-нибудь новую игру... может, очередная разновидность гонки за консервной банкой! Какое мне дело!!!

Боже, я поймала кайф! Пишу - и не ногу остановиться. Получается, наверное, не меньше тысячи слов в минуту. Надеюсь все-таки, что ты сможешь хоть что-нибудь разобрать в моих каракулях, потому что, видит Бог, писать медленнее я не в силах. Такого наркотика я раньше еще не пробовала - мечта! Чувствуешь себя сильной, уверенной, умной и чертовски знающей, доложу я тебе. Вчера ночью никто, представляешь, ни разу не спросил, сколько мне лет. Да, черт подери, я, оказывается, могу кое-что значить сама по себе... Мы только входили в дом, а я уже сразу почувствовала, как внутри у меня все струны дрожат от нетерпения.

И тут же поняла, что Бобби был прав, когда говорил, что вечеринка будет классная. Смотрим, в одном углу гостиной что-то толпится народ - наверняка какая-нибудь хреновина, тем более что и Лео тоже там, и весь внимание. Ну, мы с Бобби туда протиснулись. Надо же посмотреть.

Глядим, а там на софе лежит одна девка с задранной юбкой и вызывает любого на спор, что никто не сможет ее удовлетворить. Говорит, если только такой найдется, тогда она готова выложить сто баксов. Для начала пусть пятеро попробуют.

Тут на меня нашло. Я же все-таки уже немного освоилась, как ты помнишь, и, кроме того, была, с одной стороны, на взводе, а с другой – полностью расслабленная... Огляделась по сторонам – и на моем лице, наверное, можно было ясно прочесть, чего мне хочется, потому что Бобби сразу же схватил меня за руку и попытался легонько оттащить. Я ему сказала, что если для него это не слишком неприятно, то я была бы не прочь попытаться счастья. Он только поглядел на меня и ничего не ответил, – наверное, по выражению моего лица понял, что переубедить меня в таком состоянии ему не удастся... мне кажется, он подумал, что даже начинать разговор на эту тему сейчас не стоит...

Тогда я спросила у нее позволения сперва шепнуть ей на ухо несколько слов, прежде чем... принять окончательное решение.

Она ответила, что с удовольствием разрешает мне сделать это и очень хочет услышать рядом с собой мой голос... Я наклонилась и шепнула, что пусть она не боится – я ручаюсь, что со мной ей будет хорошо... Считаю, что сто баксов уже потрачены.

Потом я подняла голову и спросила ее, расслабилась ли она уже или нет. Она сказала, что у нее какое-то странное чувство, будто я совершенно, точно знаю, что делаю... Тут я слегка отодвинула ее в сторону, легла рядом с ней на кушетку и поцеловала прямо в губы... нежным, мягким поцелуем.

Прежде чем я прикоснулась к ее телу, она захотела, чтобы мне стало известно ее имя... Я же ответила, что буду называть ее любым именем, которое ей нравится. Сама я к этому времени почувствовала, что возбуждалась, – вот уж меньше всего думала, что способна на такое... но это даже помогало, потому что наши чувства совпадали и все сходилось как нельзя лучше.

Я раздвинула ее ноги и сказала, что слышала прозвучавшие в ее горле слова.

"Да", – прошептала она. Я улыбнулась и спросила, что, собственно, означает это ее "Да" – ведь она же так мне и не ответила...

Глубоко вздохнув, она поднесла пальцы ко рту – тут толпившиеся вокруг ребята начали подначивать: "Валяй! Валяй!"

Я услышала, как кто-то из стоявших позади выронил на пол стакан и задыхающимся от возбуждения голосом проговорил:

– Во дает! Ну и девка, мать твою! Гляди, что она с ней делает? Та сама ж ее просит, гад буду!

Я понимала, что она хочет мне что-то сказать. И все делала так, чтобы она попросила меня, крикнула что-нибудь. Я знала: ей хочется... чтобы парни в комнате слышали ее слова. Я сказала, что все на нее смотрят. И что смогут сами убедиться, собственными глазами. Некоторые из парней в возбуждении встряхивали кисти рук, чтобы остудить потные ладони. Я чувствовала, что ее желание растет, мне надо только его не спугнуть... Она уже вся дрожит, и тут я еще раз сказала ей, какая она красивая. Бум! Она хватает меня... тянет за волосы... зовет:

"Лора, Лора... ты меня с ума сводишь!"

Один верзила все старался протиснуться к нам, и я сказала ему, чтобы он минутку обождет... он уже совсем склонился над ней, но тут увидел, что ей позарез надо какое-то время побыть только со мной.

Ока схватила меня за волосы и сказала:

– Я уже почти два года не могла такого испытать... Приходи сюда, прошу, если только я тебя не испугала.

К этому моменту мне показалось, сейчас самое время об этом упомянуть, что я стала немного отходить от сладкой эйфории... Тот верзила опять подошел и посмотрел мне прямо в глаза.

– Малышка, – обратился он ко мне и продолжил после небольшой паузы: – Мне просто захотелось посмотреть на тебя поближе, какая у тебя кожа и все остальное. – Он улыбнулся.

– Никогда не видел, что столько парней могут так завестись, глядя на нее, а на самом деле представляя себя на твоём месте.

Я ответила, что рада, если ему понравилось... я вообще-то не хотела, чтоб все так дружно ушли с вечеринки, и все из-за меня... мне даже не верится, что это сделала я... наверное, я сошла с ума... все, наверное, решили, что я зашла немного...

Он тогда засмеялся и говорит:

– Да ничего страшного. Никто никуда не разбежался. Ребята просто вышли немного постоять на газоне, слегка проветриться, а то у них в голове все

время крутится одна и та же пленка с твоим изображением... Сейчас опорожнятся - и придут.

Тем временем девица, наконец, встала с софы, подошла ко мне и поцеловала грудь в том месте, где у меня на платье, возле шеи...

И еще сказала, что надеется на встречу и хочет, чтоб я знала: она мой должник...

Потом подошел Лео и поблагодарил. По его словам, я была украшением их вечеринки, и ребята еще долго будут говорить про то, что видели...

Да, странные бывают знакомства все-таки.

Хочу обязательно побывать у Лео в ближайшее время; и посмотреть, какие из моих мыслей кажутся ему особенными... и потом, может, он мне кое-что покажет из тех: вещей, на которые намекал Бобби... Похоже, в ту ночь, по крайней мере, я своего Бобби несколько шокировала. Сама не пойму, что это на меня вдруг нашло... Но мне этого страшно захотелось... захотелось попробовать, а тут как раз такой случай представился.

Мне все равно, что я была - да и остаюсь - под кайфом... Главное, что мне было хорошо. Можешь не сомневаться, что я снова повторю это.

Лора.

14 декабря 1986

Дневник...

Прошлой ночью мне приснился БОБ. Неприятный сон. Тут виновато мое отношение к нему: я прямо ненавижу, как он надо мной измывался... заставлял чувствовать себя отвратительной и испорченной из-за того, что мне хотелось любви или просто нежности... Он топтал мою гордость и самоуважение так долго... Несмотря ни на что, мне удавалось быть красивой и ласковой, потому что это совсем просто... почта так же, как получать хорошие отметки в школе. Никто не хотел меня... я даже не притворялась, будто мне известно, что такое секс.

Он погубил меня, разве не так? Во сне он появился перед окном дома Лео и увидел меня. Во сне все выглядело более отвратительно, чем было прошлым вечером на самом деле. Он стоял там и снова и снова жестами показывал мне, какая я есть.

Потом мы очутились с ним возле дерева, и он сказал:

"ТЫ НИЧЕГО ЭТОГО НЕ СУМЕЛА БЫ СДЕЛАТЬ, ЕСЛИ БЫ НЕ Я".

Я ответила, что он ошибается. Я научилась всему, что он видел, сама, когда бывала одна, чтобы уметь получать удовольствие и залечить раны, нанесенные им мне.

На это он сказал: "АХ, ТАК! ТОГДА ЗАЧЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ЛЕО СВЯЗАЛ ТЕБЯ? МОЖЕТ, ДАЖЕ ПРОГЛОТИЛ ТЕБЯ СВЯЗАННУЮ? СДЕЛАЛ СВОЕЙ РАВЫНЕЙ? Я ЗНАЮ, ТЫ ХОЧЕШЬ ИМЕННО ЭТОГО... ЭТО ТО, ЧЕМУ ТЕБЯ УЧИЛ Я, МАЛЕНЬКАЯ СУЧКА! Я НАБЛЮДАЛ, КАК ТЫ ЛЕЖИШЬ С ПАЛОЧКОЙ И ИГРАЕШЬ САМА С СОВОЙ... ПРИ ЭТОМ ТЫ ДУМАЛА О СКВЕРНОМ ЛЕО, А НЕ О ХОРОШЕМ МАЛЬЧИКЕ БОБИ, КОТОРЫЙ ПЛАЧЕТ ВСЯКИЙ РАЗ, ПОСЛЕ ТОГО КАК ЕГО ИЗНАСИЛУЕТ ТАКАЯ ШЛЮШКА, КАК ТЫ".

И тут я проснулась. Пристыженная. Ужаснувшаяся. Виноватая. И явственно представила его стоящим у края моей кровати.

"ТЫ ЗАБЫЛА, ЛОРА, ЧТО Я ЗНАЮ ВСЕ, ВИЖУ ВСЕ, ПОЯВЛЯЮСЬ ВСЮДУ, ГДЕ ЗАХОЧУ... Я МОГУ РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ О ТОМ, ЧТО ТЫ СЧИТАЕШЬ СВОИМИ СЕКРЕТАМИ, КУДА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЫ САМА! ТЫ СТАЛА НЕОСТОРОЖНОЙ, ВЕДЬ ТАК? ПОЗВОЛИЛА МНЕ НЕМНОГО ПЕРЕДОХНУТЬ ОТ СВОЕГО ЗЛОВОНΙΑ... НИЧЕГО, САМОЙ ЖЕ ПРИШЛОСЬ ЗВАТЬ МЕНЯ ОБРАТНО... ВОНЮЧКА! ЧТО-ТО ТЫ В СВОИХ ЗАПИСЯХ СТАЛА НЕ СЛИШКОМ ЛЕСТНО ОБО МНЕ ОТЗЫВАТЬСЯ, НЕ НАХОДИШЬ? НАДО БУДЕТ ЭТО ПОПРАВИТЬ, НАДО БУДЕТ ЗАСТАВИТЬ ТЕБЯ ЛЮБИТЬ МЕНЯ ТАК, КАК РАНЬШЕ. Я ЕЩЕ ПОМНЮ ЭТО... СКОРО И ТЫ ВСПОМНИШЬ".

После этих слов он исчез. Обязательно надо будет сделать что-нибудь хорошее, и сегодня же?

Да кто он такой, гнида поганая, чтобы иметь право так меня ненавидеть?

Я хочу умереть и забыть обо всем. Нет сил больше все это терпеть! Только я начинаю получать удовольствие от жизни, как тут же появляется кто-нибудь и заставляет меня чувствовать, до чего же я грязная. Потом приходит другой, целует меня по настоящему – я чувствую, что желанна, я снова горю от возбуждения.

Мне надо знать, правильно ли я поступаю в тот или иной момент. Не могу позволить, чтобы именно БОБ был тем, кто научил меня время от времени страстно желать, чтобы меня связывали.

Я не хочу, чтобы мне причиняли боль. И никогда этого не хотела. Все, чего мне хочется, – это просто играть в игры, где по ходу дела иногда требуется произносить грязные слова. Грязные, но не подлые, как думает БОБ. И если меня наказывают, то наказанием служит секс, а не боль.

БОБ ничего из этих мыслей мне в голову не вкладывает. Не желаю и не допущу, чтобы он это делал. Это мои личные мысли, и ничьи больше.

Теперь я уже не могу больше заниматься сексом без того, чтобы меня не мучил страх. Страх, что придет БОБ, подсмотрит и станет врать про меня всем и каждому.

Если кто-то, кто меня любит, прочтет эти строки через много лет, то, пожалуйста, пусть он постарается не ненавидеть меня. Я только чувствую, как я чувствую, вот и все. Я никому не приношу зла и не хочу этого. Каждый день я стараюсь быть лучше и лучше – такой, какой, по-моему, хотел бы видеть меня окружающий мир.

Но что я могу поделаться! Я Лора. Я печальна. Господи, я снова печальна! Почему? Мне так не хватает смеха и общества моих друзей, которым все равно, какие сны снятся мне по ночам. Они не испытывают ко мне ненависти за то, что иногда поздно ночью я вижу кошмары, когда одна моя рука покоится между ног, и, стораая от стыда, я хочу лишь, чтобы пальцы второй руки спустили курок.

БОБ, запрещаю тебе снова появляться здесь, во сне или наяву. Тебя никто не приглашает! Ненавижу тебя!

Я так одинока. Лора.

10 января 1987
Дорогой Дневник!

За завтраком я пыталась поговорить с папой, но он все время сидел как на иголках, словно у него секунды не было, чтобы лишний раз подумать. Тоже мне, времени у него нет выслушать дочь, когда ей снятся сны про самоубийство, будь они прокляты. Ни один из родителей не может толком со мной поговорить... Что это такое? Уж не сон ли?

Тут отец сбросил с себя одежду и заорал:

– Сон, сон... Проклятье! А ну-ка встряхнись... Значит, твоя мать видела фотографии, где ты лижешь у других женщин интимные места, и на фото видно, что ты еще и удовольствие получаешь. Так, говори?!

Никогда еще я так не пугалась, как в эту самую минуту.

Я даже не осознала, что сплю... Сплю ли? Вот дерьмо, как же все это странно. Как странно. Был ли здесь БОБ? Был ли БОБ внутри?... Не хочу даже думать об этом.

Л.

3 февраля 1987
Дорогой Дневник!

Нет кокаина. Кончился. Как отвратительно я себя чувствую... как будто постоянно находишься в вакууме. Над моим телом надругались; в голове у меня постоянно крутятся одни и те же мысли, видения, образы мамы и папы – страшные и угнетающие меня картины. О, если бы она знала все, что произошло.

Интересно, поверили бы мне или нет, если бы я рассказала все, что знаю про него... Можно было бы вызвать полицию, чтобы они устроили на него засаду, но

ему это стало бы известно, как становится известным все, что происходит в моей голове. Мой мозг для него игрушка. И своими ручищами он перебрасывает его, как мячик. Мне надо рассказать про него всем и заставить их поверить. Просто рассказать...

"РАССКАЗАТЬ ИМ ЧТО, ЛОРА ПАЛМЕР? РАССКАЗАТЬ ИМ. ЧТО Я УВОЖУ ТЕБЯ И ТЫ НИКОГДА НЕ ВОЗРАЖАЕШЬ? ЧТО ТЫ НИКОГДА НЕ КРИЧИШЬ И НЕ ЗОВЕШЬ НА ПОМОЩЬ? РАССКАЗАТЬ ИМ, ЧТО СО МНОЙ ВИДИШЬСЯ ТОЛЬКО ТЫ, И НИКТО ДРУГОЙ? НИКТО НЕ ПОВЕРИТ ТЕБЕ, ЛОРА ПАЛ-МЕР... Я СЛИШКОМ ОСТОРОЖЕН".

Господи... вот опять это случилось... Он снова проник на страницы моего дневника... Ведь это же совсем не то, что я хотела написать! Я схожу с ума от страха при мысли, что БОБ нашел лазейку, позволяющую ему хозяйничать в моем дневнике, как будто это он вкладывает в мою голову слова за несколько секунд до того, как я записываю их в дневнике в качестве моих собственных.

Какого выкупа ты от меня хотел бы, БОБ?... Может быть, что-нибудь из того, чем владеет моя семья? Я готова дать тебе все, лишь бы в обмен ты согласился навсегда оградить меня от своего присутствия.

Ну, давай обсудим возможный обмен, БОБ... На что ты готов меня обменять?

"Я СОГЛАСЕН, ДАВАЙ МЕНЯТЬСЯ".

На кого это?

"В ТАКИХ ДЕЛАХ НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ НАВЕРНЯКА... Я ВЕДЬ МОГУ И ПЕРЕДУМАТЬ".

Так я и думала!

Л.

2 апреля 1987
Дневник!

Мне нужен наркотик. Позарез. Иначе я пропала.

Во что бы то ни стало надо связаться с Бобби. Куда он к черту запропастился, когда он мне нужен? До чего же все великолепно. Я, Лора Палмер, отличница в школе, образцовая жительница Твин Пикс... и я пристрастилась к наркотикам, пусть недавно, но без них уже не могу.

И все-таки я к этому не готова... Меня по-прежнему страшит мысль, что БОБ где-то рядом и ждет.

Если он в лесу, то сейчас за мной явится, потому как, мать твою, не позже чем через полчаса я должна нюхнуть приличную порцию. Я вижу эту белую полоску порошка, она зовет меня, как может звать к себе только любовник. Как бы я хотела, чтобы БОБ пошел на обмен. Если он исчезнет, я попытаюсь найти других людей и предостеречь их, чтоб они остерегались "ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ПРОНИКАТЬ В ТЕБЯ И ПОКИДАТЬ ТВОЕ ТЕЛО ПОДОВНО ВЕТРУ, КОТОРОГО ОБЫЧНО НЕ ЗАМЕЧАЮТ, ПОКА ОН НЕ ПРОВЕРЕТСЯ ПОД ТВОИ ОДЕЖДЫ ЧЕЛОВЕКА, СЮЩЕГО КУЛАК В ТО МЕСТО У ЖЕНЩИНЫ, КОТОРОЕ ТЫ, КАЖЕТСЯ, ТАК ПОЛЮБИЛА, ЛОРА ПАЛМЕР... И НЕЧЕГО ТЕБЕ ПРЕДАВАТЬСЯ ПУСТЫМ ГРЕЗАМ... ТЫ НЕ ПОЛУЧИШЬ ТОГО, ЧЕГО ХОЧЕШЬ. УЖ Я ОБ ЭТОМ ПОЗАБОЧУСЬ.

ЗАПОМНИ, ЛОРА ПАЛМЕР, Я МОГУ МАНИПУЛИРОВАТЬ ТВОЕЙ СОВЕСТЬЮ, ТАК ЧТО ТЫ БУДЕШЬ ЧУВСТВОВАТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ПРИКАЖУ ТЕБЕ Я НЕУЖЕЛИ ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ: НАСТАЕТ ЧАС ТВОЕЙ ГИБЕЛИ? НЕ ВИДИШЬ, ЧТО СНОВА ГОТОВА УСТУПИТЬ МНЕ? БЕРИ МЕНЯ ОБРАТНО К СЕБЕ, И ТОГДА НЕ ПРОИЗОЙДЕТ НИКАКОГО НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ В ТЕЧЕНИЕ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ, ЕСЛИ КТО-ТО И ПОСТРАДАЕТ. ТЫ СМОЖЕШЬ УЛЫБНУТЬСЯ. ЗНАЯ, ЧТО ВСЕ ЭТО ИЗ-ЗА ТЕБЯ. ЭГОИСТКА. НАРКОМАНКА С ЛЕСБИАНСКИМИ НАКЛОННОСТЯМИ!"

Да пошел ты ко всем матерям!

Может, пойти к Лео и. попробовать раздобыть "снежок" у него? Разживусь порцией - и тогда снова обрету свободу. Снова смогу быть госпожой своих мыслей. Я, и только я! Они принадлежат мне. Остается только где-то достать

"снежок"... И надо, чтоб кто-нибудь меня подбросил до Лео... Да катись все куда подальше, пешком дойду. Вот встану сейчас, спущусь вниз по лестнице и выйду через парадную дверь, как ни в чем не бывало. Достану "снежок" - и мне станет лучше. Я опять смогу думать. Заявлюсь к Лео, и все будет о'кей.

Беру тебя с собой. Дневник.

Лора.

2 апреля 1987
Дорогой Дневник!

У Лео собралась компания женского пола, и никто не мог открыть мне дверь. О, Господи... Деньги... Вот дерьмо!.. Может, он даст мне наркотика, а расплачусь я потом. Или... Погода, кажется, Лео выходит из дома. Скоро все расскажу, Л.

Лео будет великодушен насчет денег за наркотик. Я надеюсь, надеюсь, надеюсь.

2 апреля 1987

Вернулась от Лео и счастлива!

Он достал что надо, и все чудесно. Как раз достаточно, чтобы понюхать... Голова снова начала соображать... Я чувствую, как кровь побежала по жилам. Лео я сказала, что у меня это не тяга, как у этих чудиков-наркоманов, а просто я ужасно долго не сплю... Погоди!

БОБ исчез. Я больше не ощущаю его присутствия. Может, это потому, что я в кайфе. Может, я сумасшедшая и сама его придумала... Нет уж, мать твою. Я была бы действительно сумасшедшей, если бы всерьез считала, что его выдумала... Нет, он существует. Я знаю, что это так. Знаю. Никогда бы не смогла и не стала придумывать такого злодея, как человек, о котором я веду речь.

Я начинаю становиться тем существом, которым, по словам БОБА, и должна была стать. Падшей женщиной, которую третируют, которой не доверяют. Потерянная, она живет только сексом и наркотиками, благо они всегда под рукой. И неизменно приносят мне тот кайф, на который я рассчитываю... И никаких сюрпризов. Ты что, не видишь, что убиваешь меня, БОБ? Ты к этому стремишься?

Как хотелось бы мне вернуть те дни, а ведь прошел всего год или только чуточку больше, когда я возвращалась домой и почти не помнила, что со мною было... Единственное, что я знала: в иные ночи, вернувшись, я много плакала и пряталась за дверь ванной, стораю от стыда. Я помню, однако, что ты говорил мне тогда, дерьмо поганое! Я не забыла, как еще совсем маленькой боялась крови от твоих порезов. Ты еще говорил: из-за того, что у меня идет кровь, я обязательно навлеку на себя беду. Говорил, что у хороших девочек кровь между ног не течет. Говорил, что я не дитя божье! Да было ли вообще хоть что-то нормальное, что ты признавал во мне и позволял это почувствовать? Я росла - и ты всегда был где-то рядом, всегда напоминал мне, какая у меня дурная кровь и дурное естество. Ты был тем голосом, который я слышала... сукин ты сын.

Лео хочет видеть меня насчет денег... надеюсь, наша сделка пройдет гладко, безболезненно и без шума. Я просила Лео: если объявится Бобби, пусть передаст, что мне срочно надо с ним связаться.

На сегодняшний вечер нам требуется найти нового торговца... У нас уже ничего нет, если не считать личного тайничка Лео. Но это же личное, значит, только для него. Если бы у меня голова не была забита дерьмом, то сегодня ночью можно было бы и обойтись, но не получается. Мне нужна новая доза. И больше ничего, черт возьми. Друг мой, белая полоска! Все напоминает мне о тебе. Еду ли я по шоссе, вижу ли снежный буран или просто щепотку рассыпанного детского талька - проклятье, даже дома нет спасенья от этого наваждения.

Надеюсь, мы все-таки его раздобудем. Другого выбора нет. И так я уже несколько ночей не сплю, все из-за этой сделки с БОБОМ, дерьмо поганое... Не могу спать. Это слишком опасно.

"ТАК ВОТ, ЛОРА ПАЛМЕР, УЖЕ ДВА, НЕТ, ТРИ ДНЯ, КАК ТЫ НЮХАЕШЬ... СУКА, НАРКОМАНКА ВОНЮЧАЯ... Я ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ".

Иди ты к такой-то матери, БОБ! Да, я такая, как ты всегда обо мне и говорил. Грязная, похотливая сучка, которая трахается с кем попало, чтобы оплатить наркотики. Ты победил. Ты причинял мне страдания, которых у меня не должно было быть, а когда они появились, утверждал, что я сама виновата... Ты самый мерзкий, злобный обманщик, который влез в мою жизнь, когда тебя никто не звал и прав тебе таких никто не давал. Какого хрена ты от меня хочешь? Ты все время ловчишь, никогда не свяжешься с тем, кто сильнее тебя и может дать тебе сдачи. Сначала возьми и побори того, кто сильнее, тогда я признаю, что ты победил. Я даже пойду за тобой. Без всяких возражений.

Лора Палмер полагает, что ты мошенник.

Л.

24 июня 1987

Дорогой Дневник!

Сейчас поздний вечер, но я никому не считаю нужным докладывать или предупреждать, где я и даже что со мной. Просто не хочется обо всем этом думать. Не желаю ничего про себя выслушивать ни от кого... слишком много лжи во мне накопилось, как будто это раны - следы от пуль... я медленно истекаю кровью. Пройдут годы, прежде чем я смогу осознать последствия. Начну чувствовать слабость. Провалюсь в наркотическую бездну. Мир секса обещает блеск и власть. Я думала, что ищу силу, но, оказывается, обращалась не к тем людям, к каким следовало.

Часть моего я, способная решать, что хорошо, а что плохо, отнята у меня. Стоит мне принять такое решение, как не проходит и секунды, чтобы я тут же не начинала сомневаться в нем и проклинать себя: да как я вообще смела думать, что в состоянии отличить хорошее от плохого?.. Мне давным-давно следовало бы научиться помнить о тебе. И тогда я скорей всего избавила бы себя от наиболее грустных моментов в своей жизни... от самых дурных снов и вдобавок от нескольких сот отчаянных попыток возродить в себе лучшие стороны своего я. Того самого, которое от души приветствовало тебя. Того, которому ты обязан своим существованием.

От всей души надеюсь, ты получил то, что тебе было надо.

Я не могу быть хорошей. Во всяком случае, не сейчас. Я позабыла дорогу к ответственности, знакомую мне прежде. А как просто было по ней шагать!

Троя я прогнала. Несколько раз стеганула по заднице - и он убежал. Между прочим, тот же самый метод, которым пользовался ты, БОБ, чтобы заставить меня удирать.

Троя больше нет. Да я и не заслуживаю его. Впрочем, и он тоже не заслуживает такой жизни! Каждый день которой начинается и заканчивается тесным деревянным стойлом. Это своего рода напоминание, что он не свободен и у него есть хозяин.

Итак, я отпустила своего пони. Одна из последних моих надежд исполнилась... прежде чем я расквитаться со всем своим дерьмом. Особого значения это не имеет, но все же.

Надеюсь, Трой понял, почему я его прогнала от себя. Я так боюсь, что все, к чему я прикоснусь, рискует каким-то образом войти в контакт с БОБОМ. Не беспокойся, я собираюсь продумать вопрос о смерти. Чувствую, что ты уже решаешь за меня, как и когда. Подонок!

Лора.

12 ноября 1987

Дневник

Надеюсь, Господь прочтет это: мне может понадобится его помощь.

Несомненно, моя жизнь кончена, я больше не верю себе... и никому... все пропало?

Лео и Бобби зашли за мной на конюшню, потому что сама я с трудом могла передвигаться. Бобби сказал, что он звонил ко мне домой и сказал родителям, что он забирает меня на ужин, куда нас неожиданно пригласили... и вернемся мы поздно.

Должна признать, что с его стороны это весьма мило и трогательно. Что я и сказала Лео и Бобби с заднего сиденья машины, где я переодевалась (снова спасибо Бобби, что он принес мне кое-что из одежды Донны, которая, как он заметил, обо мне беспокоится). Это меня удивляет - не то, чтобы я сомневалась в верности Донны и ее дружбе, но сейчас я во всем склонна видеть руку БОБА. Ребятам я сказала, что сейчас меня мучает беспокойство и лучше всю ночь никуда не отлучаться, а быть в каком-нибудь одном месте. Я это совершенно серьезно, и если они согласны, то можно вернуться обратно и забыть про коку до завтрашнего дня. В ответ Бобби рассмеялся, а Лео похлопал меня по руке, как будто я говорящая кукла, щебечущая одно и то же. Как будто у меня за спиной нитки, за которые можно дергать. С чего это они взяли?

- Не думаю, чтобы это было безопасно для тебя, - ответил Лео.

Мы проехали мимо Мидл Тауна и углубились в Лоу Таун. Никогда еще не видела я такой темной ночи. На Луну и намека нет. Даже Лео и то забеспокоился, хотя я уверена, он все равно будет моим защитником, пока я с ним. Все что мне нужно сейчас - это иметь или порошок, или деньги, чтобы его купить. Мой любимый белый друг! Очередная ложь, но, по крайней мере, я смотрю ей прямо в глаза и говорю себе, что так оно и есть. Счастье, пусть временное, все-таки лучше, чем позволять друзьям, семье, любовникам с ужасом наблюдать, как близко подошла я к грани самоуничтожения. Не приближайтесь ко мне. Для вас это уже небезопасно. Я ручаюсь за это.

Тут мы подъехали к узкой боковой дороге без всяких указателей. Тем не менее, нам показалось, что именно здесь надо сворачивать, потому что никакой другой дороги, куда ни глянь, в обозримом пространстве не было. Бобби остановил машину, вместо того чтобы ехать к дому, который был нам нужен. Лео подначивал его, говоря: "Давай, давай, Бобби, помчались!" Я тоже хотела чем-то привлечь его внимание, но он, честно, пребывал в другом измерении. Лицо у него было такое, как будто он находился в "Зоне Сумерек".

Как только он пришел в себя, он погнал машину, невзирая на кромешную тьму, скрывавшую дом, куда мы ехали. Там, я надеюсь, кокаина будет под самую завязку. Да и выпивка может найтись, если только я смогу изобразить на лице улыбку... "Покажи-ка им свои зубы", - подумалось мне.

Лео поглядел на меня так, словно вдруг засомневался:

а правильно ли мы делаем, что едем в дом, где никого не знаем, а карманы у нас набиты тысячами долларов. Я откинулась на спинку сиденья и притихла, неожиданно осознав, что мое переодевание в данных условиях было просто смехотворно... И всегда-то у меня так в Лоу Тауне с моими нарядами, которые только навлекают на меня беду. А тут еще эта тьма, о которой ничего не говорилось ни по радио, ни в вечерних выпусках газет. Они даже не сказали, что будет отключено электричество.

- Интересно, - говорю я, - сколько времени понадобится полиции добраться сюда после телефонного вызова?

Бобби залез во внутренний карман пиджака и достал отцовский пистолет. Он слегка отблескивал, и я сказала Бобби, что он, наверное, совсем потерял свои дерьмовые мозги, если таскает эту штуку с собой. Тогда я была уже совершенно уверена, что у меня болит не живот: это запрятанный глубоко внутри страх интуитивно требовал, чтобы мы развернулись и гнали отсюда ко всем матерям, пока не очутимся дома.

Но машина не развернулась и даже не замедлила ход. Дорога выглядела совершенно безжизненной, впереди не было видно ни одного дома. И вообще ни хрена... ну, может, один-два человека за все время и попались... еще одна причина, почему нам следовало тихо удрать, пока оставался шанс сделать это всем вместе.

Ни с того ни с сего Бобби резко тормознул. Наш грузовичок дважды крутанулся на месте, взметнув целый Столб пыли, который высветили фары, и, наконец, замер. Все мы были слегка ошарашены. Мне показалось, я кого-то увидела.

- Я не хотел его сшибить, - сказал Бобби.

Мы все выскочили из машины и медленно шагнули в темноту.

Неожиданно кто-то схватил меня сзади и начал душить. Сразу мелькнула мысль: неужели я так вот и умру... здесь в Лоу Тауне, когда, наверное, из-за аварии, отключился свет, хотя почему-то никто этого не признает, умру, пытаюсь раздобыть наркотики, точнее кокаин, а ни один из моих сопровождающих, крепких, здоровых парней не знает, что какой-то хрен меня душит! Все кончено, подумала я... здесь мне и лежать, в этой проклятой земле. За место на кладбище все уплачено. До последнего цента.

Тут тиски на моей шее ослабели, в глазах у меня помутилось, и я потеряла сознание.

Очнулась я в доме этого дилера со страшной головной болью - я даже подумала, не аневризма ли у меня. В комнату вошли Бобби и Лео, и Бобби покорно опустился рядом со мной. По лицу было видно, что его беспокоит моя голова. Озабоченный вид Бобби заставил меня вспомнить, как все случилось. Стараясь вложить в свои слова как можно больше сарказма, я спросила:

- И в чью это дерьмовую голову пришла такая блестящая мысль - душить меня, пока я не вырублюсь? Никто не ответил.

Тогда, выходит, так всегда в Лоу Тауне встречают девочек? - В ответ опять молчание. - Классно, - заключила я.

Самый толстый из четырех жирдяев достал из-за пазухи пистолет и навел прямо на меня. Взглядом я дала ему понять, что он явно перебарщивает... достаточно было бы сказать мне "Заткнись" или "Отвали". Я бы вполне поняла. А он взвел курок и приставил свою хреновую пушку к моему лицу.

- Прошу прощения, красотка. Не так уж часто бывает, что под платьем скрывается такая девочка. - Он посмотрел на меня и лизнул свою пушку. - Клевые у тебя титьки.

- Я знаю, - ответила я.

Не могу сказать, чтобы его объяснение причины, зачем потребовалось меня душить, имело хоть какой-нибудь смысл. Однако его извинение было принято: как бы то ни было, уж лучше это, чем дырка в голове. Я протянула ему руку и поблагодарила за то, что он меня не убил. Это бы мне весь вечер испоганило.

В комнате повисло молчание. Мою руку он так и не пожал.

Медленно, с явным удовольствием уголки его рта поползли вверх, пока на лице не застыла гнусная ухмылка. "Нахрись дерьма и подохни!" - говорила она. Такое в своей жизни я видела раньше только раз. Я поняла, что перемирие не состоялось. Теперь, уже четыре револьверных дула были приставлены к разным местам моего лица, что не позволяло мне терять бдительности и нарушать этикет молчания.

Холодное прикосновение металла. Бегущие по спине мурашки. Ужас. Хотите назвать меня сумасшедшей, называйте. Но при виде оружия у меня появляется удушье и потребность глотнуть побольше свежего воздуха. И как можно скорее.

Я сказала им, что пойду к машине. Спинай я чувствовала, что одна из пушек вот-вот может выстрелить и пуля прямоком войдет в меня. Я задыхалась, идти и так было трудно, а тут еще эта стянувшая мою шею боль. Кроне того, я боюсь пуль и готова держать любое пари, что когда одна из них впивается тебя с бешеной скоростью, то удовольствие это весьма сомнительного свойства к радости не доставляет.

Выглянув из окна машины, я сразу же различила людей в военной форме, окруживших дом, подобно застывшим изображениям из какого-нибудь фильма ужасов. Один из солдат приблизился к оконному стеклу - и я вся сжалась от пробиравшего меня холода и страха.

- Ты вообще-то о смерти думала? - обратился ко мне этот человек с таким невозмутимым выражением на лице, которое мне редко приходилось видеть.

- Не в подобной ситуации, сэр, - ответила я. Он посмотрел на меня так, словно мой ответ мог

означать, что предстоявшее ему повышение по службе объявлено досрочно, и попросил:

- А вы не будете добры выйти из машины, мисс?

- Что, собираетесь меня расстрелять на месте или потом?

- Дело в том, что из дома украдена большая партия кокаина. Мне подумалось, вы захотите, наверное, представить мне доказательства, что с грузовиком все чисто и мы можем заниматься своим делом и дальше... по норме.

Я вышла из кабины, чуть не рассыпавшись на мелкие кусочки от ужаса.

- Ну, как, все в порядке? - поинтересовался он.

- На моем конце поля вроде бы да. Я боялась пошевелиться.

- Но вечеринка вроде не совсем по вас, а?

- Да, вечеринка не в моем духе... больше похожа на поминки, какое там веселье, сэр.

- Можете залезать обратно в кабину и отдыхать.

- А что сейчас происходит в доме?

- В доме? - пожал он плечами. - Похоже, парни собрались в кружок и обсуждают вопрос насчет того, надо ли им выпускать пары или стоит вернуться обратно в Хай Таун, откуда они приехали.

- Спасибо. Эта новость меня вполне успокоила. Я проболталась а этом чертовом грузовике минут сорок, века ждала, позволят ли Бобби и Лео появиться в виде "паров" или все-таки в качестве твердых тел. Но вот, наконец, они вышли из парадной двери, хохоча и похлопывая этих жирдяев по спине, как будто им и уходить-то не хотелось. Ну, дерьмо, подумала я. Сидишь тут, в тебя того и гляди разрядят обойму и уложат на месте за кражу целого килограмма кокаина (я аккуратно засунула его под платье, по-прежнему плотно облегавшее меня и свидетельствовавшее тем самым о моей невиновности), а что я имею вместо благодарности? Тащатся к грузовику, как улитки! Да, вот она какая, мужская привязанность, черт бы ее подрал.

И тут из глаз Бобби на меня полыхнуло таким неприкрытым ужасом, который лучше всяких слов сказал мне: "Берегись!" Сразу же со всех сторон началась дикая пальба, как будто Национальная ассоциация владельцев стрелкового оружия устроила соревнования для слепых. Казалось, никто не знает, куда и как ему стрелять... параноики поганые, до того нажрались, что, попади в них пуля, они поймут это только назавтра.

Я перелезла на место водителя и развернула машину к тому месту, где притаился Лео. Он был без оружия и как ненормальный шептал слова молитвы. Подобрал его, мы что есть духу рванули обратно по направлению к городу.

Теперь пришла моя очередь взглядом предупредить Бобби об опасности. Мы промчались уже половину дороги, и тут в зеркале заднего вида я с ужасом обнаружила: в кузове, кроме Лео, есть еще кто-то. Они боролись, и Лео, похоже, совсем выдохся. Бобби вытащил из-за пазухи пистолет, свободной рукой уцепился за окно, привстал и, высунувшись, заорал тому парню, что дает ему две секунды на размышление. Или исчезнуть, или подохнуть...

Парень рывком сел. Тогда Бобби выстрелил ему в грудь с расстояния трех, может, четырех футов. Парня швырнуло о задний борт, и он, перевернувшись, упал на землю.

- Дуй отсюда ко всем чертям. Гони! - заорал Бобби.

Как только мы снова выехали на шоссе, Бобби опустил на сиденье, все еще продолжая держать в руке свою пушку, как будто ему предстоит снова стрелять.

Весь путь до дома Бобби промолчал. Лео оставался в кузове, не переставая благодарить Бога, что он услышал его молитвы. Я все время думала, не остались ли на грузовике следы крови и убит ли тот парень или нет.

Когда мы подъехали к дому Лео и вошли, я спросила, есть ли тут, кроме нас, еще кто-нибудь. Лео ответил, что мы одни, и тогда я вытащила из-под юбки весь килограмм кокаина в полиэтиленовой фабричной упаковке. Что ж, подумалось мне, для любителя вроде меня совсем неплохая работа! Впрочем, я тут же извинилась перед Бобби за то, что, возможно, именно из-за меня в кузове прятался посторонний.

Вообще-то, заметила я, меня обыскивали и все такое, и тот парень сказал, что я вне подозрений. Увидев, как вы с ними выходите из дома и обнимаетесь друг с дружкой, я решила, что нас больше уже не станут ни в чем таком обвинять.

- Знаешь, что они нам с улыбкой в это время говорили? - спросил Лео. - Что из-под земли нас достанут и по кусочкам начнут отрезать у нас яйца... тупым ножом. И если окажется, что эта ваша мандавошка сперла килограмм нашего кокаина, то не надейтесь, что попадете в больницу - отправитесь прямиком в ад.

Я села и стала думать насчет этого слова "мандавошка".

- Слушайте, ребята, - начала я, - мне правда очень жаль. Я бы никогда в жизни не подумала это сделать, если бы не считала, что вы будете прыгать от радости, когда узнаете.

Молчание.

- Помните, ведь я предупреждала, что нечего нам туда ехать?

Оба улыбнулись. Лео кивнул в сторону пакета с кокаином и сказал:

- Этого тебе хватит надолго. Бобби повернулся ко мне, и неожиданно для себя я увидела в его глазах выражение гордости.

- Добыча, достойная Бонни и Клайда.

Одна драма осталась позади, но нам предстояла другая.

Мы, конечно, решили тут же как следует нанюхаться, и в таких дозах, которые для людей непереносимы. И если уж нас не убили пули, то гора кокаина это сделает обязательна

Вскоре мы были хороши. Мне потребовалось выйти. Я захотела купить кое-что для себя в ближайшем магазинчике. Ребята и помыслить не могли, чтобы встать с дивана. Они смотрели телевизор, но самое главное, их удерживало чисто мужское наслаждение при виде горы кокаина с тремя соломинками, торчащими из дырки на верху мешка.

Оба они глазели на меня щенячьими глазами с расплывшимися зрачками, говоря одно и то же

- Ты не возражаешь, если мы тут немного повалеемся?

Честно признаться, я была зла на Бобби за то, что он сам не вызвался проводить "свою" девочку - ту самую, которая как-никак рисковала жизнью - пусть сейчас она не имела ровно никакого значения, - и все ради того, чтобы сейчас он мог пребывать в блаженном кайфе.

Да пошли они куда подальше, решила я. Ничего, и сама смогу добраться до магазина, благо это совсем рядом, всего каких-то два квартала. Не рассыплюсь на куски и не особенно утомлю себя подобным путешествием.

Только я миновала два соседних с Лео дома - больше домов тут вообще не было, - как заметила на полу кабины номер журнала "Мир плоти", который почему-то раньше не видела.

Вот это. Да! А что если я в этом журнале смогу прочесть про себя какие-то вещи, о которых не подозревала? И вдруг ни с того ни с сего - БЕМС!

Я вырулила к обочине и, еще до того, как вылезла из машины, чтобы поглядеть, на кого я там наехала, увидела себя такой, как была четыре года назад, когда это случилось с коей любимой кошкой. Маленькая девочка, привлеченная шумом от удара, выбегает из дверей дома на улицу, постепенно замедляя шаги при виде лежащего на земле тела животного.

Она смотрит на него во все глаза, делает еще один шаг, но все равно остается от цели футов в пятнадцати, боясь окончательно убедиться в страшной реальности произошедшего.

...Я повернулась и увидела - Юпитера! Как две капли воды похожего на ту кошку, которая была моим лучшим другом, пока какой-то оглушенный наркотиками водитель - вроде меня, сегодняшней, - не промчался мимо, нисколько не заботясь о том, кто там в этот момент перебегает дорогу. Возможно, его тоже, как и меня, куда больше интересовали статейки из порножурнала.

Я не могла удержаться от слез. А, начав плакать, уже не имела сил остановиться. Ведь сейчас, через много лет, я была тем самым ненавистным мне человеком, который разлучил меня с моей любимой кошкой, чья дружба так помогала мне. Я сказала маленькой девочке, что сделаю все для нее, чего она пожелает. Ну, например, с удовольствием куплю ей другую кошку... В ответ она взглянула на меня - и попыталась даже подбодрить. Подумать только, ее кошка припечатана к асфальту из-за того, что я заклинилась на этом чертовом сексе, а она еще хочет, чтобы я не терзалась из-за случившегося.

Она подошла к окну кабины, где я сидела. Как я ни старалась, но так и не решилась встретиться с ней глазами.

Мне было так стыдно, что я боялась даже пошевелиться.

- Пожалуйста, перестаньте плакать! - попросила она. Боже! Да у нее такой же голос, как у меня!

- Почему вы так переживаете? Я вовсе не хотела, чтобы вы так расстраивались.

Тут я взглянула на нее сверху вниз и увидела нечто, чего мне самой так не доставало, - желание прощать! Какое у нее большое сердце, у этой маленькой

девочки! Сердце, готовое вместить сразу все Соединенные Штаты, не оставив в них ни одного человека, кто чувствует себя одиноким.

- Все дело в том, что, когда я была в твоём возрасте, - начала я, - у меня как раз была такая же кошка, как у тебя. Ее звали Юпитером, и мы никогда не разлучались. И вот кто-то переехал моего Юпитера на дороге. Я услышала шум и выбежала на улицу, чтобы помочь... но помогать было уже поздно. Я еще тогда подумала: как же быстро... смерть решает, что проголодалась.

На какой-то момент вокруг не было слышно ничего, кроме ветра. Мы обе молчали.

Потом она взглянула на меня и тихо произнесла:

- А вы простили того человека, который сшиб вашу кошку?

Я присела рядом с ней на корточки и рассказала, что моего Юпитера убил человек, который тут же скрылся.

- Наверное, моя кошка попала в рай, но мне так ее недостает... Да, я простила убийцу, но не думаю, что когда-нибудь смогу позабыть, что кто-то раздавил моего друга и даже не остановился, чтобы посочувствовать мне.

Девочка протянула руку. Ее фланелевая ночная рубашка выглядела такой смешной, что я не могла удержаться от улыбки.

- Меня зовут Даниэль, - произнесла она серьезно, пожимая мне крепко руку.

- А меня Лора Палмер, - ответила я, обнимая ее прильнувшее ко мне теплое тело. - Рада была с тобой познакомиться, Даниэль. - Я поднялась. - По-моему, надо быть очень хорошим человеком, чтобы так легко прощать.

Она на минуту задержала свою руку в моей и, тщательно обдумывая каждое слово, сказала, глядя на меня в упор:

- Когда я услышала этот шум на дороге, то сразу забеспокоилась о своей кошке. Вдруг с ней что-то случилось... Но вот я вышла, увидела вас. Вы так сильно плакали, гораздо сильнее меня. Вы вспомнили про свою кошку, и вам поэтому стало особенно грустно, что вы сшибли мою. Разве я могу позволить себе упрекать вас за какой-нибудь из ваших поступков? По-моему, вы очень милая, Лора Палмер.

- Ну, а ты, по-моему, не просто милая, а такая аппетитная, как пирог с глазурью, Даниэль! - Я взглянула на мертвую кошку, затем перевела взгляд на девочку.

- Ничего, моя мама сама уберет, - сказала она.

Маленькая Даниэль действовала на меня благотворно, как никто. Уже целую вечность я не испытывала ничего подобного. Мне вдруг померещилось, что все еще может в моей жизни уладиться. И новая кошка, которую я куплю, окажется не хуже прежней...

Мне вспомнилось, что я отпустила на волю своего пони. Как я хотела верить, что с ним все в порядке, что никто его не переехал и новые хозяева, у которых он окажется, будут заботиться о нем так, как он того заслуживает. Вообще-то мне следовало подумать обо всем этом, прежде чем решиться пойти на столь рискованный шаг - взять и отпустить свою лошадку на все четыре стороны, чтобы она сама поступала, как ей вздумается... Совсем одну!

Что-то сегодня, похоже, я не набираю особенно высоких баллов, подумала я. Такая уж, наверное, выдалась неделя. Мрачные события следуют одно за другим - да еще каждое из них служит чуть ли не предзнаменованием чего-то. В чем дело?

Что, мне суждено, в конце концов, вернуться к нормальной жизни, поступить после школы на какую-нибудь работу? Или же я по-прежнему на всех парах лечу к собственной смерти? Не знаю, но мне ясно одно: сейчас же разворачиваюсь, еду обратно, отвожу грузовик на место, а сама пешком возвращаюсь к себе домой. Проветрюсь как следует, отойду от наркотиков. Может, мама сделает мне горячий шоколад, и весь вечер я смогу держаться на уровне и просто быть в доме вдвоем с матерью.

Решено! Отвожу грузовик к Лео, а потом тут же отправляюсь пешком домой.

Вернусь - и тогда все запишу.

Л.

13 ноября 1987
Дорогой Дневник!

Итак, я дома. Еще рано. Лео и Бобби не очень-то обрадовались, узнав, что я намерена идти домой. Похоже, у Лео были другие планы: он собирался попробовать в этот вечер что-то "новенькое". Бобби был под очень сильным кайфом, и, я думаю, Лео уговорил его, пока я отсутствовала, убедить меня соглашаться со всем, что предложит Лео. Во всяком случае, я еще никогда не видела Бобби таким расстроенным из-за того, что я не остаюсь с ними. Взгляды, которые он то и дело бросал в сторону Лео, показали мне, что Бобби явно чувствует себя виноватым или, быть может, не совсем уверенным в том, надо ли было вообще вовлекать меня в эти игры. Вроде как водить кусочком сыра перед носом мышки... светленькой, очень запутанной маленькой мышки. Видишь мышеловку? Видишь? Убегай. Тем более что ты сама этого хотела, помнишь?

Лео покачал головой, когда я сказала, что решила уйти. Еще я добавила, случилась одна вещь, и я почувствовала... в этом месте я остановилась, не докончив фразы, так как неожиданно увидела: оба они были в таком состоянии, что даже не могли притворяться, будто их способна взволновать судьба какой-то раздавленной на дороге кошки. Может бедное животное все еще там и лежит, а вокруг какая-то белая жижа... по крайней мере, когда я медленно ехала обратно с выключенными фарами. Я представляла, как мертвые глаза кошки смотрят на склонившееся над нею лицо матери Даниэль, вероятнее всего, усталое, озабоченное лицо. Эта женщина, наверняка, думает о своей дочери: как она все перенесет? Она думает, а сама осторожно подбирает с земли мертвое тельце - ограничится ли смерть тем местом, где это приключилось? Еще она, наверное, думала насчет предстоящей ей завтра работы и насчет того, долго ли ей придется провозиться на дороге... ведь она так устала, так устала.

Думается, это я про самое себя. Усталость моя не знает границ. И это же я задаю себе вопрос, не является ли смерть всего-навсего застывшим в нашей памяти образом лежащего на дороге тела животного? Может, поместить его прах в урну, где покоится то, что осталось от дедушки? В конце концов, это только тело, так почему бы не предать останки земле, как положено?

Меня, когда я умру, наверное, похоронят. Надеюсь, что кошку тоже похоронили. Сперва я думала, что мне следует остаться там, чтобы помочь матери той девочки, но все было слишком уж страшно. То тело на дороге - как знамение свыше.

Может, за случайной гибелью на дороге стоит куда больше, чем кажется на первый взгляд. Не такие ли это знамения, как сегодня вечером... Или примеры, на которые мы никогда не обращали внимания. Вот что это такое. Неподвижность. Вечный покой. Нет, не хотелось мне сегодня вечером оставаться с ребятами. А хотелось пойти домой, заснуть в своей кровати, снова стать маленькой девочкой. Напридумать себе какую-нибудь болезнь, колики в животе, чтобы мама крутилась вокруг меня. Читала вслух "Спящую красавицу" или "Маленького Стюарта", а я буду попивать кофе маленькими глоточками, пока она переворачивает страницы, украдкой поглаживая на меня.

Я хотела, чтоб это было так, но знала: все кончится тем, что я останусь у Лео. И к себе вернусь перед рассветом, как всегда крадучись... перед самым звонком будильника. Разденусь догола и юркну в постель. Я знала, я расскажу тебе, что случилось дальше. Очень просто. С пером в руке - и при полной тишине. Эти последние несколько дней слова стали мне чужими. Родной для меня сделалась ложь, много лжи, снова и снова. Одна ложь кончается, как тут же приходит другая, чтобы помочь первой выжить... казаться правдой. Слова Бобби были для меня как маленькие ножи. Я знаю, он не хочет делать мне больно, но его явно поражает мое поведение: и позавчера, и вчера вечером он не может не видеть разницы между мною, обычной, и когда я впадаю в кайф... а это теперь так часто. Бобби говорит, он никогда не знал, что во мне скрывается такая бездна необузданности. Наверное, он имеет в виду, что никогда не подозревал, какая я испорченная. Никогда не видел ту Лору Палмер, какую видели деревья в лесу и земля: часто потрясенную, и сердитую, запуганную, еле живую от страха, не имеющую сил убежать. Не видел или не хотел видеть?

Лоре Палмер в свое время было сказано, что она заслуживает того, чтобы ей причиняли боль. Заслуживает той степени интимности, о которой большинство людей стесняются говорить или даже думать, полагая, что это грех. Лора Палмер? Да она же родилась, не имея права выбора. Как-то ночью давным-давно ей тихо сказали, что все это она полюбит, а если нет, то должна будет умереть.

Словом, я осталась. Лео предложил мне что-то выпить. Расслабиться. Сказал, что хочет видеть меня такой, какой я была когда-то. Утверждал, что я это ему обещала. Ручался, домой доставит вовремя. Никто ничего не узнает. Он опустился передо мной на колени и крепко сжал мои запястья. Я тут же вспомнила БОБА и закрыла глаза. Должно быть, я невольно поморщилась, тихонько вскрикнула или чем-то еще выдала себя, потому что он сказал:

- Я знал это. Я знал, для тебя это что-то значит. - Теперь он крепко и нежно держал мои пальцы. - Вот он прекрасно. Я чувствовал, что ты поймешь. Я видел это по твоим глазам.

Я услышала, как Бобби встал со стула, и как Лео тут же его остановил.

- Садись, Бобби. Лора сейчас принесет тебе выпивку. Она откроет глаза, и тогда мы всё будем пить.

Я медленно открыла, глаза. Лео отпустил мои руки, и они безвольно упали на колени. Я поднялась и пошла в кухню принести Бобби что-нибудь из выпивки. Мне был хорошо слышен их разговор в соседней комнате. Вначале они громко спорили. Думаю, из-за меня. Речь шла о планах на сегодняшний вечер. Их возбужденные голоса болью отдавались у меня в голове и в ушах. Я не хотела, чтоб они ссорились, зашла к ним в комнату и велела им заткнуться. Сказала, что требую этого. И обещала подчиниться сегодня вечером любым правилам "игры". Пусть только не ссорятся. Я хочу, чтоб всем нам было весело. Сегодня я хочу настоящего кайфа. Как у них. Мне хочется поскорее забыть все то, что произошло на дороге.

Я вернулась в кухню, и тут ко мне пришел Бобби и сказал:

- Знаешь, тебе крупно повезло. Лео ведь мог дать тебе хорошего шлепка. Надо же, сказать человеку, чтоб он заткнулся - в его собственном доме!

Я ответила, что никакого это не везение. Просто я нравлюсь Лео. И он никогда не тронет меня и пальцем, разве что у нас с ним будет такой уговор.

Бобби сказал, что ему бы очень хотелось встретиться со мной, ну, скажем, на следующей неделе, и чтоб мы были только вдвоем. Ему так не хватает встреч с Лорой наедине. Я ненавидела его за эти слова. Мне даже захотелось влить ему пощечину. Вместо этого я сказала, что лично мне с той Лорой встречаться совсем не хочется. Пусть знает, что ту Лору он может больше никогда и не увидеть.

Мы долго пили, сидя втроем, нюхали "полоски", и я все время следила за Лео. Не знаю, почему, но я чувствовала: мне надо быть готовой. Неважно, будет ли он сегодня ласков со мной или нет. И все это время я ни разу не посмотрела на Бобби. Пусть видит, что меня интересует только Лео. Очень уж мне понравилось, что Бобби тоскует по прежней ласковой Лоре. До нее уже не достучишься. И такие вечера, как этот, ей бы не понравились. Играть в эти игры она бы не стала. Но зато я играю. Мне нужно было чем-то отличаться от нее... нужно стряхнуть все то, что влечет БОБА к моему окну. Уничтожить следы невинности.

И я решилась. Сказала им, что хочу пойти в лес. Лео с довольным видом поглядел на Бобби, улыбнувшись. Потом повернулся ко мне, кивнув в сторону моего пустого стакана.

- Ну что, тебе так хреново? - спросил он. Да, призналась я. Но все равно оставаться дальше в помещении я уже не могу. Очень уж тут плохое освещение. При нем все выглядит как-то уж чересчур просто. Я отсыпала немного кокк, чтобы взять с собой в лес, а Лео посмотрел на меня так, как будто я ее, по крайней мере, ворую. Тогда я ему сказала:

- Послушай, я же украла это дерьмо, правильно? И эту ночь я проведу с тобой... и не собираюсь отказывать себе в этом маленьком удовольствии там, в лесу.

Он ответил, что просто смотрит на меня, вот и все. Сказал, чтобы я расслабилась. Потом подошел ко мне, совсем близко, со словами:

- Мне нравится, когда ты вот так можешь за себя постоять. Но в лесу у тебя этот номер не пройдет.

Неожиданно я представила себе, как, раскинув руки, медленно кружусь в темноте и при каждом повороте передо мной мелькает то Лео, то Бобби... В моем мозгу медленно всплывает довольное лицо Лео. Его большие глаза, раздвинутые в улыбке губы. Руки Лео медленно хлопают одна о другую, снова и снова. Мой танец ему явно нравится.

Перед нашим уходом Бобби появился из ванной, заявив, что он устал и хочет пойти домой. "Все равно, - сказал он, - сегодняшний вечер принадлежит тебе с

Лео". И прибавил, что позвонит мне в ближайшие дни. Когда входная дверь за Бобби захлопнулась, Лео улыбнулся:

- Сообразительный парень, этот Бобби. Я кивнула, но в душе мне хотелось убить Бобби за то, что он заставил меня почувствовать себя дрянью. Ведь он мечтал, чтобы Лора, чистая и ласковая Лора, бегала за ним, возвращалась рядом с ним домой – рука в руке. И на какое-то мгновение мне захотелось снова стать этой девочкой. Вот где таилась опасность. Он не понимал, чем это грозит не только мне, но и всем нам. Особенно здесь и сейчас. Сегодня вечером я снова должна быть в лесу. Деревьям необходимо увидеть, как я выросла, какой стала. И тогда они скажут БОБу, чтобы он оставил меня в покое... Он убедился: его работа со мной закончена.

Лео подошел ко мне, сунул руки под блузку и, глядя на меня в упор, нашарил пальцем сосок. Ни на секунду не сводя с меня глаз, он произнес:

- Ты не будешь грустить ни о нем, ни о кем-нибудь другом!

С этими словами он отвел взгляд – ноги у меня так и подкосились.

- Возьми меня с собой. Я хочу все забыть, – пролепетала я, потянувшись к его руке. Мне надо было опереться, чтобы не упасть.

Он сказал, что у него кое-что есть на уме. Это может оказаться страшным, но все будет в порядке. И еще он сказал: если после сегодняшнего я ему не разонравлюсь, то тогда мы по-настоящему станем близки друг другу. Сегодня вечером он хотел, чтобы мы остались с ним только вдвоем. Для начала.

Хочу ли я, чтобы меня как следует испугали, спросил он.

Я ответила, что со мной иногда случаются страшные вещи, но к утру они проходят. Мне требуются действительно острые ощущения, сказала я. У меня их давно не было. Я только и делала, что давала эти ощущения другим.

Когда мы уходили, он завязал мне глаза и шепнул:

- Ты темноту чувствуешь?

Я ответила, что да.

Прекрасно. Туда я тебя и поведу. Как ты хотела. Сам я все время буду рядом, а ты иди до тех пор, пока не услышишь моей команды остановиться.

И мы пошли. Я чувствовала, как над моей головой смыкаются ветви деревьев, ветер затихает и, кружась на одном месте, наконец, успокаивается, не в состоянии подняться вверх... Я слышала дыхание Лео. Чувствовала его руку на моей спине. Сильную руку. Мне хотелось сказать ему, что творится у меня внутри. О том состоянии, когда делаешься вся безвольная и целиком отдаешься во власть желания... Но он не дал мне говорить. Я обязана молчать, а все разговоры будет вести только он, если ему не понадобится что-нибудь у меня выяснить. Чтобы знать о моих чувствах, ему вовсе не обязательно слышать о них из моих собственных уст.

Казалось, мы шли целую вечность. Наконец он остановился – и я тоже. Остановилась и, не зная, что мне делать, стала просто ждать. Он должен был подать мне какой-то знак. Я слышала, как он кружит вокруг меня, по мягкому шуршанию хвои, валявшейся на земле. И физически ощущала касание его глаз, как если бы он дотрагивался до меня руками. Глаза Лео ошупывали меня, скользя вверх-вниз, задерживаясь то на выпуклостях груди, то на других местах моего тела. Но вот кружение прекратилось, и он замер за моей спиной.

- Скажи, малышка, ты тайну хранить умеешь? – обратился он ко мне.

Я не знала, должна ли отвечать на этот вопрос.

- Говори. Можно, – приказал он.

- Да, умею.

Неожиданно моих ноздрей коснулся резкий мускусный запах леса. О, как хорошо он мне знаком! Я снова ощутила, как меня одолевает прежний страх, и стала крутить головой, пытаюсь сбросить с себя это наваждение, заставить свое тело расслабиться, чтобы... побороть надвигавшийся на меня ужас. Мне надо было вспомнить свои прежние ощущения.

- Тайна моя в том, что порой на этом самом месте я начинаю слышать голоса. Иногда я понимаю, что рядом кто-то находится.

- Чьи голоса ты слышишь?

- Не знаю, чьи они... Но случается, если я стою совсем тихо, то чувствую присутствие этих людей поблизости от себя. Я слышу, что они говорят обо мне, но как только делаю попытку разглядеть, кто это, они тут же исчезают.

- А сейчас? Ты их слышишь?

- Мне кажется, что да. Но очень отдаленно. По-моему, они идут вон оттуда. Тебя это что, пугает?

- Нет, отнюдь не пугает. Нисколько. - Я ведь и на самом деле была внутренне готова к тому, что сейчас сюда зайвится целая ватага парней с фермы и начнет вытворять нечто невероятное...

Неожиданно я почувствовала себя такой незащищенной. Сколько же людей, интересно, направляются в эту минуту к нам?

- Садись. Вот сюда. Я тебе помогу, - обратился ко мне Лео. Он помог мне сесть - и тут я обнаружила, что сижу не на пне, а на довольно удобном стуле. Подумать только, в самой гуще леса! Что это за место такое? Приходилось ли мне бывать тут днем? Мои мысли прервала музыка. То были странные звуки плещущей воды и еще чего-то, что мне трудно было определить... и барабана... низкие протяжные звуки.

Эти звуки отдавались у меня в груди. Настолько громко, что я оказалась не в состоянии услышать, был ли кто-нибудь рядом со мной или нет.

- Подожди здесь. Расслабься... Наслаждайся жизнью, - услышала я чей-то шепот.

Не знаю, смогу ли я даже описать тебе те пять часов, которые пролетели как мгновение. Все время звучала музыка: ее ритм заставлял меня раскачиваться и вызывал неутолимое желание, переполнявшее без остатка все мое существо. Мне хотелось, чтобы было еще больше обвивавших меня рук, губ, мягко касавшихся моей шеи; пальцев у меня на груди, бедрах, лице... голосов, шептавших мне на ухо, а затем куда-то удалявшихся.

Насколько я помню, всего было три женщины и, по крайней мере, четверо парней, включая Лео. В конце концов, меня привязали веревкой к стулу, так что мне было даже больно: каким-то образом я знала, что это тоже не случайно, а входит в правила игры, в которую мы все играли. Мы разыгрывали всевозможные фантазии - все, что только может прийти в голову поздно ночью за исключением разве что перевоплощений в домашних животных. И во всем этом я сама участвовала - как актер или как зритель. У меня было такое чувство, словно я нахожусь в объятиях сна, самого прекрасного, какой мне когда-нибудь доводилось видеть. Я ничего не должна была делать, кроме того чтобы оставаться незрячей и позволять любому из присутствующих приближаться ко мне и делать со мной все, что они захотят.

Я постоянно могла слышать их присутствие - тех, других, кто ждал своей очереди, чтобы мета заполучить. Это были голоса в лесу, и по звукам я могла представить себе образы всех стоявших в очереди - да что там, я не только слышала, но и видела их... все чувства обострились до предела. И так продолжалось всю ночь напролет, пока они продолжали возбуждать друг друга, доводя себя до внутренних конвульсий. Я чувствовала, как миллионы маленьких волн света, воды и электричества пробегают по их телам, наполняя странной радостью и непомерным удивлением... той жадой, которая дарит человеку высшую степень блаженства. Даже я, сидевшая отдельно от остальных, как будто выставленная напоказ (не столько в качестве диковинки, сколько в качестве приза), не могла не испытывать удовольствия от звуков, раздававшихся у моих ног.

Эти люди, самого разного возраста, проводили свои вечера в лесу, забывая, и кто они, и как их зовут. Для них существовали только их первобытные чувства, только их желания - держать, трогать, обладать и полностью принимать вне зависимости от того, как они выглядят или кем станут завтра утром, когда придут к себе на работу или в школу. Было темно, необычно и по временам пьяняще. Я продолжала раскачиваться, а голова с завязанными глазами становилась все тяжелее. Энергия переполняла меня настолько, что я почти чувствовала, как медленно раздвигается воздух, чтобы позволить мне двигаться. Каждый нерв в моем теле был напряжен до предела... откуда-то изнутри меня рвался наружу крик, более настойчивый, чем со мной бывало, потому что на этот раз я могла подавлять его в себе. Чувствительность моя доходила до того, что, клянусь, временами я могла бы определить отпечатки дотрагивающихся до меня пальцев. Я видела эти пальцы своими закрытыми глазами, когда они двигались по моей коже... их узор высвечивался у меня в мозгу.

Когда я снова смогла увидеть мер без повязки на глазах, передо мною был мой дом в предрассветной дымке...

золотистый от восходящего солнца туман все еще боролся с ночным мраком, не желавшим уходить.

Мне потребовалось две-три минуты, чтобы окончательно прийти в себя. Только после этого я увидела рядом с собой сидящего в грузовичке Лео. Он сообщил,

что должен уехать, так как скоро возвратится с ночной работы его жена. Теперь, если мы хотим встречаться, надо будет все тщательно планировать. Признаться, я совсем позабыла о том, что у него есть жена, Шелли. Довольно симпатичная. Работает официанткой вместе с Нормой в ночном баре.

- В общем, звони мне, когда сможешь,- предложила я.

Он согласился и добавил, что у него для меня кое-что есть из того, что мне наверняка пригодится.

С этими словами Лео протянул мне небольшой, но плотно набитый рюкзак, попросив не открывать его до тех пор, пока я не останусь одна. Поцеловав меня на прощание, он проследил, как я подошла к входным дверям, и только затем отъехал.

Поднимаясь по лестнице к себе, я вдруг представила, что мама проснулась и... теперь подошла с вопросом, как мне понравилась ночная оргия. Я описала ей все в подробностях, и она начала вспоминать собственные странные ощущения от ночных прогулок в лесу. Потом ей захотелось созвать всех своих друзей, чтобы поведать им о том, что ее дочь участвовала в лесной оргии... ну разве это не потрясающе? Я совершенно явственно слышала, как она задает этот вопрос. Видение, впрочем, исчезло сразу же, как только я оказалась перед дверью своей спальни, - она была широко распахнута. Я остановилась как вкопанная. Взглянув затем в сторону спальни родителей, я убедилась, что их дверь плотно закрыта. Когда я снова посмотрела на свою комнату, то пришла в ужас от того, что мне открылось. За дверью я совершенно четко увидела мужской

ботинок и тут же на пороге возник улыбающийся... БОБ. Одной рукой он схватил мое запястье, а указательный палец другой приложил к своим губам:

Шшшш-ш-ш-ш-ш-ш-ш.:

Рывком он втянул меня в комнату и плотно закрыл дверь.

"Стоп. Я сплю. Это все кайф виноват. Бессонная ночь. Тихо, а то разбудишь маму и папу и они узнают, что ты не ночевала дома. Начнут задавать вопросы, на которые ты не сможешь ответить. Думай, Лора".

Наверное, я схожу с ума. Бегаю по комнате и пытаюсь бороться с мыслями, словами и преследующей меня проклятой ухмылкой. Пошел прочь, БОБ!

Я ВОЛЕН ДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО ХОЧУ.

Не смей появляться в моем доме! Оставь меня или, клянусь, ты еще пожалеешь.

НИЧЕГО У ТЕБЯ НЕ ВЫЙДЕТ, ЛОРА ПАЛМЕР.

Посмотри, что со мною стало, и все из-за тебя, твоей порочности, твоих прихотей. Ты страшный человек.

"У МЕНЯ НЕТ СОВЕСТИ. НЕТ ЧУВСТВА ВИНЫ". ЭТО ТЫ САМА ГОВОРИЛА. ЭТОЙ НОЧЬЮ. Я ВИЖУ. ТЕБЯ ТРАХАЛИ В ЛЕСУ КОМУ НЕ ЛЕНЬ. ЭТО МНЕ СОВА РАССКАЗАЛА. СОВСЕМ, ЗНАЧИТ, КОКАИНИСТКОЙ СТАЛА? ТЫ ГРЯЗНАЯ ДЕВКА, ЛОРА ПАЛМЕР. САМА ДОЛЖНА СЕЙЧАС ПОНИМАТЬ, ЧТО БОЛЬШЕ ТЫ МЕНЯ УЖЕ НЕ ИНТЕРЕСУЕШЬ... И ПЛЕВАТЬ МНЕ НА ТО, ЧТО ТЫ ВЫТВОРЯЕШЬ СО СВОИМИ ДРУЗЬЯМИ ПО КОКЕ. МНЕ РАССКАЗЫВАЛИ, ЧТО НА ВАС СМОТРЕТЬ БЫЛО ЖАЛКО.

Так убирайся же из моих мыслей сию же секунду!

ЧЕРТА С ДВА.

Оставь меня в покое, развратный ублюдок. Как ты смеешь являться сюда! Не желаю тебя видеть! Проваливай!

Проваливай отсюда! Мне надоело все время тебе подчиняться... Ненавижу тебя! Пошел вон!

НЕ ОТ ТЕБЯ ЭТО ЗАВИСИТ. ЛОРА ПАЛМЕР. НЕ БУДЬ ТАК САМОНАДЕЯННА. ЭТО ЖЕ ПРОСТО НЕВЕРОЯТНО.

Пошел куда подальше!

КРИКОМ НИЧЕГО НЕ ДОВЬЕШЬСЯ, Я ВСЕ РАВНО ОСТАНУСЬ. НА МЕНЯ НЕ ДЕЙСТВУЕТ ТВОЕ СОПЛИВОЕ ДЕТСКОЕ ДЕРЬМОВОЕ ЛЕСБИАНСКОЕ БЛЯДСКОЕ НЫТЬЕ И ЖАЛОСТЬ К САМОЙ СЕБЕ. Я САМОЕ ЛУЧШЕЕ, ЧТО ЕСТЬ В ТВОЕЙ ЖИЗНИ.

Ничего подобного, это неправда!

НЕПРАВДА?

Хватит лгать мне. У меня в жизни есть кое-что получше, чем ты. И я это знаю.

ДА? НАЗОВИ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ ОДНО.

Мои родители.

СОМНЕВАЮСЬ. ОНИ ЖЕ НЕ ПОМЕШАЛИ МНЕ ПРИХОДИТЬ К ТЕБЕ, ВЕДЬ ТАК? НИ ОДИН ИЗ НИХ НЕ РАЗГОВАРИВАЕТ С ТОБОЙ, КАК ПРЕЖДЕ. ОНИ ДАВНО УЖЕ ТЕБЯ НЕ ЛЮБЯТ. ПРОСТО ТЕРПЯТ ТЕБЯ И ВСЕ. Я ЛУЧШЕ ИХ.

Донна.

"ЛУЧШАЯ ПОДРУГА"? С КОТОРОЙ ТЫ ТЕПЕРЬ НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЕШЬ? КОТОРУЮ ТЫ БРОСИЛА, ПРЕДПОЧТЯ НАРКОТИКИ? ТРАГИЧЕСКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ НА ЕЕ СЧЕТ.

Но у меня есть "я". Я. Это лучше, чем ты!

НЕТ. Я ВЛАДЕЮ ТОБОЙ. ТЫ МОЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ТЫ НЕ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ НИЧЕГО, ЕСЛИ Я НЕ ПОЗВОЛЮ. Я УПРАВЛЯЮ ТВОЕЙ ЖИЗНЬЮ. И НАПРАВЛЯЮ ЕЕ ТАК. КАК ХОЧУ.

Нет!

Я ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗДЕСЬ.

Но ты не существуешь! Я отказываюсь верить, что ты не сон! Ты только плод моего воображения... Я тебя выдумала... И больше так не будет! Ты уйдешь, как только я прекращу верить в твое существование!

МОЖЕШЬ ПОПРОБОВАТЬ ЕЩЕ РАЗОК. Я С ТОБОЙ УЖЕ МНОГО ЛЕТ. А ВЕРИШЬ ТЫ ИЛИ НЕТ, НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ. ТВОЕ МНЕНИЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ. ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ, ОГЛЯНИСЬ НА СВОЮ ЖИЗНЬ. ТРАХАЕШЬСЯ С КАЖДЫМ ВСТРЕЧНЫМ ВСЕ ВРЕМЯ ПОД НАРКОТИКАМИ. ТЕБЕ СКОРО ШЕСТНАДЦАТЬ. ТВОЯ ЖИЗНЬ ДЕРЬМО, И ЭТО В ТВОЕМ-ТО ВОЗРАСТЕ. ПОГЛЯДИ В ЗЕРКАЛО, САМА УВЕДИШЬСЯ. ТЫ НИЧТО.

Что... что ты хочешь?

Я ХОЧУ ТЕБЯ.

Зачем? Ради чего?

РАДИ РАЗВЛЕЧЕНИЯ. МНЕ НРАВИТСЯ СМОТРЕТЬ. КАК ТЫ СРАЖАЕШЬСЯ С ПРАВДОЙ.

Какая еще там дерьмовая правда?

ТВОЯ ЖИЗНЬ НЕ ИМЕЕТ НИКАКОЙ ЦЕНЫ НИ ДЛЯ КОГО, В ТОМ ЧИСЛЕ И ДЛЯ ТЕБЯ САМОЙ. ЭТО Я ДЕЛАЮ ТЕБЕ ОДОЛЖЕНИЕ. Я УЧУ ТЕБЯ. ТЫ ДОЛЖНА БЫТЬ МНЕ БЛАГОДАРНА. ДОЛЖНА ДЕЛАТЬ ДЛЯ МЕНЯ ВСЕ.

Ничего я тебе не должна.

Я САМОЕ ЛУЧШЕЕ, ЧТО ЕСТЬ В ТВОЕЙ ЖИЗНИ.

Прощай.

Я ОСТАЮСЬ ЗДЕСЬ.

Чтоб тебя кто трахнул.

СКОРО. САМА И СДЕЛАЕШЬ.

Замолчи.

УВИДИМСЯ. КОГДА СТЕМНЕЕТ... ЛОРА ПАЛМЕР.

Пошел ты ко всем матерям! Ко всем матерям! Ко всем матерям! Ко всем матерям!

И держись, мать твою, от моего дома подальше на этот раз. Ты существуешь только в моей голове. Никто больше тебя не видит и не слышит, значит, это я придумала тебя. В эту комнату ты теперь уже не войдешь. Никогда. Ты только плод моего воображения. Ты страх. Страх маленькой девочки перед мраком леса!

И чтоб больше не возвращался, понял?! Ты ничего не сможешь, если я не наделю тебя силой... На этот раз я этого не сделаю. Речь идет о моей жизни. Ока моя! И тебе нет места... Вот так-то!

Меня ждет работа. Мне надо выспаться. А ты умер. Я о тебе даже не помню.

Лора.

P. S. СЛЕДИ ЗА ОКНОМ. ЛОРА ПАЛМЕР.

15 декабря 1987

Дорогой Дневник!

Извини, что так долго не писала, но я была очень занята все это время! Столько накопилось всего, о чем ты не знаешь!

Во-первых, я решила договориться с Хорнами насчет Джонни. Когда я была у них последний раз, то не могла не обратить внимания на то, что мальчик какой-то совершенно потерянный, никто за ним не присматривает, не занимается с ним. Одним словом, грустная картина. Я предложила им быть воспитателем их сына: буду приходить трижды в неделю, оставаться на час-полтора - вместе с ним читать, разговаривать и тому подобное. За это я хотела бы небольшое еженедельное вознаграждение. Они с радостью согласились и положили мне 50 долларов в неделю, то есть 200 в месяц.

Эти деньги здорово меня выручают в смысле коки, но дело даже не в этом. Так приятно быть рядом с Джонни, который любит меня, несмотря на то, чем я занята, когда нахожусь вдали от нег. Он не стремится причинить мне боль, дразнить, издеваться или спать со мной, не говоря уже о том, чтобы привязывать меня веревками, истязать или делать миллионы других гадостей, до которых, мне кажется, так падки все остальные... Они только и знают, что постоянно меня трогают, постоянно что-то от меня требуют - и чем дальше, тем хотят все больше и больше.

А Джонни хочет только одного: чтобы я ему читала вслух. "Спящая красавица" - его любимая книга. Положит голову мне на колени - и слушает, устремив на меня свой доверчивый взгляд. То и дело мы прерываем чтение, чтобы лучше рассмотреть иллюстрации. Иногда мне приходится разъяснять ему смысл рисунков, как и некоторых мест в самой книжке, чтобы быть полностью уверенной, что Джонни их правильно понял. Часто у него такое выражение, что кажется, будто он совсем сбит с толку и боится, что никогда ничего не сможет уразуметь. Всякий раз я тут же останавливаюсь и начинаю свои объяснения с самого начала.

Днем мы нередко выходим с ним на газон перед домом: здесь он стреляет из лука по резиновым бизонам на противоположном конце двора, служащим ему отличной мишенью. Каждый раз при попадании его лицо расцветает такой дивной улыбкой! Это его кайф... Вообрази себе всю эту странную сцену: Джонни на лужайке, в своих индейских мокасинах, а трава такая ослепительно зеленая; лук туго натянут, стрела подрагивает, перед тем как вылететь. Несколько минут он стоит так, застыв на месте, с головой, откинутой назад, с блуждающей по лицу

улыбкой. Но вот он пускает стрелу, и она летит как-то удивительно медленно. Джонни безвольно опускает руки, потом приподнимается на цыпочки – и ждет... Мишень поражена. Он начинает прыгать как сумасшедший. Затем поворачивает ко мне свое возбужденное лицо с этой его улыбкой.

– Индейцы! – восклицает он.

Я поздравляю его с удачным выстрелом и прошу сделать еще несколько таких же. Он с радостью соглашается. Не раз во время наших занятий приходится мне пользоваться своими спасительными "полосками", уединяясь для этого в ванную... И как же часто испытываю я эту потребность.

Ужасно, когда я теряю с ним терпение. Правда, это случилось всего однажды, и чувствовала я тогда себя отвратительно, пока не убедилась, что Джонни либо забыл о происшествии, либо простил меня.

Не буду говорить подробно, потому что вела я себя в тот раз отвратительно. Короче, я повела себя по отношению к нему, точь-в-точь как ведет себя БОБ по отношению ко мне. Это было так жестоко. Большого отвращения к себе я никогда не испытывала. Конечно, я тут же постаралась ему все объяснить и попросить прощения. Мне хотелось, чтобы он понял, что я действительно сознаю свою вину и больше никогда так не сделаю.

Я пошла и наскребла все, что было у меня в сумочке, включая пару пузырьков, – достаточно, чтобы получить кайф. Теперь я могла думать. Трудно только тогда, когда порошка нет совсем. Вот почему мы видимся в последнее время с Бобби так часто и наши встречи столь невинны. Но ты ведь об этом ничего не знаешь? Но об этом чуть позже.

–

Сейчас мне надо отвинтить набалдашники на спинке кровати... и успеть нюхнуть пару "полосок", пока мама не пришла, чтобы сказать, какие домашние дела меня ждут, – посуда, мусор и прочее. Черт додери! Просто не верится, как меняется моя жизнь, стоит только мне выйти за порог этого дома.

Обещаю вернуться как можно быстрее.

Лора.

16 декабря 1987

Дорогой Дневник!

Извини, что прошел уже целый день, но мама решила провести со мной беседу на кухне, пока я мыла посуду, и она продолжалась ровно четыре часа. Тем временем вернулся с работы папа и подключился к беседе – и еще сорок пять минут долой. Еще хорошо, что сегодня он пошел рано спать.

Мне кажется, Бенжамин заставляет его слишком много работать над новым проектом, которым они там заняты. И если мама или я спрашиваем, как идут дела на работе, папа только закатывает глаза.

Порой я думаю, что мы с моей мамой могли бы стать отличными друзьями. Такие мысли приходят мне в голову, когда я смотрю ей в глаза. Интересно, испытывала ли в свое время мама те же чувства, какие испытываю я? Сдается, что некоторые из моих переживаний она вполне могла бы понять, но она происходит из семьи и принадлежит к поколению, у которых не было принято говорить о вещах, вызывающих чувство неловкости.

Может быть, именно такое чувство вызывает у нее БОБ. Может быть, и папа знает БОБа, но мама не позволяет нам говорить о нем, потому что это всех так... убивает... не знаю.

Но все равно, мне кажется, у нас был с ней хороший разговор, потому что, отправившись к себе наверх спать, она казалась очень счастливой. После ее ухода я еще некоторое время оставалась внизу, затем вышла во двор и внимательно изучила ту часть стены дома, по которой БОБ обычно взбирается, чтобы заглянуть ко мне в окна. Просто поразительно, как это он умудрился не разбиться или уж, по крайней мере, ни разу не сорваться.

Каждый раз, когда я ночью спускаюсь из окна, мне всегда помогают. Как бы сделать так, чтобы он сорвался? Бесполезно, он все равно заберется. К тому же по этой стене ко мне забирается и Бобби Бриггс, доставляя через окно очередную порцию коки... чтобы мы могли сразу же

взбодриться, пока родители или спят, или еще не возвратились домой.

К этому-то я и обещала тебе вернуться. Речь как раз вдет о Бобби Бриггсе. Мы видимся с ним теперь так, как обычно видятся приличные мальчишки с девочками в средней школе. Странно как-то. С Донной я встречаюсь чаще, теперь она все время с Майком. Она, похоже, счастлива, но эти двое напоминают мне парочку, рекламирующую по телеку жвачку. Что-то вроде "счастья и честолюбивых устремлений" или этой чепухи насчет "умственного и физического развития... тра-та-та".

На прошлой неделе мне понадобилось содержимое всей капсулы коки, когда после кино мы пошли с ними в ближайшую закусочную съесть по гамбургеру. Бобби и я к нему даже не прикоснулись: он наелся в кино всякой ерунды, а я была под кайфом и на еду мне даже глядеть не хотелось. Донна нажралась до неприличия, и я знала, что утром она об этом пожалеет – по лицу пойдут прыщи, и платье не налезет. Ручаюсь, она прибавит фунтов пять. Майк просто свинья. Он кидал жареный картофель и гамбургеры в рот, как будто их не надо было жевать. Клянусь!

Еще мне не нравится, как он смотрит на Донну. Я беспокоюсь, потому что он, кажется, ужасное дерьмо... строит из себя какого-то супермена в этом своем блейзере, который он никогда не снимает. А мне плевать на него. Донна умная, и сама разберется. Невероятно, что доктор Хэйворд ничего ей не говорил.

Почему же мы с Бобби перешли на такие отношения? Почему мы только ходим по кино, закусочным, сидим на балконе и любуемся открывающимся видом, или же я занимаюсь уроками у него дома? Почему мы только обнимаемся и целуемся или ездим в машине его отца на Жемчужные озера? Все дело в том, что, в конце концов, он согласился стать дилером у Лео и продавать кокаин. Для меня. Я сама его об этом просила и долго этого ждала, но он хотел от меня обещания, что я снова буду его девочкой. И я так себя и веду. Тогда, когда мне этого хочется, или тогда, когда я сижу без коки. Мне нравится Бобби на самом деле, но он никогда не был в состоянии понять, что со мною иногда делается.

Вся причина, по которой меня так тянет на эти оргии у Лео, причина, по которой я позволяю ему привязывать меня и даже иногда бить, заключается, кроме странного наслаждения, испытываемого мною, в том, что я чувствую:

вот тот мир тьмы, которому я принадлежу. Я принадлежу этим гнусным мужикам, в глубине души такими же плаксами, какими они были в детстве. Я подтруниваю над ними – и вот уже они называют меня мамочкой, прячут голову мне в колени, выплакивая мне свою боль... После этого я диктую им, что они должны теперь делать. Им нравится такая игра. И я часть всего этого. Должно быть это именно так, иначе я ни за что не смогла бы так им нравиться.

Я сама говорю им, что они со мной должны делать. Приказываю им. И тогда они исполняют мои приказы, и я испытываю удовольствие, видя, как они вовсю стараются. Тут я начинаю словами передавать то, что я чувствую. Я говорю им, какие они замечательные, "настоящие, настоящие парни. Такие замечательные парни". Их "мамочка" просто счастлива. Они это прямо обожают. Потому что каждый из них – ребенок и мужчина в одном лице.

Они все, а это друзья Лео и Жака (о нем я еще должна тебе рассказать!), очень милы со мной. Если бы мне когда-нибудь понадобилась помощь, то они бы, я верю, обязательно откликнулись. Впрочем, не знаю. Я уже раньше ошибалась.

Итак, Бобби продает коку в городе, а Лео занят этой торговлей через границу с Канадой. Мне всегда перепадает от него, по крайней мере, одна порция героина бесплатно, а каждый раз, когда мы с Лео видимся, он наполняет мне капсулу или пузырек, если он у меня под рукой, "снежком".

Бобби зарабатывает приличные деньги, и все счастливы. Это ведь и есть подлинный смысл жизни, так ведь? Единственное, что меня бесит, это вот что. Пару дней назад, когда мы с Бобби пошли взять деньги из моего

абонентского ящика (не могу же я прятать тысячи долларов в ножке кровати!), он вдруг сказал, что Майк собирается вскоре начать помогать ему продавать коку.

Я устроила Бобби истерику и сказала, что если он возьмет его, я никогда больше не буду с ним разговаривать. Майк скажет Донне Донна – своему отцу. Я это знаю. И не смогу пережить. Доктор Хэйворд разочаруется во мне... это меня наверняка убьет.

Бобби сказал, что это еще не окончательно. Но я потребовала от него обещание не брать Майка, и он мне его дал.

После этого мы отправились к дереву возле дома Лео, где спрятан старый футбольный мяч. Он ненадутый, и в него удобно класть деньги и наркотики. Лео

открыто смеется над Бобби за то, какие странные места для своих тайников он выбирает. "Футбольный кумир" – вот как он его зовет. Но Бобби и на самом деле футбольный кумир. По крайней мере, все в школе убеждены в этом.

Жак говорит, что тоже играл в свое время в футбол, пока не обнаружил, что совсем не обязательно целый день гонять по полю и врезаться головой в толпу здоровых лбов для того, чтобы делать хорошие деньги. Жак живет в самом лесу в небольшом деревянном домике вместе со своей говорящей птицей Уолдо. Кстати, Уолдо научился четко выговаривать мое имя. Жак – его фамилия Рено – вроде бы работает в казино, по ту сторону границы с Канадой. Он такой большой, толстый, но иногда здорово меня заводит. Вообще-то он как раз относится к тому типу, о котором я писала: наполовину младенец и наполовину мужчина. Правда, о женском теле ему известно даже больше, чем Лео.

Как-то ночью я был у Жака в его лесном домике. Мы тогда оба с ним приняли хорошую дозу и стали играть друг с другом в разные поразительные сексуальные игры. Помню, дошло до того, что стоило ему только произнести:

"Покажи-ка мне, девочка... покажи", как тут же голова у меня шла кругом!

Уолдо повторял почти все, что мы говорили друг другу всю ночь и рано утром. Возвращаясь от Жака домой, я всю дорогу явственно слышала, как Уолдо без устали повторяет:

– Покажи-ка мне... Покажи-ка... Маленькая девочка-Маленькая девочка...

В то утро я, наконец, поняла: все оргии в лесу с участием Лео происходили перед домиком Жака. Я узнала стул, на который меня сажали!.. На минутку я опустила на него – сомнений не была. Это он.

Скоро я продолжу свои записи. На сегодняшнюю ночь у меня есть кой-какие планы.

Л.

Декабрь 21. 1987

Дорогой Дневник!

Вот уже и Рождество подошло. Начинаю подыскивать себе новую работу – что-нибудь поприличнее, чтобы два раза в месяц можно было получать на руки... настоящие деньги. Мама все больше беспокоится, как мало я в последнее время ем. А мне так это очень нравится. Клянусь, раньше собственное тело было мне противно. Зато сейчас у меня нет этого противного жира, а груди и пышные бедра остались теми же самыми. Неудивительно, что те парни, с которыми я встречаюсь, не устают наперебой превозносить мое тело!

Работа мне нужна только для того, чтобы у меня водилось больше денег, и еще для того, чтобы можно было успокоить маму – сказать, что я обедаю на работе. Не то придется заставлять себя обедать дома, а я больше не в состоянии этого делать.

Лео и Жак дали мне посмотреть несколько номеров журнала "Мир плоти". Это было позавчера вечером. Я тут же их перелистала и начала копировать некоторые позы, которые там показаны. Потом я танцевала, делала еще кое-что из того, что нравилось мне самой... а они смотрели во все глаза, пока все втроем мы не начали заниматься любовью.

Знаю, все это звучит грязно, когда описываешь, но ведь я делаю лишь то, к чему так неожиданно приистрастилась в последнее время... Сама создаю собственное шоу, чтобы другим было интересно на него смотреть, пока перед моими глазами разворачивается совсем другое действо. Грезя наяву, я вижу зал, полный народу – по крайней мере, человек сто (чем больше людей, тем все происходящее кажется приличнее, потому что в нем нет ничего запретного и дурного). Весь зал не отрывает от меня глаз, и мужчины, и женщины. Они следят за тем, как я двигаюсь, прислушиваясь к малейшим звукам, вылетающим из моего горла, как только внутри у меня делается тепло... В своем воображении я вижу мужчину или женщину, иногда обоих вместе... они сидят обязательно в первом ряду – и такие тихие-тихие, тише их нет никого во всем зале. Ну, предположим (для удобства), что сидит мужчина.

Вот я спускаюсь к зрителям, и на мне надето что-то черное и прозрачное. Я беру этого человека в первом ряду за руку и веду его за собой на сцену. Он

явно не хочет этого делать, но я тихо шепчу ему на ухо, что ничего плохого или неприличного с ним не произойдет, за это я ручаюсь.

Затем я, также шепотом, рассказываю всем зрителям, какой это замечательный человек и как он мне нравится – и почему. Я описываю его достоинства до тех пор, пока он на самом деле, как это его ни забавляет, начинает верить в свою неотразимость. Вся аудитория теперь обожает его точно так же, как я. Мой сон наяву может и видоизменяться, но финал у него один: под конец я и мой избранник предаемся любви на глазах публики, сидящей в зале. Иногда я получаю кайф при мысли, что БОБ может увидеть меня в этом моем сне – увидеть и понять, наконец, необходимость выпустить свою жертву на свободу.

Итак, я просматриваю журналы и убеждаюсь, что там печатают и некоторые из тех идей, которые присылают читатели. Сразу же говорю об этом Лео и Жаку, и мы все вместе разыгрываем некоторые из моих собственных фантазий, иногда приходящих мне в голову. Почему бы тебе не послать одну из них в журнал, спрашивают они. И даже не одну, а несколько – увидишь, что-нибудь да обязательно поместят. Тогда они обещают разыграть мою идею так, как я ее опишу в журнале, то есть так, как мне хочется.

Их предложение мне нравится. Надо будет попробовать. И устроить специальное вечернее шоу, продумать все заранее. Шоу в честь Лоры Палмер.

Может, я опишу одну из своих фантазий, чтобы и ты смог сам прочесть и узнать, что именно мы планировали разыграть, если моя идея появится на страницах журнала. Я еще, правда, подумаю, стоит ли мне делать эту запись или нет.

Некоторые фото в журналах такие... грязные. Я бы даже сказала, что чересчур, но вместе с тем я прекрасно понимаю, почему некоторых людей они возбуждают. В основном там изображены мужчины и женщины в разных местах – одни или с каким-нибудь диковинным фантастическим существом. На этих фотографиях время как будто, остановилось. Там нет ни завтра, ни вчера. Нет ни часов, ни минут. Никто там не обязан считаться ни с родителями, ни с правилами поведения. Там никогда не наступает утро или что-нибудь еще, о чем надо было бы беспокоиться. И это мне нравится, но на некоторых фотографиях изображены женщины, которых хватают и насильно тащат куда-то эти страшные существа. И это уже нравится мне гораздо меньше, потому что, по той или иной причине... не знаю, по какой именно, эти сцены напоминают мне ночные посещения БОБА. Как правило, женщины на этих картинках слишком юные, невинные или что-то вроде этого.

Я не против того, чтобы меня кто-то хватал и тащил, но я люблю, чтобы при этом меня немножко поддразнивали и чтобы можно было слегка помечтать и пофантазировать. Мне не нравится, когда меня запугивают, лгут мне или орут на меня, а, похоже, на некоторых из этих картинок как раз так и происходит. Мрак, окружающий секс, вполне допустим, но за ним должна скрываться какая-то тайна. Это не должен быть мрак ада, ночных кошмаров или смерти.

Такое мне не по душе. Я люблю более светлое. Люблю, чтобы было не совсем, а только почти плохо. Не играть с плохим, а лишь заигрывать. Чтобы око не заполняло тебя.

Завтра надо идти покупать рождественские подарки. Господи, понятия не имею, что кому купить. Наверное, для меня самой, это плохо – желать на Рождество коку... целую гору белого пушистого "снежка", засыпающего меня с ног до головы.

Остальное потом.

Лора.

23 декабря 1987
Дорогой Дневник!

Помнишь ли ты тот вечер, когда Лео, Бобби и я ездили в Лоу Таун за кокой? Помнишь? Я украла кило коки, и тут началось светопреставление, и нам пришлось срочно смываться, потому что все кругом начали палить из своих пушек? Мне только что снился про это сон.

Я ведь никогда толком не думала, что Бобби скорее всего убил того парня, в которого стрелял. Он же, правда, стрелял в него, и я это видела – и мне было все равно! Я думаю, что говорила себе тогда: это все какой-то сон. Но я же знаю, что сама себя обманываю, от начала и до конца.

Тогда я позвонила Бобби догмой и поговорила с ним об этом деле пару минут. Вначале он держался нормально. Мы старались говорить шепотом, все время перебивая друг друга, чтобы нас никто не подслушал... И тут он начал плакать. Так мне показалось, хотя полностью я не была уверена. Наверное, он так же лгал сам себе, как и я. Ни он, ни я, по-видимому, не отдавали себе отчета в том, что мы натворили.

Я разговаривала по телефону из своей комнаты, и все то время, пока Бобби на другом конце провода молчал, не сводила глаз со спинки кровати, где под набалдашником хранились мои запасы. Да, я завязла в коке по горло, но остановиться уже не могу. Кроме занятий с Джонни Хорном и поисков все новых сексуальных развлечений, кока – это единственное, что меня всё это время поддерживало. Хотелось бы мне знать, не означает ли тот сон, что мне суждено попасть в ад? Я и Бобби Бриггс в аду рядом друг с дружкой сидим и нюхаем коку вместе с дьяволом. Знаю, что это не смешно. Конечно же, не смешно.

В том сне я видела, как парень, в которого стрелял Бобби, вдруг поднялся, хотя пуля вошла ему прямо в грудь, и говорит: "Смерть дала мне ровно одну минуту, чтобы предсказать вам ваше будущее".

Потом он произнес: "Ты, с пушкой... берегись. Те, кто умирает, как я, заминают лицо своего убийцы, и смерти оно тоже становится известна. Тогда смерть начинает охотиться за ним. Забирает твоих друзей или кого-нибудь из родителей. Забирает то, что ты позволил ей взять. Ведь убийство – это все равно, что поздороваться за руку со смертью и сказать ей: "Что мое – то твое".

Во сне Бобби поглядел на меня, а потом снова на парня, которого он застрелил. Парень перехватил его взгляд и сказал: "Присматривай получше за своей подружкой. Кое-кто здесь уже держит для нее место".

И я проснулась.

Я рассказала Бобби о своем сне, а он ответил, что ему надо идти. Не сказал куда, а просто, что пора кончать этот разговор, потому что ему некогда.

На Рождество я купила Бобби в подарок пару башмаков. Я знаю, такие ему должны понравиться. Довольно дорогие, но я скопила порядочную сумму – ты не поверишь, но это только за счет занятий с Джонни. Подспудно я все время чувствовала, что тратить эти деньги на коку – грех. Впрочем, все последнее время мне и не надо было этого делать, потому что Жак и Лео постоянно снабжали меня им, и я не вылезала из кайфа и секса. Мне даже не приходится теперь им больше звонить. Это обычно делает Жак. А если к телефону подходят мама или папа, он говорит им, что это по поводу работы, которой я интересовалась. Всякий раз, когда мама передает мне, что мне звонит... "какой-то джентльмен относительно твоего заявления", я уже знаю, что мне предстоит бурная ночь.

Настоящая работа мне действительно нужна. Такое место, куда нужно ходить при параде и чтобы всегда можно было быть немного под кайфом, красивой и получать приличные деньги.

Дневник, надеюсь, тот мой сон был просто кошмарным воспоминанием, и если парень из Лоу Тауна мертв, то он же не обязательно в аду, а где-нибудь в более приятном месте. По крайней мере, не мучается от боли. Потому что, боюсь, если это не так, то смерть на самом деле придержит для меня местечко. Возможно, она сделает это с помощью БОБа. Не хочется об этом думать.

Сейчас приму душ и пару раз нюхну. Надо еще закончить мой подарок к Рождеству для Донны. Я тебе про него рассказывала? Нет, наверно. Просмотрела записи и вижу, что нет. Так вот, мне хотелось сделать что-нибудь хорошее для нее, как водится между настоящими друзьями. Подарить такое, чтобы она перестала думать, что в моей жизни одни лишь неприятности. Вот чем я сейчас занята.

Я позвонила доктору Хэйворду, поговорила о том о сем и попросила его незаметно взять джинсовую куртку Донны, когда ее не будет дома. Как только ее куртка очутилась у меня, я тут же пошла в магазин художественных изделий и накупила там все, что подходило по расцветке и узору – бусы, цветные заплатки и люрекс. Словом, то, что ей так нравится. Все последние вечера я только тем и занята, что нашиваю свои покупки на ее куртку, стараясь, чтобы украшения

выглядели как можно аккуратнее. Донна сама хотела сделать это и мечтала целую вечность. Надеюсь, мой подарок придется ей по душе. Мне так хочется, чтобы она перестала беспокоиться на мой счет. Чем больше беспокоишься, тем больше беды можно накликать.

Увидимся позже, Дневник.
С любовью, Лора.

23 декабря 1987
Дорогой Дневник!

Сейчас уже 4: 20 утра. Я только что закончила вышивать куртку Донны. Заснуть теперь уже все равно не смогу. Сажу и думаю о походе к Лео или Жаку, чтобы разжиться марихуаной. Может, еще Жак даст мне тот транквилизатор, как в прошлый раз, пару недель назад. Классная штука. Пожалуй, надо бы позвонить перед выходом. А то что-то не хочется зазря таскаться по лесу.

Вернусь через минуту, Л.

Вот я и вернулась. Хорошо, что позвонила, а не пошла просто так. Дорога все-таки не ближняя. Да, рассказывала я тебе про то, как однажды заблудилась? До чего же я тогда перепугалась – одна, в темном лесу! Я села и принялась плакать, пока небо не посветлело и можно было хоть немного ориентироваться, чтобы отыскать путь до дому. Меня, правда, предложили подвезти, но я отказалась. Дело в том, что папа мог припоздниться на работе и вернуться как раз в то время, когда я подъехала бы к дому с Лео или Жаком. Он ведь любит свою маленькую дочку такой, какой она когда-то была... и, может быть, еще когда-нибудь будет... Нет уж.

В общем, на этот раз я поговорила сначала с Лео, и он сказал, что скучает. Шелли вернулась с похорон тети:

с наследством, которое, по его мнению, она должна была бы получить, ничего не вышло. Впрочем, через неделю-другую ей снова придется туда поехать, потому что тетя оставила ей кучу всякого барахла.

Лео спросил, послала ли я уже в журнал одну из своих фантазий. Я сказала, что обдумываю эту идею, но мне нужно сперва немного прийти в себя. Он рассмеялся и ответил, что у Жака есть кое-что мне сказать.

Жак взял трубку, и я извинилась, что звоню в такую поздноту. Он заверил меня, что он бы рассердился, если бы я не позвонила, и назвал меня своей "маленькой глупышкой". Я улыбнулась, но промолчала.

Он, по его словам, знает от Лео, зачем я звоню, но все уже предусмотрел. В том лифчике, в котором я была у них прошлым вечером, в белом кружевном, он спрятал один из своих рождественских подарков для меня.

Я попросила подождать у телефона, пока его ищу, но он сказал, что Лео срочно нужно звонить.

Шелли ждет его звонка с заправочной станции откуда-нибудь с дороги за пределами штата. Мне кажется, сейчас ему не очень хочется быть с нею. Я положила трубку и стала искать лифчик у себя в ящике шкафа.

Этот белый с кружевами – один из самых любимых у Жака. Он имеет проволочную поддержку, и моя грудь особенно хорошо от этого смотрится. Наконец я отыскала лифчик... слава Богу, у меня руки не дошли его постирать!

Внутри чашечки я нащупала вкладыш – размером с пачку сигарет, но тоньше. Мне повезло, что мама ничего не обнаружила. Когда я открыла пакетик, то увидела, что содержимое его завернуто в страницу, вырванную из журнала "Мир плоти". На картинке был изображен парень, сложением похожий на Жака. Он стоял на коленях перед изумительно красивой блондинкой. Ни разу еще в этом журнале такие красивые мне не встречались. На фото она была почти голой, и на плече у нее сидел попугай. Парень целовал ей пальцы ног и, похоже, совсем потерял голову. Рукой Жака внизу было приписано: "С мыслью о тебе, девушка моей мечты".

Внутри лежали четыре таблетки транквилизатора, две сигареты с травкой, четверть грамма коки и серебряная палочка. Совершенно новая и блестящая. Я

так возбудилась, что почти позабыла о времени. Тут я услышала, как мама встревожено спрашивает, все ли у меня в порядке.

Я тут же выключила все лампы, кроме одной, засунула вкладыш обратно в лифчик и быстро спрятала его под матрац. Расстелив куртку Донны у себя на коленях, я сделала вид, что уснула за работой. Через секунду пришла мама, нежно разбудила меня, думая, что я сплю, и велела мне быстрее ложиться в кровать. Как же блестяще я играла роль невинной спящей девочки!

Я поцеловала маму, пробормотала что-то сонным голосом и, после того как она удалилась, подождала еще минут сорок, прежде чем встать с постели. Разложив все "гостинцы" на одеяле, я некоторое время играла с ними в темноте и только потом, заложив щель под дверь полотенцем, решила снова зажечь свет. Правда, зажгла я один лишь ночник: так было больше интима, потому что верхний свет чересчур ярк.

Наркотики привели меня в состояние задумчивое и одновременно радостное: грезы мои были и сладостно-порочны, и столь же сладостно невинны... Подробнее я расскажу тебе о них попозже... сейчас я такая сонная... Еще бы, две таблетки транквилизатора, "полоска" коки, а в довершение всего - половинка сигареты с травкой. От всего этого получился, конечно, перебор, но будь я проклята, если не нахожусь наверху блаженства!

Наверно, стоит перелистать номера "Мира плоти", пока на дворе окончательно не посветлеет. Потом я расскажу тебе или про свою идею, которую я намереваюсь отослать в журнал, или про какую-нибудь новую фантазию, которая придет мне в голову, в то время как я перелистываю страницы журналов.

Спокойной ночи, спокойной,

Л.

Канун Рождества, 1987

Дорогой Дневник!

Я ушла на застекленную террасу, чтобы не слышать звуков рождественских гимнов, которые целое утро играет на пианино мама. Мне нравится Рождество, но голова у меня и так гудит, так что выносить еще и музыку у меня нет сил. Папа поймал меня в тот момент, когда я выходила, и пригласил на танец свою "любимую маленькую дочурку". По-моему, мы с ним уже целую вечность не танцевали.

На меня разом нахлынули воспоминания обо всех тех вечеринках в "Грэйт Нозерн", на которых мы с папой кружились в бесконечных вальсах: в голове полный ералаш от полотнищ с праздничными приветствиями, хрустальных бокалов и буфетных стоек. Папа вальсировал со мной как опытный танцор, так что в животе у меня все сладко замирало - и мы смеялись, смеялись, смеялись...

А сегодня утром мы протанцевали с ним в гостиной. Огоньки на рождественской елке уже были зажжены, так что мама могла печь с соответствующим праздничным настроением. Передо мной проносились красные, зеленые, синие и белые огоньки. Я старалась смотреть папе прямо в глаза, чтобы у меня не закружилась голова, и видела, как они лучатся. Вот в уголке глаза появилась слезинка и медленно поползла по щеке. Мало-помалу мы замедлили кружение, папа крепко обнял меня и прижал к себе, словно боясь чего-то.

Из кухни вышла мама и, увидев нас, сказала:

- Знаете, для меня это лучший подарок к Рождеству, какой вы могли мне сделать.

Как много странного происходит в жизни. Я имею в виду свою собственную. Всего за несколько часов до того, как мы танцевали с папой, я была у себя в комнате - и совсем, совсем в другом мире. От души надеюсь, что мне никогда не придется выбирать между двумя этими мирами. Каждый из них делает меня счастливой, но по-своему.

Я пришла сюда для того, чтобы описать свою фантазию, но здесь, на террасе, слишком прохладно, да и вид, который отсюда открывается, слишком красив, чтобы думать о своих грезах. По крайней мере, в данный момент.

Схожу-ка я лучше в бар к Норме и выпью чашечку горячего кофе. Может быть, там найдется свободное местечко, чтобы немного посидеть одной.

Скоро вернусь.

Л.

Канун Рождества, 1987
(Я уже вернулась)

Дорогой Дневник!

Как только я вошла в бар, Норма тут же налила мне чашечку кофе. Прекрасно. Я сказала ей, что хотела бы немного поработать – сделать письменные задания, которые нам дали в школе. Поэтому мне лучше было бы посидеть в кабинке в дальнем углу зала, а не у стойки.

Взяв свой кофе, я собиралась уже идти, как вдруг заметила пожилую женщину. Она сидела одна недалеко от буфета и была поглощена чтением книги, название которой бросилось мне в глаза: "Покров невинности". Казалось, для нее ничего не существовало вокруг. На ее конце стойки я увидела тарелку с остатками вишневого пирога и несколько чашечек из-под кофе, которым она явно злоупотребляла.

Я посмотрела на улыбающуюся Норму и выразительно покачала головой: ну и старушенция! Такое милое, приятное лицо, а таскается по закуточным, чтобы выпить кофе, съесть пирог и прочесть душещипательную книжку. Я прошла мимо нее в свою кабинку и удобно расположилась там. Но только я собралась начать описывать тебе свою фантазию, как обещала, когда в дверях кухни появилась Шелли Джонсон.

Жена Лео гораздо симпатичнее, чем мне казалось. Стараясь не выдать своего интереса, я посматривала в ее сторону, отмечая про себя каждое ее движение, улыбку, прислушиваясь к интонации ее голоса. Меня разрывали противоречивые чувства: то мне казалось, что я ни в чем ей не уступаю, то, наоборот, что она не оставляет мне, как говорится, никаких шансов. Но вот я услышала, как она бросила что-то насчет Лео. Вроде того, что его никогда не бывает дома, а как только заявляется, тут же тащит меня в койку. Что ж, я победила. Я чувствовала себя как последняя сука из-за этих своих мыслей, но мы с ним делаем это регулярно и довольно давно... И лично я собираюсь продолжать это и дальше, если она не хочет.

Конечно, Шелли имела в виду нечто совсем другое, но у меня не было к ней жалости. Ведь иначе я никогда больше не смогла бы видаться с Лео, а этого мне меньше всего хотелось.

Тем временем пожилая женщина встала с табурета перед стойкой и двинулась к выходу. Было видно, что каждый шаг дается ей с трудом, и мне захотелось встать и помочь ей... Однако меня опередила Шелли.

Норма принесла мне еще кофе и рассказала, что эта женщина бывает здесь довольно часто, хотя ей и трудно ходить. Конечно, специальная инвалидная трость помогает, но все равно, как я могла заметить, дело это для нее непростое.

В Твин Пикс, по словам Нормы, довольно много пожилых людей, у которых нет никого, кто мог бы о них позаботиться. Им в сущности некуда деться... если, правда, не считать Монтаны. Большинство не хотят ехать в этот соседний штат, предпочитая оставаться здесь. Им тут спокойно. И большей частью они вполне счастливы.

Я начала обдумывать услышанное. Ведь это целая проблема. Я бы сделала для таких вот стариков куда больше, чем просто помочь одному из них дойти до двери! 0-го-го. Прежняя отзывчивая Лора, готовая услужить всем и каждому. Такой я не была с тех пор, как училась в начальной школе. Сейчас я так и горела желанием сделать хоть что-нибудь для тех людей, о которых рассказала Норма.

Заплатив по счету, я оставила Норме записку, где поделилась своим желанием обсудить с нею, как лучше помочь этим старикам, и просила ее звонить мне,

когда будет время. Надо попробовать, чтобы меня подвезли до Джонни. Там за окном я вижу машину Эда Хэрли. Надеюсь, он едет в том направлении.

Скоро поговорим.

Лора.

P. S.

Канун Рождества. Поздний вечер. Потом я расскажу поподробнее, но там, в баре, я слышала, как Норма говорила с кем-то по телефону грустным голосом.

Занимаясь с Джонни, я невольно подслушала, как Бенжамин разговаривал с шерифом. Потом он рассказал мне всю историю, потому что она его очень расстроила.

Норма вряд ли мне вскоре позвонит. Дело в том, что Хэнк, это ее муж, который никогда мне особенно не нравился, вчера ночью задавил на хайвее человека, возвращаясь, очевидно, от канадской границы по 21-у шоссе.

В общем, ему придется отбывать срок за наезд со смертельным исходом. Честно говоря, я даже рада, что он на какое-то время исчезнет. Норма всегда выглядит такой печальной, когда они вместе. Конечно, мне жаль Норму. Но не Хэнка.

3 января 1988
Дорогой Дневник!

Рождество получилось довольно интересным. Папа взял три дня отгулов и, сам того не подозревая, тем самым сделал для меня задачу получения кайфа чрезвычайно трудным делом. Чтобы получить возможность удалиться к себе в комнату и хоть немного побыть одной, я должна была притвориться, что у меня началось предменструальное недомогание.

Поднимаясь по лестнице, я даже остановилась, услышав, как папа произнес

- Ничего не понимаю. Это ведь Новый год... Я взял отпуск... Почему ей непременно хочется остаться в одиночестве?

Тут до меня донесся мамин голос, такой добрый и вместе с тем мудрый голос

- Пойми, она подросток. А родители для подростков - это все равно, как чума, Леланд... Нам еще повезло, что она провела вместе с нами столько времени. Она уходила всего на каких-нибудь три часа в канун Нового года и вернулась до полуночи, чтобы отметить это событие дома.

Мама прекрасно справлялась с ролью адвоката, так что я могла спокойно идти к себе, где меня ждало уединение и заслуженное право на свою "полоску". Она лечит любые раны.

Как мама и сказала, я отсутствовала три часа - и мы превосходно провели предновогодний вечер с Бобби. С половины девятого до половины двенадцатого. По примеру других парочек (всего их было около тридцати) мы пошли с ним на зеленое поле для гольфа, но играли там в другие игры: захватив одеяла и "горячительного", в основном алкоголь, хотя мы с Бобби предпочли сигаретку с марихуаной, все лежали на траве и любовались звездами.

Мы с Бобби находились чуть в стороне от других, но все же достаточно близко, чтобы слышать, спокойно покуривая травку, как они дают друг другу новогодние обещания и загадывают желания по звездам, горевшим в кебе над нашими головами.

Бобби повернулся ко мне и дал сигарету. Я набрала в рот дыма и, помнится, подумала: "Вот сейчас он скажет что-то серьезное... я прямо-таки чувствую это". Он вынул у меня изо рта сигарету, втянул в себя дым, подержал немного, поглядел вверх на звезды, выпустил... и снова повернулся ко мне лицом.

- Лора?

- Да, Бобби. - Внутри у меня постепенно разливалось приятное тепло: с травкой все-таки ничто не сравнится.

- Лора, мне жаль, что часто все у нас идет как-то не так... В наших отношениях то есть... Мне бы хотелось, чтоб мы с тобой оба... ну, не знаю.

- Продолжай, Бобби. Я вся внимание. Давай же!

- Конечно, я не могу говорить за тебя. Но я, например, чувствую, что мы иногда так близки... Даже когда мы и не спим вместе. Просто близки, и все...

Я повернулась на бок и подложила руку под голову. Мы с ним не разговаривали уже целую вечность. Сейчас мы оба были слегка под балдой.

- Давай-давай говори. Я с тобой согласна.

- Но бывают такие разы, когда все по-другому... черт его знает почему. Получается так, что я стараюсь изо всех сил... делаю все, что только способен сделать Бобби Бриггс... но на меня это как-то не действует. Ну, действует, но не так, как надо бы...

Мне очень хотелось понять его, и я решила попробовать.

- То есть ты хочешь сказать, - рискнула я предположить, - что в тебе как бы живут разные люди, да? Один ходит в школу, делает какие-то там дела по дому, работает часть дня и все такое прочее. А другой занимается совсем иными вещами: кого-то любит, о ком-то заботится. И вот он, этот другой, вроде как дремлет, да?

- Н-да... н-да... ты, в общем, уловила, что я хотел сказать. Но вот почему? В этом вся штука.

Он протянул мне окурок - оставалось всего на один раз затянуться.

Я решила, что лучше, если остаток сигареты будет зажат у него между пальцев. Мне нравился запах его кожи. Я набрала в рот побольше дыма и стала слушать.

- Понимаешь, - продолжал он, - мы с тобой вместе, потому... что мы как бы этого ожидали. Тебе ясно, про что я говорю?

Я кивнула головой. Мне действительно было ясно.

- Ну, вот я и не хочу, чтобы мы были вместе только из-за нашего уговора... из-за Лео и всего, что связано со "снежком", понимаешь? Иногда я думаю, что для нас с тобой это не имеет значения. Но бывает, мне кажется: предложи кто тебе выбрать между "снежком" и мной, ты... В общем, я бы тогда не выиграл, а проиграл.

Я поглядела на узор одеяла, на котором мы лежали, стараясь в темноте рассмотреть его. Но мне были видны только какие-то неясные тени вместо черных и красных квадратов шотландки. Я же знала, что они там есть! Дрожащими пальцами я даже попыталась их нащупать. Только после этого я перевела взгляд на Бобби.

Да, сказала я, иногда кока для меня предпочтительнее. Но это касается не только его, а вообще кого бы то ни было. И не потому, что я хочу обидеть его или кого-то другого. Просто порой мне кажется, что могу составить компанию только себе самой, - из-за того, что происходит в моей жизни. А другим я не интересна, да и никогда не стала бы интересной.

Он ответил, что понимает мое состояние, во всяком случае, ему так кажется. Но ему бы хотелось узнать: в коке ли тут заключается все дело или нет?

На что я спокойно возразила, что по-настоящему пристрастилась к коке, так как с ней мне не надо было думать о главной "проблеме". И травку я тоже полюбила по этой причине.

Я помню, что несколько раз повторила:

- Пойми, я ничего больше не могу тебе рассказать. Ничего, Бобби. Если ты захочешь бросить меня из-за этого, что ж, я понимаю. Твое право. Но все равно не могу - ни тебе, ни кому-нибудь еще.

Конечно, я знала, что кока - тоже проблема. Но разве могла она идти в сравнение с БОБОМ?

Он долгое время молчал. Потом поцеловал меня, Поцелуй тоже был долгим. Чуть отодвинувшись, Бобби:

заглянул в мои глаза и тихо произнес:

- Ты ведь не знаешь всех моих проблем. А я твоих. Обещаю, что постараюсь с пониманием относиться к тебе тогда, когда ты не расположена прыгать и плясать от радости. В общем, в такие моменты. - И добавил, что знает: мы с ним - одно целое. Во всяком случае, сейчас:

он чувствует именно это.

Остаток вечера был довольно странным. Не в каком-нибудь там плохом смысле, а просто совсем другим, чем наши обычные вечера вдвоем с Бобби. Часа два мы обнимались и целовались, а потом, клянусь тебе, что говорю чистую правду, он пришел ко мне.

Без всяких околичностей, без оглядки, без обид за прошлое, не думая ни о чем, кроме того, что происходит с нами в данный момент. Просто потрясающе. Мы оба с этим согласились.

Я поняла, что любила Бобби в этот миг. И сейчас, знаю, тоже люблю. Вот только могу ли я позволить себе эти чистые замечательные чувства и не стать жертвой мести со стороны БОБА?

Почему, почему я всегда должна переигрывать в уме все то, что мною сделано или прочувствовано? Почему я не могу просто любить его, и все? Сопротивляться ему, целовать и тому подобное – и не думать при этом, что наказанием за мою любовь будет смерть?

Почему у других девушек есть право на счастливую жизнь? И почему я не могу взять и рассказать ему всю правду?

ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ ЭТОЙ ПРАВДЫ!

А, ты вернулся.

УМНИЦА!

Чего тебе от меня надо?

ТАК, ПРОВЕРКА.

Хорошо, я на месте. Ты в этом убедился. А сейчас уходи!

Я ВИДЕЛ В ТВОЕМ ОКНЕ СВЕТ ЦЕЛЫХ ШЕСТЬ ВЕЧЕРОВ ПОДРЯД!

Не только ты один. Любой прохожий мог бы его увидеть.

ЛОРА ПАЛМЕР... НЕ МЕШАЛО БЫ ТЕБЕ БЫТЬ ПОЛЮБЕЗНЕЕ.

Этому ты меня никогда не учил!

ЭТО ЛЕГКО СФОРМУЛИРОВАТЬ: ПРОСТО НЕ СЛЕДУЕТ ГРУБИТЬ.

Я уже дошла до точки, БОБ. Мне все равно. Можешь делать все что хочешь.

НО Я НИЧЕГО НЕ ХОЧУ.

Как это прекрасно, должно быть. А теперь прочь от меня!

ДА, НО МНЕ КОЕ-ЧЕГО ВСЕ-ТАКИ ХОЧЕТСЯ.

Я тебя не слышу.

НО МЫ ОБА ЗНАЕМ, ЧТО ЭТО НЕПРАВДА.

Дневник! Я одна у себя в комнате. У меня был прекрасный день, и сейчас я сижу на кровати, положив тебя на одеяло, и пишу эти строки. Я знаю, что могу прекрасно все контролировать. Прекрасно знаю, что могу. ДА, МОЖЕШЬ ВИДЕТЬ БОБА, ПОТОМУ ЧТО ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЕТ. ЭТО РЕАЛЬНАЯ УГРОЗА. ТЕБЕ, ЛОРА ПАЛМЕР! И ВСЕМ ТЕМ, КТО РЯДОМ С ТОВОЙ! ТАК ЧТО БУДЬ СО МНОЙ ПОЛЮБЕЗНЕЕ. И РАДУЙСЯ, КОГДА ВИДИШЬ МЕНЯ.

Ни за что!

УЧТИ, ТЫ ДЕЛАЕШЬ СЕБЕ ТОЛЬКО ХУЖЕ.

Невозможно больше терпеть! Пошел от меня к такой-то матери!

ЗАЧЕМ ЖЕ? МНЕ И ЗДЕСЬ ХОРОШО. ПОБУДУ ЕЩЕ НЕМНОГО.

Как хочешь.

БУДЬ ВСЕ ЖЕ ПОЛЮБЕЗНЕЕ.

Полюбезнее? Хи-хи! Это ты, БОБ? Как чудесно с твоей стороны, что ты забрался ко мне в душу. Что ж, двери в ней всегда открыты, сам знаешь. Может, пойдем прогуляемся в лес, а, БОБ? Ты и я. Ну, пошли. Провырнемся. Можешь выбрать развлечение – сегодня это твое право. Что ж ты выбираешь, секс?..

НЕТ. ТЫ ДЛЯ НЕГО СЛИШКОМ ГРЯЗНА.

Ошибаешься.

ПРЕДЛОЖИ ЧТО-НИБУДЬ ЕЩЕ, ЛОРА ПАЛМЕР.

Ничего другого ты не стоишь.

НО У МЕНЯ К ТЕБЕ ЕСТЬ ПОСЛАНИЕ...

Послание? От кого это?

ОТ МЕРТВЕЦА.

Я сошла с ума! Ты не существуешь! Все очень просто. А мне надо отправиться к доктору, потому что я страдаю галлюцинациями. Это я тебя выдумала. Мне надо успокоиться. Успокойся, Лора.

ПОСЛАНИЕ: "ДЛЯ ТЕБЯ ПРИПАСЕНО МЕСТО... ЛОРА ПАЛМЕР".

Прекрати!

СКОРО ВЕРНУСЬ!

Ну, видишь! Ты плод моего воображения, и только. О том моем сне подробностей, кроме Дневника, не знал никто. Даже Бобби. БОБА не существует в реальной жизни!

Лора.

7 января 1988

НА ВЗГЛЯД ПОСТОРОННЕГО:

Ничего не меняется:
Я по-прежнему жертва.
На куски раздираема.
Хотя мне дозволяется
Забиваться в нору –
Окровавленной.

Я ж остаюсь.

Я кажусь идиоткой.
Ошибкой судьбы бестолковой.
Но еще, вы скажите,
Уважая
И жизнь,
И себя,
И врага своего,
Будет снова и снова
Позволять себя мучить?

Я ж остаюсь

Уваженья давно
Не осталось во мне
Ни к врагу,
Ни к норе,
Ни к деревьям вокруг,
Ни к себе в роли жертвы.
Я жду.
Замывается круг.
Пусть скорей от угроз
Переходит к делам,
Чтоб предать меня смерти.

20 января 1988
Дорогой Дневник!

У меня появились хорошие новости. Сегодня днем я занималась с Джонни. Настроение у него было такое чудесное, а день такой замечательный и ясный, что я решила: оставаться дома – просто преступление.

Мы тут же вышли с ним на газон перед домом – целое поле зеленой травы и цветов, за которыми ухаживают круглый год настоящие волшебники своего дела. Лучшее место для гулянья в субботний день трудно себе представить. Обычно я бываю у Джонни по понедельникам, средам и пятницам, но вчера его показывали какому-то специалисту, и Бенжамин попросил меня, в виде исключения, прийти к ним в субботу. Я согласилась.

Между нами говоря, Дневник, для меня лично это было гораздо лучше. Дело в том, что вчера – второй раз за все эти годы! – я прогуляла школу. Вместо занятий целый день провозилась у себя в спальне, наводя порядок. Мама и папа должны были возвратиться часам к шести вечера – оба они участвовали в какой-то там конференции.

За день я переставила всю мебель и приладила к двери новый замок, купленный накануне. Сделать это оказалось, впрочем, не так уж и трудно, поскольку замок, в сущности, был просто дверной цепочкой. Мне, правда, не хватило нескольких шурупов, но ничего, достану попозже – и тогда неприкосновенность моей личной жизни будет полностью обеспечена. Господи, если бы все всегда можно было решать так же просто! У мамы и папы я не спрашивала: нравится ли им эта затея с замком или нет. На всякий случай я выбрала простую цепочку, чтобы они думали, что я просто хочу запереть комнату, когда я там нахожусь. На самом деле это, конечно же, не так, но пока что пусть все будет как есть. До тех пор, пока я не придумаю достаточно убедительный довод, который бы их устроил и, главное, не вызвал бесконечных вопросов...

Перелистав несколько последних номеров "Мира плоти", я поняла, что настало время послать в журнал одну из своих "фантазий". Они как раз объявили конкурс, всего на один месяц, под девизом: "Лучшая фантазия месяца". Победителю обещана премия в размере двухсот долларов. Анонимность гарантируется, хотя почтовый адрес указывать все же необходимо. Мой абонентский ящик позволяет в течение полутора месяцев бесплатно использовать его в качестве обыкновенного почтового ящика. Прекрасно, сегодня же пойду и сделаю соответствующее распоряжение. Буду участвовать в конкурсе под чужим именем, так что никакого вреда от этого мне не предвидится.

Сегодня я как бы начинала жизнь заново. Прогулка с Джонни прошла просто восхитительно, и я бы даже сказала, что испытала нечто вроде морального обновления. Мы валялись с ним на траве, глядя друг на друга, и он, лежа на пузе, требовал, чтобы я рассказывала ему разные истории – одну за одной.

Стоило мне закончить очередной рассказ, как он тут же начинал аплодировать и настаивать, чтобы я продолжала:

– Следующий!

Джонни наотрез отказывался, чтобы я читала ему вслух. Ему нужны были только невыдуманные истории. Случаи из реальной жизни. Сперва единственной моей мыслью было: но это же невозможно! Разве могу я рассказывать ему про себя? Но затем я поняла, что у меня не только есть подходящие для рассказа случаи, но что я упускаю из виду, насколько умственно не развит мой

собеседник. В сущности говоря, я могла бы просто перечислять Джонни, какие товары имеются в бакалейной лавке, - он все равно поверил бы, что я рассказываю ему какую-то захватывающую историю из жизни, и стал бы так же горячо хлопать. Все, что ему было надо, так это чувствовать, что с ним ведут обсуждение на равных, делятся с ним как с взрослым. Словом, говорят с ним, а не о нем.

Беседуя, я наконец-то смогла перестать жалеть себя и припомнить некоторые из счастливейших моментов своей жизни. Впрочем, и печальнейших тоже. Каждая из историй помогала мне в не меньшей степени, чем Джонни. Ведь я убеждалась, как глубоко запали мне в душу моменты счастья, как не хватало мне их сегодня.

Можешь себе представить, что я сполна воспользовалась этой возможностью болтать, не переставая, перемежая правду с вымыслом, пользуясь случаем, когда твой собеседник тебя не перебивает. Подумай, никаких вопросов, комментариев или рассуждений по поводу того, кто я такая и куда попаду после смерти.

Такого слушателя, как Джонни, у нас не сыщешь.

Глядя на его невинное лицо, выдававшее все, что он переживал в данную минуту, я как бы освежалась сама, даже получала от нашей беседы подлинное удовольствие. Он так забавно кивал головой, словно понимает меня... улыбался, вторя моей улыбке, а когда звучало слово "конец", начинал бешено хлопать в ладоши, вкладывая в аплодисменты всю свою энергию.

Примерно в половине третьего на пороге появилась миссис Хорн. Это было просто удивительно: обычно, если она и мелькала в доме, то всякий раз нагруженная сумками и с авиабилетом, зажатым в зубах. Она позвала нас обедать. Тут я взглянула на часы и поразились: прошло уже без малого три с половиной часа!

Прежде чем я успела подняться с газона, Джонни схватил меня за руки и широко улыбнулся, как умел только он один на целом свете. Постояв немного с закрытыми глазами, он распахнул их и произнес первую в своей жизни законченную фразу!

- Я люблю тебя, Лора, - сказал Джонни.

Я могла бы до бесконечности описывать тебе, как это было восхитительно, какой огромный прыжок он совершил - не без моей помощи! Скажу только, что подобного признания в своей жизни я не получала ни от кого!

После обеда я пошла проверить свой почтовый ящик. Надо будет хорошенько продумать свою идею. Может быть, и не стоит описывать тебе мою фантазию? Ведь если ее не напечатают в журнале, то она как бы и не существовала. Или все-таки существовала?

Остальное попозже, Лора.

1 февраля 1988

Дорогой Дневник!

Я долго перебирала в уме все свои связи и пришла к выводу, что необходимо, по крайней мере, составить список инициалов всех тех, с кем я за эти годы имела дело. Итак,

В.

В.В

Л.Д.

Р.П.

Д.С.Л.

Т.Т.Р.

Д.М.Ж.

С.Д.М.

Д.Г.

Г.Н.

Ж.Р.

Д.Л.

М.П.

М.Ф.

Р.Д.

Т.Т.О

К.М.Я.
С.Р.
А.Н.
М.Н.
Ж.Х.
М.Д.
И.Н.
М.Ф.
С.С.
Б.Г.Д.
Л.Д.
И.Х.
(и еще несколько неизвестных, оставшихся невидимками тогда в лесу)
Т.П.С.
М.Т.
Г.А.
И.С.
М.В.А.
Ц.С.
Д.М.И.
А.В.Н.
М.С.Р.
Д.Д.
С.Ц.
Г.П.
В.Е.

9 февраля 1988
Дорогой Дневник!

Со мной случилось нечто весьма странное.

Вчера вечером я улизнула из дому, чтобы повидаться с Лео и Жаком в его лесной хижине. К тому же там должна была в это время находиться Роннетта, и я буквально сгорала от нетерпения с ней встретиться. Уже целую вечность мне не удавалось поговорить о своих делах с подругой. Донна не в счет – она все равно в этом ничего не поймет. А тут требовалось поговорить по душам – позарез требовалось!

Я отправилась к парням пешком, но потом решила, что это слишком долго (капитальный просчет с моей стороны!), и вышла на 21-е шоссе в надежде, что кто-нибудь подбросит меня на попутной машине всего пару миль, а оттуда до хижины рукой подать.

Я подождала на дороге минут пятнадцать, прежде чем увидела двигавшуюся в мою сторону калымагу наподобие той, в какой ездит Лео. Проголосовала, грузовик, естественно, притормозил, дверь кабины распахнулась. Внутри сидело четверо абсолютно пьяных молодых парней:

как я поняла, они успели накачаться в городе, откуда возвращались. Один из них протянул мне бутылку пива, которую я охотно приняла. И не из-за того, что мне очень уж этого хотелось, – просто я боялась, что могу ненароком кого-нибудь из них обидеть.

Я сказала, где мне надо сходить, и, когда мы приблизились к этому месту, dokonчила свою бутылку и начала нервно соскребать с нее этикетку. Мне стало ясно, что грузовик не собирается останавливаться.

– Почему вы не замедляете ход? – спросила я водителя. – Ведь скоро моя остановка?

– Не придуривайся, – ответил он. – Голосуешь на дороге в такое позднее время, да еще в этих обтягивающих задницу джинсах и в футболочке с твоими сиськами!

Клянусь тебе. Дневник, ничего "обтягивающего" специально я не подбирала. Моя единственная ошибка заключалась в том, что я не захотела идти лесной тропой и вышла на этот проклятый хайвей. Совсем одна! Признаю, что совершила глупость, но в тот момент... я ни о чем вообще не думала.

Обогнув по шоссе Твин Пикс, мы подъехали к какому-то захудалому придорожному мотелю. Мне даже показалось, что там вообще никого нет, а заведение закрыто по причине полной непригодности. Но оказалось, что у парней зарезервированы две комнаты, в первую из которых они меня и втащили – в прямом смысле слова. Я запомнила ее номер: 207, Решила, что если придется звать на помощь, то, по крайней мере, буду точно знать, куда. Признаюсь, уверенности в том, что я выберусь оттуда целой и невредимой, у меня не было.

Набившись в комнату, они стали буянить со страшной силой. Орали как оглашенные и ругались самыми скверными словами. Мне даже подумалось, что если бы я смогла в тот момент незаметно встать и броситься бежать, то наверняка никто из этих перепившихся подонков не догнал бы меня. Но как только я осторожно попыталась подняться, трое из них сразу же набросились на меня.

– Постой, малышка! Куда это ты собралась? – загоготали они.

А один, самый противный из всей компании, предложил:

– А может, нам с тобой лучше будет пройти в соседнюю комнату и немного подрыгать ножками?

Я понимала: не предприми я срочно каких-нибудь мер, чтобы изменить положение вещей в свою пользу, эти подонки сделаются неуправляемыми и скорей всего действительно изнасилуют меня. Кто знает, останусь ли я после всего этого жива? И тут мне стало страшно.

Заставив себя улыбнуться, я обратилась к ним со словами:

– Послушайте меня, пожалуйста... все. Один из парней взглянул на меня так, словно перед ним сумасшедшая, если она позволяет себе подобные "вольности". Впрочем, его, казалось, заинтересовало, что именно я собираюсь им предложить. Во всяком случае, он велел своим друзьям заткнуться и подойти к стулу, на котором я сидела.

Выдавив из себя еще одну фальшивую улыбку, я продолжала:

– Послушайте, ребята. Если вы и правда хотите сегодня вечером поиграть... надеюсь, вам ясно, что именно я имею в виду... так давайте сделаем все по-хорошему, идет?

В ответ на мои слова один из парней, весь покрытый татуировкой, подошел вплотную ко мне и шибанул ногой по стулу. Он повторил это раз пять или шесть! Я крепилась, как могла, чтобы не выдать своего унижения. Наклонившись ко мне – жирные волосы спадают на лоб, изо рта воняет, как из помойки, – он просипел:

– Ты, голосовальщица, держала бы лучше рот на замке. А то, знаешь, в тех местах, откуда я родом, такая сиканушка, как ты, не учит взрослых ребят, чего им делать хорошо, а чего плохо. Они и без нее все знают, поняла?

Я постаралась ответить как можно вежливее.

– Но я вовсе не имела в виду, что вы недостаточно опытны и способны сделать что-нибудь не так. По вашему виду ясно, что этого быть не может.

Господи, до чего же все они отвратительны! У меня прямо язык дрожал во рту от собственного вранья. И страха. Нет, это надо же было быть такой дурой!

Тут самый молодой из парней, единственный, кто, казалось, проявлял ко мне какое-то внимание, предложил все же выслушать меня.

Я опять села прямо и внимательно посмотрела на каждого. Пора действовать, сказала я сама себе. Или тебе удастся выкрутиться, или тебя изнасилуют и убьют. Ты не имеешь права позволить таким подонкам распоряжаться своей жизнью. Ты просто обязана с ними договориться, Лора.

– Хорошо. Я не возражаю ни против выпивки, ни против наркотиков или секса, но чтоб все было в меру. Я могу пойти на разные штучки-дрючки, кого приласкать как мать, а для кого сыграть роль маленькой девочки...

совсем ползунка. Могу выступить и с сольным номером – для каждого.

Ответом было рыгание и дружно кивающие головы. Восемь уставившихся на меня глаз стали еще шире.

– Уверена, вам всем мое представление придется по вкусу... Я постараюсь изобрести для вас даже что-нибудь новенькое, найти подход к каждому... А если кому придет в голову что-то свое, пусть подойдет и шепнет мне на ухо. Я готова играть в любые игры. Но только с одним условием. Меня должны отвезти обратно в город. И я должна выйти отсюда целой и невредимой, как и вошла сюда. И никакого насилия.

Один из парней, по-видимому, решивший, что его мужское самолюбие страдает, бросил:

- Слушай, ты, сука, если я захочу тебе вмазать, то долго раздумывать не стану.

Я собрала свои нервы в кулак и наклонилась к нему, стараясь выглядеть как можно уверенней:

- Если ты захочешь мне вмазать, как ты говоришь, это значит, что я плохо сделала свою... работу. - Я сглотнула комок в горле. - Можешь называть меня сукой или как тебе вздумается еще, но давай сначала попробуем, как у нас вместе получится... хорошо?

Мне понадобилось еще минут сорок, после того как они, наконец, согласились посмотреть мое шоу, чтобы их, наконец, уговорить. Я положила каждому из них в пиво по таблетке транквилизатора и велела всем сесть на кушетку - пить и смотреть мое представление.

Никогда в своей жизни я так не боялась. Забудь, Дневник, о моих ночных кошмарах, забудь все те случаи, когда на мокром шоссе меня чуть не сбивало машиной, мчащейся на полной скорости. Даже БОБА - и того забудь. Потому что по сравнению с нынешним страхом то было как один к четырем. И каждый из этих четырех казался таким огромным, что вполне мог съесть меня вместо закуски перед обедом.

Все парни уселись на кушетку, кроме одного, которому я велела стоять у двери, чтобы никто не подумал, что я хочу удрать. Затем я выдвинула стул на середину комнаты. Деревянный, с красивой высокой спинкой... почти идеальной формы, даже слишком. Пройдясь по комнате, я выключила весь свет.

Медленно раздеваясь, я старалась запомнить, куда что бросаю из одежды, чтобы, если парни отключатся, как я рассчитывала, можно было бы тут же одеться и бежать.

При этом я все время разговаривала вслух, убеждая себя в том, что наглоталась наркотиков и сейчас могу расслабиться. Как же я боялась, что кто-нибудь из них вскочит и заорет "Кончай показывать нам старье, детка!" Но, к счастью, никто этого не сделал.

Свое выступление, как обычно, я начала с номера "Маленькая девочка заблудилась в лесу"... это любимый номер Лео и Жака, потому что после него я очень быстро могу перейти к роли "Мамочки".

Я молила Бога, чтобы у парней не пропал интерес к моему шоу до тех пор, пока их веки не начнут слипаться. Подойдя к стражу у дверей - наверное, самому отвратительному из всех, - я взяла его руку, она оказалась на удивление податливой, положила себе на грудь и начала нежно приговаривать.

Добрых пятнадцать минут он поглаживал меня и что-то бормотал мне в ответ: я чувствовала, что он совсем размяк, прямо как Жак. Один из сидевших на кушетке не выдержал такой несправедливости и крикнул:

- Эй, а как насчет того, чтобы подойти сюда!

- Не беспокойтесь, мальчики. Я не выдохнусь. Это дело мне никогда не наскучит. И о каждом из вас я прекрасно помню.

Нельзя было допустить, чтобы у них испортилось настроение. Я развернула стул и села лицом к стражу, попросив его опуститься на колени. При этом я старалась говорить как можно ласковее, чтобы он не обиделся. Потом я стала танцевать, кружа по всей комнате... и присматриваясь к каждому из них... оценивая их состояние, замечая любое их движение... продолжая морочить им голову... Никто из них пока не вырубился.

В конце концов, я вернулась обратно к стулу в центре комнаты. Теперь начиналась самая главная часть моего представления... откровенно эротическая, вызывающая обычно похотливое улюлюканье. Я принимала самые разные позы, то сидела на стуле, то вертелась вокруг него. Все сидевшие на кушетке вытянули шеи в мою сторону и таращили на меня глаза. Я же продолжала в прежнем духе, придумывая все новые положения тела... словом, продлевала свое шоу.

Я делала все что можно, чтобы вызвать у них не только физическое, но и эмоциональное возбуждение. Парни выглядели уставшими, однако у них хватало еще сил хлопать и свистеть. Короче говоря, представление продолжалось до тех пор, пока трое окончательно не отключились. Я осталась всего с одним. Здоровый детина с трехдневной щетиной, глубоко запавшие глаза.

- Ты меня прямо загипнотизировала, - наклонился он ко мне и предложил пройти с ним в соседнюю комнату. По его словам, у него был ключ.

- А может, можно в грузовике? Ты как? - спросила я.

- А что я? Спина-то твоя, малютка, - ухмыльнулся он.

Я похватила все что могла из своей одежды, кроме носков и лифчика, которых не нашла, и выскочила в ночную темень, лихорадочно соображая, как бы мне отсюда смотаться... и как можно быстрее добраться до дома. Во что бы то ни стало.

Сразу же забравшись в кабину, я тихонько позвала его. Он тут же скользнул по дерматиновой обивке сиденья и ткнулся лицом мне в грудь. Ну, Лора, подумала я, действуй! Нашарь рукой бутылку... Вот она! Не двигайся слишком быстро, отвледи его и... бей!

Я треснула его по голове бутылкой и увидела кровь. Он весь был в крови. Выпрыгнув из грузовика, я побежала что есть силы... наполовину раздетая... ну и пусть! Мне надо было убежать, пока те не сообразили, что я наделала.

Я бежала к хижине Жака, надеясь застать его и Лео вместе с Роннеттой.

Добравшись туда, я была совершенно без сил, все мои чувства смешались. Разрыдавшись, я бухнулась на колени. Подоспевшая Роннетта помогла мне добраться до диванчика. Слезы так и лились - я не могла их остановить. К тому же мне было еще и стыдно, что я купила себе свободу такой ценой... Боже, какая это все грязь! Да, БОБ, выходит, был прав. И еще как прав!

Крепко ухватившись за руку Роннетты, я услышала ее слова:

- Она же вся в крови! Надо скорей все смыть. А то она никогда не успокоится, пока будет видеть следы крови на своем теле.

Дальше я ничего уже не помню. Очнулась я у себя в кровати. В стиснутом кулаке была зажата записка.

"Дорогая Лора!

Мы старались как могли тебя успокоить, но ты была невменяема... все время повторяла, что хочешь домой. По-моему, никто не слышал, как мы вошли в дом. Но если тебя накроют, лучше расскажи им, как все было на самом деле.

Сейчас все уже в порядке. Ты просто очень перепугалась.

... Может, через пару дней повидаемся? Тогда и поболтаем с тобой по душам. Идет?

Роннетта".

Вот такая была ночь! Теперь мне - так ты, наверное, думаешь - пора бы извлечь кое-какие уроки, но почему-то у меня ничего из этого не получается.

Представь, проснувшись сегодня утром, я даже стала думать, как еще можно было построить свое выступление перед теми шизиками! Мысли мои возвращаются к событиям той ночи - снова и снова. Как будто пластинку заело. Только каждый раз, прокручивая ее в мозгу, я вижу, как могла сделать все гораздо лучше, быть куда более раскованной. И говорить умнее, и держаться... Я ловлю себя на том, что хотела бы отправиться туда и разыскать их!

Нет, я все-таки схожу с ума!.. Как можно такое думать? Со мной творится что-то неладное!

Поговорим с тобой позже, Лора.

4 марта 1988

Дорогой Дневник!

Вчерашний день я провела с Донной и поняла, что нам с ней больше не о чем разговаривать. Конечно, мы беседуем и все такое, но все то время, что я была там, я думала лишь о Том, как бы поскорее уйти из их дома. Эти чистые светлые стены давят на меня!

Она завела меня к себе в комнату, закрыла дверь и стала шептать, что они с Майком скоро себе позволят все. Это событие они тщательно распланировали. В четверг вечером? Точно не помню.

И вот она мне все это рассказывает, а я, по-видимому, должна была поразиться: "О, Донна, а ты уверена, что хочешь этого?"

Похоже, у Донны с Майком, лучшим дружкой Бобби, все идет хорошо. Ты помнишь его, Дневник? Тот самый с рекламного ролика жевательной резинки? В общем, надеюсь, для Донны он будет в самый раз. Я-то всегда думала, что он полное дерьмо... Но я ведь не должна с ним трахаться, правда?

Получай удовольствие, Донна!

Лора.

10 марта 1988
Дорогой Дневник!

Я сидела у себя в комнате и думала о Бобби. Может, не надо было рассказывать ему, что произошло тогда с теми парнями, которые подвезли меня в грузовике. Ведь с тех пор он со мною ни разу не поговорил. А ведь я сказала чистую правду. И была такой же откровенной, как и в канун Нового года. Мы с ним хотим быть честными друг перед другом... Мы поняли, что любим друг друга... В конце концов, я сделала то, что сделала, ради одного – выбраться оттуда.

Только что позвонил Бенжамин Хорн. Мама прокричала мне, чтобы я взяла трубку. Мой первый вопрос к нему, даже до того, как поздороваться, был о Джонни. Как он? Что-нибудь случилось?

Он ответил, чтобы я на минуту присела. Папа дома, мама дома... Джонни в порядке...

– В чем дело?

В том, ответил он, что сегодня утром возле самой границы нашли Троя со сломанной ногой, на трех копытах не было подков... не говоря уже о том, что он страшно исхудал. Все последнее время он явно голодал. Бенжамин был уверен, что это именно Трои – по клейму конюшни.

Бенжамин сказал, что видел, как полицейские на границе пристрелили его. Два раза выстрелили в голову. Похоже, по его словам, что Троя кто-то выпустил из загона. Бенжамин обещал мне по телефону, что сделает все, чтобы найти этого страшного человека и наказать его за жестокое обращение с нашей молодой чудесной лошадкой.

Я повесила трубку.

Оглянувшись вокруг: все стало серым и черным... Как мне плохо. Куда ни посмотришь, все говорит мне, что я плохая, испорченная, негодная... Как посмела я так, поступить с Троем? Не будь я такой гнусной и отвратительной, не выгони я тогда Троя, сейчас можно было бы ускакать на нем и затеряться где-нибудь в полях. Ничего, как-нибудь мы бы с ним выжили.

Не могу поверить, что все это происходит со мной, с моей жизнью! Как получается, что один день как праздник, а следующий – кошмар... Дурной сон, где я вижу свою смерть... Именно это сейчас и стоит перед моими глазами.

Л.

В дневнике вырвана страница

7 апреля 1988
Дорогой Дневник!

Мне не просто нравится моя новая работа продавщицы в парфюмерной секции, я прямо-таки обожаю находиться рядом с таким человеком, как Роннетта. Ей не надо ничего объяснять, она все понимает сама и не пристаёт ко мне, если чувствует, что я чем-то удручена.

Бобби снова стал прежним – и мы встречаемся довольно регулярно, бывает, что и дважды в неделю, но уж во всяком случае, не реже пяти раз в месяц. Между тем и он, и я хотели бы видеться каждый день. Что касается школы, то

там мы почти не ходим парой. Тем более смешно, что недавно среди школьников проводился опрос и нас с Бобби называли "лучшей парой семестра".

Я чувствую, что мы с ним по-настоящему любим друг друга, но так уж случилось: слишком перевешивают сейчас соображения удобства и пользы, чтобы сохранилась в неприкосновенности наша былая привязанность. Теперь мы все чаще любим с ним вдвоем кайф – или у Лео, или на Жемчужных озерах.

В последнее время, если это случается у Лео, я замечая, что Бобби обращает куда больше внимания на Шелли, чем на Лео или на меня.

Мне кажется, у них начнется роман... впрочем, он вполне мог уже начаться, просто они держат его втайне. Прошлым вечером я поделилась с Лео своими опасениями, что было с моей стороны явной ошибкой. О если бы все те глупости, которые слетают у меня с языка, объяснялись одной лишь кокой, которую я нюхаю, но, увы, это не так! Мне долго пришлось упрямить Лео успокоиться. В жизни не видала, чтобы кто-нибудь так заводился сполборота.

Я не сомневаюсь ни минуты, что у Лео отвратительный характер, но меня испугало не это, а та лютая злоба, которая вспыхнула у него в глазах сразу же, как только я высказала свое предположение. Что касается меня, то я даже хочу надеяться, что между Бобби и Шелли что-то есть... Конечно, мне не слишком нравится перспектива остаться одной, но бывает, случаются вещи и похуже. И потом, мне кажется, Бобби и Шелли подходят друг другу. Значит ли это, что я берусь утверждать, будто Лео Джонсон и Лора Палмер скроены из того же материала? В общем, как бы то ни было, только Лео и я спим вместе гораздо чаще, чем я с Бобби. Уверена, что у Лео и Шелли абсолютно то же самое.

Почему мы все выбираем себе именно тех партнеров, а не других? Причина, по-моему, в том, что нам хочется любой ценой избавиться от одиночества... Вот мы и подбираем себе пару, чтобы было удобно сочетать свидания с рабочим расписанием, чтобы у твоего парня водились к тому же еще и деньги и в постели он кое-что умел делать. Все это весьма веские причины, но надо и немного везения, чтобы твой избранник оказался к тому же просто хорошим парнем!

Бобби, казалось, вполне подходил для меня. Во-первых, он был на месте в нужное время. Потом все-таки сообразительный, всегда на виду, хорошая семья и все такое... и постоянно клялся мне в любви, пока, наконец, не понял, что любить что-нибудь сейчас я просто не в состоянии. Ведь влюбиться – это все равно что вывесить перед неприятелем белый флаг, признавая: "Мы сдаемся, мы влюблены, любовь – это поражение".

Я не могу себе этого позволить, пока не буду знать наверняка: БОБ мертв! Пока передо мной не будет валяться его труп, и я не смогу пнуть его ногой – и не один раз, а сколько захочу. Господи, скорей бы уж настал этот день!

10 апреля 1988
Дорогой Дневник!

Сегодня я отправилась в универмаг Хорна для "предварительной беседы", хотя уже более месяца работаю у них в парфюмерной секции. Мне кажется, я ожидала узнать в ходе этой вступительной беседы что-то для себя новое.

Управляющий, мистер Бэттис, напоминает мне большое яблоко – в общем, нечто медленно портящееся... Что он вообще здесь делает и когда, наконец, уйдет? Бедолага.

Хотя он чувствует себя виноватым, что все время цепляется к друзьям своего босса, но постоянно толчется возле прилавка, где торгуют парфюмерией. Скорей всего, мистер Бэттис просто шпионит за мной – в присутствии этого прилипалы нельзя ни нюхнуть из "капсулы", ни шлепнуть Роннетту по заднице.

Помню, как угнетающе подействовала на меня в тот день обстановка в офисе Бенжамина – сами размеры этой комнаты, нескончаемые телефоны с мигающими кнопками, открывающийся из кабинета вид, размеры его кушетки и... ага...

Тогда при нашей встрече он мне сказал:

– Тебе вскоре позвонят домой из нашего отдела кадров. Лора. Так что учти: впереди у тебя вступительная беседа.

Но мне не повезло: мною занялся сам мистер Бэттис. При ближайшем рассмотрении видно, что он даже еще более кругленький и старенький, чем мне представлялось, и быть с ним рядом совсем неинтересно, настолько он ничего собой не представляет. Как бы там ни было, но вскоре придется сказать ему,

что всем нам он не только не помогает, но, наоборот, мешает. Что касается меня лично, то я устала от необходимости все время ему улыбаться, видеть это дурацкое лицо и слышать одни и те же плоские шуточки.

Конечно, с моей стороны канючить и жаловаться вроде бы не стоило, но, право же, я это заслужила. Работа там

у меня не из легких, и порой мне хочется немного передохнуть и расслабиться.

А сейчас, извини, я должна устроить себе небольшой перерыв – минут на пятнадцать. Мне срочно требуется курнуть сигаретку и приложиться к "полоске".

Вот я и вернулась. У выхода из женского туалета я столкнулась с Донной, направляющейся к нашему прилавку. Как раз в этот момент я уже чувствовала себя гораздо лучше. Черт подери!

Она тут же стала тараторить насчет своей предстоящей поездки с целью подобрать себе подходящий колледж. Правда, при этом придется, увы, на время расстаться с Майком, а это просто ужас.

– Сколько стоит этот маленький флакончик? – заключила она.

С одной стороны, я была рада нашей встрече, но с другой... Меня огорчило, что они с Майком так счастливы. Нет, меньше всего я хочу, чтобы он плохо к ней относился, но подсознательно мне было бы приятно знать, что она предпочитает меня ему, а мою компанию – его компании. Читаю сейчас эти строки и вижу, до чего я эгоистична. Ведь я даже перестала ей звонить в последнее время! И мы с ней больше не друзья, а между тем...

Что ж, мы такие, как все, наверное. Обещаем, что сохраним свои чувства навечно, между тем как сохраняем их только до тех пор, пока нам самим не надоест.

Когда она отошла от прилавка и исчезла в дверях, у меня было такое чувство, что это навсегда.

Лора.

21 апреля 1988

Дорогой Дневник!

Только что звонила с работы Роннетта. Да, она знает, что сегодня у меня выходной, но сменщица не вышла и будет только вечером, а дел столько, что ей одной не справиться... Словом, не смогу ли я ее выручить?

Другими словами, скажи родителям, что должна выйти на работу и задержаться допоздна. Это на самом деле означало, что Лео и Жак устраивают вечеринку в лесу.

У нас с Роннеттой выработан свой код. Так, например, если говорится: "Мне необходима твоя помощь прямо сейчас", то это в действительности не что иное, как вопрос:

"Срочно требуется кока. У тебя есть?" Слова "Мне нужна срочная помощь за прилавком" значит, что в хижине у Жака коки нет и надо принести с собой все свои запасы.

Пока мы с ней ехали к ребятам, я пыталась ее убедить, что она ничем не рискует, если сделает "это" вместе со мной. Наоборот, даже обогатится. Под "этим" я имела в виду, что она должна отослать в "Мир плоти" свое фото. Можно дать небольшое рекламное объявление, что за вознаграждение ты будешь готова высылать кассеты с похабными записями, трусики, фотографии и т. д. и т. п. Заведи себе абонентский ящик, придумай какое-нибудь имя, сочини легенду... да Жак уже сегодня вечером может сделать фото.

После того как мы с ребятами выпивали уже пару часов, я попросила Жака сделать несколько моментальных снимков "поляроидом". Красные занавески на окнах служили достаточно подходящим фоном, а цвет был как раз того самого злачного оттенка, который позволял, при условии, что я буду хорошо позировать, сделать отличные снимки. Можно будет наверняка продать хоть миллион таких фотографий!

И Жак, и Лео пришли в полный восторг при виде того, что я вытворяю. Итак, у меня появился еще один способ, с помощью которого я могла их соблазнить.

Что касается Роннетты, то, увидев меня в деле, она решила, что мое предложение на самом деле не такое уж плохое и ей стоит попробовать.

До скорого, Лора.

22 июля 1988

Дорогой Дневник!

О мои счастливые, сладостные шестнадцать...

Они налетели на меня, как сон - печальный, дурной сон, где я увидела себя маленькой девочкой, страстно мечтавшей всю жизнь о том радостном дне, когда ей стукнет шестнадцать.

Гоподи, Дневник, каким прекрасным представлялся мне мой будущий суженый, тот, кто будет любить меня и никогда не покинет. Я воображала, как вместе с подругами поеду в своем новом автомобиле на пляж, где все мы выпрыгнем из машины, переоденемся в бикини и одна за другой попрыгаем в воду. Все, мечтала я, будет у меня прекрасным: и тело, и кожа, и семья, и дом. Конечно же, я представляла себя круглой отличницей, которая не только помогает родителям, но и зарабатывает собственные деньги.

Я мечтала, что у меня будет свой пони, кошка и, может быть, собака. Донна Хэйворд, в ослепительно белом кружевном платье, всегда будет рядом со мной, и нашим мальчишкам, заезжающим за нами на своих машинах, не придется пробираться к нам тайком - мы выйдем к парадному входу, чтобы их встретить. Наши родители полюбят их как родных, потому что, понятно, родители у нас будут идеальными!

Все это составляло содержание моих светлых снов, пока не пришел тот кошмар. И пусть я знала, что в реальной жизни не может быть того совершенства, которое мне раньше снилось, но все же верила, что счастье все-таки возможно.

Как выразить словами сладость грез... лишь, когда они навсегда покинули меня, я поняла, чего лишилась. Без них жар моей души угас, меня начали мучить параноидальные страхи, я осталась без друзей, со мной стали происходить самые ужасные вещи, какие только можно себе вообразить.

Ты, мой Дневник, уже знаешь большую часть правды. Сладкие шестнадцать - это совсем не то, о чем я мечтала.

Бобби Бриггс и я решили немного передохнуть друг от друга. Конечно, я знаю, что у него интрижка с Шелли, но мне все равно. Я не могу подарить Бобби ту любовь, на которую он имеет право, и сознание этого меня убивает.

Рядом со мной нет Донны. В наших отношениях что-то переменялось. Мы с ней росли вместе, но затем я внезапно отдалилась от нее... События в моей жизни привели к тому, что я рано повзрослела, ожесточилась душой.

Признаю, что была неправа, считая ее глупой, поскольку в ней этого ожесточения не произошло: ведь никто не являлся ей из лесу, чтобы открыть ей, что надеяться бесполезно. Нет, такое было лишь со мной.

И новой машины у меня тоже нет. Родители просто одалживают мне свою, когда я прошу. Да и зачем мне своя машина в таком городишке, как Твин Пике, в самом-то деле?

Я стараюсь работать как можно больше, но должна проявлять здесь настоящее упорство. Тем самым можно надеяться искупить все прегрешения... кокаиновые "загулы" продолжают у меня дни и ночи, и целыми месяцами. Да, я наркоманка и не скрываю, что принудила Бобби продавать наркотики, угрожая в противном случае уйти от него. Теперь он уже сам не вернется ко мне. Я не стою того, чтобы быть с ним. Мужественная, красивая внешность и золотое сердце - вот идеал, о котором я мечтала. Идеал, который никогда не воплотится в жизнь, если я не завяжу с кокой.

Теперь насчет секса! Я знаю о нем куда больше, чем положено девушке в моем возрасте. Неизмеримо больше. Секс становится все зловещее и зловещее - это скорее акт мести, чем любви.

Иногда мне нравится спать с женщинами, потому что с ними точно знаешь, чем и как их ублажить, и знание приносит чувство собственной власти!

Я все время к ней стремлюсь, что и объясняет пристрастие к кокаину. Нередко я задумываюсь над тем, что такой образ жизни приведет меня прямой дорогой в ад. Теперь насчет пони, о котором я грезилась. Он у меня был. Прекрасный пони. Его звали Троя. О, эта его грива светло-коричневого отлива. И снова я оказалась во всем виноватой... хотя в нашей жизни могут быть такие

обстоятельства, когда тебе кажется, что ты поступила совершенно правильно. Но это не в счет. Я отпустила своего Троя, находясь под властью собственной мечты о свободе. Я отстегала его по заднице изо всех сил. И следила, как он уходит от меня... кажется, он обернулся всего один только раз. Впрочем, я старалась не смотреть. Слово бы заранее знала, что с ним случится - по моей вине.

Словно предчувствовала, что его найдут голодного, со сбитыми копытами, со сломанной ногой на полотне железной дороги возле самой границы. Бенжамин Хорн молча наблюдал за тем, как ему в голову всадили две пули.

Я сделалась вором, таким же, как БОБ, тайно прокрадывающийся ко мне. Я краду гордость, надежду, уверенность...

Моя кошка... но я предпочитаю сейчас об этом не говорить. Об этом достаточно грустно просто думать.

Ну, мне пора идти.

Остальное потом.

Лора.

22 июля 1988

Дорогой Дневник!

Хватит о прошлом и о том, какое скверное у меня настоящее.

Сейчас я сообщу тебе новость, неожиданную, как пощечина. Я беременна. Уже семь с половиной недель. Об этом еще не знает никто, кроме тебя. Ну и врачей в клинике (я взяла у родителей машину и съездила туда, чтобы уж знать наверняка). Итак, все подтвердилось. В голове моей полный сумбур...

Со вчерашнего вечера я еще ни разу не прикасалась к своей "полоске". Кажется, что прошла целая вечность. Как бы я хотела, чтобы вся моя жизнь была всего лишь сном. Большим странным сном, где многое похоже на реальность, но ах, ах... Не может же это происходить наяву с Лорой Палмер... Я изо всех сил стараюсь быть хорошей. В чем же дело?

Понятия не имею, чей это ребенок. Знаю только, что сегодня мне уже нельзя больше плакать. Ведь у меня как-никак день рождения - шестнадцать лет, и каждый начнет спрашивать, что со мной стряслось. А рассказывать об истинной причине я никому не намерена.

Лора.

2 августа 1988

Дорогой Дневник!

Прошла уже целая неделя с последнего посещения БОБа. Внутри у меня все так онемело, что пару дней назад я вдруг осознала: на самом деле мне хочется, чтобы он явился снова и, как бывало прежде, оставил порезы на моем теле. Тогда, вместе с кровью, из меня вытекли бы и те мысли, которые так настойчиво роятся в голове. Впрочем, я знаю: он не посмеет появиться, раз мне этого по-настоящему хочется.

В дневнике вырваны 2 страницы

В эти дни я все больше думаю о смерти как о спутнике, которого ждешь встретить на своем пути.

Прощай,

Лора

В дневнике вырвана страница

- СУЧКА!

- Ты здесь, Боб?

- ВСЕГДА.

- Почему ты не приходишь? Чтобы взять меня, взять мою жизнь... прямо сейчас?

- ЭТО СЛИШКОМ ПРОСТО.

- Дерьмо собачье! Я с ума схожу! Я не могу так больше! Или сейчас же убирайся к чертовой матери из моей головы, из моей жизни, из моего дома, из моих снов... или убей меня!

- ТОГДА НЕ ПОЛУЧИТСЯ НИКАКОГО УДОВОЛЬСТВИЯ.

- Значит, я была права с самого начала. Твоей целью всегда было убить меня.

- ИНОГДА НАША ЖИЗНЬ - ЦЕПЬ СОБЫТИЙ, ВЕДУЩИХ К СМЕРТИ. Я ХОТЕЛ ПОСМОТРЕТЬ, ЧТО ТУТ МОЖНО СДЕЛАТЬ.

- Я нужна тебе как эксперимент.

- ДА. ОДНАЖДЫ ТЫ УЖЕ ЭТО ГОВОРИЛА.

- У меня никогда не было выбора...

- НЕПРАВДА, БЫЛ.

- Я тебе не верю.

- НИКТО НЕ ВЕРИТ. ВОТ ПОЧЕМУ ТЫ... КАТИШЬСЯ ВНИЗ.

- Вниз?

- ДА. В БЕЗДНУ. ПРИЯТНОЕ ОЩУЩЕНИЕ, НЕ ПРАВДА ЛИ?

- Нет!

- НЕТ?

- Я же уже тебе сказала! Ненавижу все это! И себя самое ненавижу, и все, что вокруг меня!

- ЭТО УЖЕ СОВСЕМ СКВЕРНО.

- Скажи, БОБ, ты на самом деле есть?

- ДЛЯ ТЕБЯ ЕДИНСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ - ЭТО Я!

- Но...

- ТЫ ВСЕ ВРЕМЯ ВОЗВРАЩАЕШЬСЯ К ТОМУ ЖЕ САМОМУ. ПОСТОЯННО ТВЕРДИШЬ, ЧТО БОЛЬШЕ НЕ СТАНЕШЬ СОВЕРШАТЬ ДУРНЫХ ПОСТУПКОВ... И НИКАК НЕ МОЖЕШЬ ОСТАНОВИТЬСЯ.

- Но я не совершала их, когда ты впервые появился у меня! Я была пайдевичкой! И не была никакой... Делала одно хорошее... И жила счастливо!

- НЕПРАВДА.

- С тобой можно проговорить целую вечность и ничему не научиться.

- С МУДРЫМ ЧЕЛОВЕКОМ ОБЩАТЬСЯ КУДА ТРУДНЕЕ, ЧЕМ С ДУРАКОМ. ТЫ ДОЛЖНА ПРОЙТИ ЧЕРЕЗ ЭТО ИСПЫТАНИЕ.

- Слышать не хочу об испытаниях.

- ТОГДА, ЗНАЧИТ, ТЫ НЕ ЖЕЛАЕШЬ НАЙТИ ОТВЕТ.

- Кто ты такой... на самом деле?

- Я ТВОЙ СТРАХ.

- Хватит! Мне все ясно. С меня довольно. Я уйду. Пора. Уходи и ты. Пожалуйста... прошу тебя!

- ЖЕЛАЮ ТЕБЕ ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО В ЭТИ ТВОИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ, ЛОРА ПАЛМЕР!..

Я и впрямь сошла с ума. Прости, если некоторое время мы с тобой не будем общаться.

Л.

10 августа 1988
Дорогой Дневник!

Трудно описывать все это: сразу же получается, что пытаешься себя жалеть, хотя это всего лишь полуправда. Как бы там ни было, но все продолжалось не более нескольких мгновений. При этом я вполне явственно слышала разные звуки, и целые миры проходили перед моим взором... жизнь вертелась как волчок и уносилась прочь.

Вошел доктор: его большие руки уже были в резиновых перчатках, а глаза - также стерильны, как комната и инструменты, которые там находились.

Он пожал, мне руку. Резиновая перчатка что-то напомнила мне БОБА?

Последние минуты перед операцией были, наверное, самыми тяжелыми в моей жизни. Правильное ли решение я принимаю? И чей это ребенок?

- Чертовы рукава, - пробормотал доктор, поднимая руки над головой и тряся ими, чтобы рукава халата не опускались слишком низко. После чего принялся за работу.

Раздалось негромкое гудение приборов. Сестра в операционной взяла меня за руку. Она улыбнулась, а доктор, склонившись над моими раздвинутыми ногами и на мгновение, застыв в этой позе, произнес:

- Сейчас нам придется немного потерпеть. И вот я закрыла глаза и схватила сестру за руку. О, как бы мне хотелось, чтобы потом, когда придет подходящее время, этот ребенок, чей бы он там ни был, вернулся ко мне.

Не раньше, чем состоится свадьба. Чем сложится тот союз, которому ты обязан своим появлением на свет и за который не несешь никакой ответственности. Ребенок, ты должен быть подарком для тех, кто к этому готов, а не обузой, как столь многие до тебя. Возвратись ко мне, мой ребенок, когда сама я уже не буду им.

Лора.

10 августа 1988
Дорогой Дневник!

Я проплакала всю дорогу из клиники до дома, думая обо всем, что произошло со мной или, вернее, чему я сама позволила произойти за последние несколько месяцев. Как бы мне хотелось, чтобы сейчас со мной была Мэдди. Я почти что собралась с духом позвонить ей и попросить ее прийти, но решила не делать этого.

Единственное, что доставляет мне удовлетворение, так это то, что на сегодняшний день, к часу ночи, прошло ровно девятнадцать дней, как я абсолютно трезва. Никакой коки. Это оказалось значительно тяжелее, чем я могла даже вообразить. Иногда, просто по инерции, я проверяла ножку кровати: не осталось ли там завернутой в пленку заначки.

Между прочим, забыла сказать тебе, что пару дней назад мне звонила Норма. Завтра мы с ней встречаемся, чтобы обсудить мою идею насчет помощи пожилым людям нашего города. Надеюсь, все получится - ведь от этого будет польза и Твин Пиксу, и мне, если я хочу навсегда покончить с кокой.

Приехав домой, я вдруг почувствовала, до чего мне больно. Мне даже показалось, что я не в силах буду подняться к себе наверх.

- Ну, как все прошло? - тотчас перехватила меня мама.

-Весела прошла превосходно, мама. Ухватившись за перила, я сказала ей, что сегодня, пожалуй, лягу пораньше. Поднимаясь по лестнице, я чувствовала на себе ее настороженный взгляд. Когда я, наконец, поднялась на площадку, мама сказала мне, что звонила кузина Мэдди. Я остановилась, пораженная. Мэдди, значит, "услышала" мой звонок, на который я так и не отважилась. Я почувствовала взгляд мамы на своей спине - в нем явно сквозила ревность. Мне обязательно нужно отдохнуть.

Лора.

16 августа 1988
3:15 ночи

Дорогой Дневник!

Уже давно мы не встречались с тобой так поздно.

Соблюдать трезвость, оказывается, зверски трудно. Еще никогда в жизни меня не мучили такие параноидальные кошмары, как в последние дни. Похоже, я потеряла из-за этого последних своих друзей.

Мы с Роннеттой больше не беседуем по душам, как раньше, особенно на работе, и она не говорит мне о вечеринках в хижине Жака.

Бобби тоже перестал звонить. Теперь я сама звоню ему. Как это непривычно и странно. Похоже, он прекрасно обходится без меня, и это заставляет меня думать, что все это увидят и перестанут вообще со мной общаться. Неужели я и в самом деле оказываю на всех плохое влияние, о котором неустанно твердит мне БОБ?

Означает ли мое воздержание, что я останусь, в конце концов, совершенно одна? Даже мой новый друг Гарольд Смит

В дневнике вырвана страница

20 августа 1988

5:20 ночи

Дорогой Дневник!

Сейчас у меня в комнате совершенно темно, и мне приходится писать при слабом свете ночника.

Не хочу, чтобы кто-то видел, что я не сплю. Мне так страшно.

Только что мне снился ужасный кошмар. Я все еще в холодном поту и не могу унять дрожь. В моем сне я видела, как все люди в мире принимают наркотики – и лишь одна я этого не делала! Не знаю толком, почему... может, для того, чтобы лучше себя чувствовать? Думаю, мне казалось, что это правильный шаг с моей стороны.

Как только я перестала принимать наркотики, то сразу же сделалась невидимкой. Бесплотная, я летала по городу... проникла в свою школу... Никто не замечал меня – никто! Вбежав в класс, я увидела Донну, подошла к ней и закричала что-то прямо ей в лицо. Однако она меня не услышала. По коридору навстречу мне шли Бобби и Шелли. Разговаривая друг с другом, они прошли сквозь меня! Повернувшись, чтобы последовать за ними, я увидела у фонтанчика с питьевой водой Лео и Жака. Но даже они не заметили меня!

Как я ни билась, мне так и не удалось привлечь к себе чье-либо внимание или, по крайней мере, заставить их думать обо мне, потому что для всех я перестала существовать. А произошло это из-за моего теперешнего воздержания.

Кошмар, таким образом, как две капли воды напоминал реальность. Я чувствовала себя такой одинокой.

Оторвав взгляд от страницы, чтобы посмотреть, горит ли у нас в коридоре свет, я тут же увидела за окном лицо БОБА! Этот сукин сын смеялся, я слышала его гнусный смех, хотя стекло и заглушало звук.

Из своего угла комнаты я видела его лицо, выхваченное из тьмы тускло-оранжевым светом моего ночника. Нас разделяло только окно. Какое-то время он еще продолжал смеяться, но затем его голова исчезла из освещенного квадрата. И все равно я не могла успокоиться, пока не взошло солнце, и окно не наполнилось светом. Светом, который не позволяет ему вернуться ко мне.

С любовью,

Лора.

20 августа 1988

(позже в тот же день)

Дорогой Дневник!

Мистер Бэттис попросил меня встретиться с ним в его офисе в половине шестого. В четверть шестого я сказала Роннетте, что мне пора идти, но я постараюсь вернуться побыстрее, чтобы помочь ей с разгрузкой новой партии товара.

Несколько минут я оставалась в офисе мистера Бэттиса совершенно одна, сидя на стуле перед его столом.

Войдя в кабинет, он бросил на меня быстрый взгляд и улыбнулся. Я ему явно нравилась. Мне это было ясно с самого начала, но сейчас стало особенно очевидно.

Подойдя к окну, он посмотрел на улицу через неплотно задернутые шторы.

– Внутренний голос говорит мне, что вы ищете себе работу получше. Это так?

– Да, – ответила я, положив ногу на ногу. – Вы правы.

Все еще продолжая смотреть на улицу, он сказал:

– Полагаю, мы можем предложить вам такую работу.

– Какую именно, мистер Бэттис? – поинтересовалась я.

– Дежурного администратора... с перспективой роста.

– Администратора?

– Умеете ли вы танцевать, мисс Палмер?

– О, я знаю кучу разных танцев.

- Тогда вы сможете заработать кучу денег. Мы договорились с мистером Бэттисом встретиться в следующую субботу у него в офисе, откуда нам предстояло вместе с Роннеттой (ее предполагалось определить на работу в то же заведение под названием "Одноглазый Джек") отправиться по ту сторону границы.

Поблагодарив за предложение, а вышла из его офиса. Возвращаясь к себе в секцию парфюмерии, я приняла решение: с воздержанием пора кончать. Это не для меня.

Роннетта сказала, что на какое-то время прикроет меня. Взяв у нее "капсулу", я пошла на склад. Нанюхавшись, я повернулась, чтобы идти обратно, и тут увидела БОБа. Сидя на корточках в углу, он улыбался с видом победителя.

Предстоит новая игра,
Лора.

23 августа 1988
Дорогой Дневник!

Насколько же лучше я теперь себя чувствую, когда в мою жизнь снова вернулся кокаин!

Хочу рассказать тебе, что вышло из моей встречи с Нормой. Все это время я много думала над тем, как помочь пожилым жителям Твин Пике, которые не в состоянии свободно передвигаться.

Мне бы хотелось приносить им горячую пищу, и я даже придумала броское название для этой программы помощи - "Обеды Надом Всем, Кому Надо".

Норме моя идея понравилась, и она сказала, что позвонит кое-кому в муниципальном управлении и еще в городской больнице. С их помощью мы сможем, по ее словам, определить круг людей, нуждающихся в доставке горячей еды, и нам не придется проводить собственных опросов. Норма считает, что для начала я могла бы привозить еду двум людям четыре раза в неделю. Все доходы должны делиться пополам. Я буду развозить заказы и, может быть, вновь обрету уверенность в своих силах... или мне этого не надо? Или кока так меня доконала, что я уже не в состоянии судить, что мне надо на самом деле?

Итак, сегодня я пришла в закусочную за обедами.

Я как раз помогала Норме вынуть еду из духовки, когда появилась Джози Пэкард.

Она о чем-то возбужденно заговорила с Нормой, и я почувствовала, что Джози чем-то расстроена. Подозвав меня, Норма объяснила, в чем дело: у Джози опять появились проблемы на лесопилке, совладелицей которой она является, из-за ее плохого английского... Она была явно огорчена.

Я тут же сказала, что, если она хочет, я готова давать ей уроки английского.

Услышав это, Норма улыбнулась и похлопала меня по плечу, а Джози предложила:

- Я была бы просто счастлива платить вам за уроки. Мы пожали руки друг другу, и Джози попросила начать наши занятия в ближайший понедельник вечером, когда она освободится. Я согласилась, заметив, что этот день меня вполне устраивает.

Забрав обеды, я вышла из закусочной. Мне нужно было успеть отвезти их побыстрее, чтобы уже через сорок пять минут быть у Джонни Хорна.

Сначала я отправилась в квартиру миссис Трэмонд. Поднос с едой я оставила у парадной двери с запиской и просьбой - в следующий раз оставить мне ключ от дома.

Вторым клиентом был Гарольд Смит. Это очень интересный человек, и, кажется, я тебе о нем говорила. Очень красивый. В свое время он был ботаником. Однажды утром он вдруг обнаружил, что (по причине, о которой он уже не помнит) боится выйти на улицу. В медицине эта болезнь называется агорафобией. Ему кажется, что за дверью дома его ожидает смерть, которая по ночам зовет его оттуда голосом какой-то неведомой птицы.

Он пригласил меня войти в дом, но я уже опаздывала и сказала ему, что смогу воспользоваться его любезным приглашением как-нибудь в другой раз.

Когда я пришла к Хорнам, оказалось, что взрослые куда-то уезжают. Пожелав им счастливого пути, я заверила их, что Джонни будет в полном порядке, так что им нечего беспокоиться.

Перед этим я уговорила Бобби отсыпать мне немного коки, и теперь, в превосходном настроении, я весь вечер читала ему вслух, перемежая чтение мороженым.

Остальное потом, Лора.

в дневнике вырваны 2 страницы

31 августа 1988
Дорогой Дневник!

Только что прочла вчерашнюю запись и неожиданно устыдилась, что еще живу на свете. Девочка, получившая этот дневник к своему двенадцатилетию, уже несколько лет как умерла. А я, занявшая ее место, ничего, кажется, не сделала, кроме одного - превратила в посмешище все те светлые грезы, которыми она жила. Мне шестнадцать, я кокаинистка и проститутка, которая трахается с сослуживцами своего отца, не говоря уже о половине мужского населения этого дерьмового города, и единственная разница по сравнению с прошлой неделей заключается в том, что сейчас мне за это платят. Моя жизнь зависит от прихоти очередного партнера, который делит со мной комнату.

Поэтому, когда я одна, моя жизнь - это ничто. Простой ночью мне снилось, что я стою перед хижиной Жака в лесу, пытаюсь проникнуть внутрь. Почему-то двери там не было, а только одно окно, точно такое же, как в моей спальне. Заглянув в него, я увидела Уолдо, медленно летающего по комнате. Похоже, он двигался как в замедленной съемке, но мне было ясно, что попугай в панике. "Лора, Лора!" - звал он, словно предупреждая... Ножом в квадратном проеме окна возник БОБ и схватил Уолдо. Улыбаясь, он повернул ко мне свое лицо и, сжав горло птицы, задушил ее.

Я отпрянула от окна и бросилась бежать куда глаза глядят. Но всякий раз упиралась в дом, из окна которого вылезал БОБ, - еще минута и он окажется рядом со мной.

Я упала на колени. Вокруг меня все затихло. Я поглядела вверх - и там, футах в тридцати, сидела гигантская сова. Еще и сейчас, оглядываясь назад, я не уверена: была ли она мне другом или врагом.

Долгое время мы молча глядели друг на друга. Мне казалось, что сова хочет что-то сказать. Но она так ничего и не произнесла.

Проснувшись, я вспомнила, что в свое время говорила

Маргарет о совах, которые иногда бывают очень большими. Надеюсь, эти ее слова как раз относятся к тому, что я видела сегодня во сне, и означают: со мной должно произойти что-то хорошее. Сейчас, когда я работаю в "Одноглазом Джеке", хорошее предзнаменование мне не мешает. Отныне я буду обращать внимание на все, о чем говорила мне Старая Женщина С Клюкой. Подозреваю, что обращать внимание мне придется, увы, на очень и очень многое.

Лора.

P.S

Наверное, чтобы написанное оставалось втайне, мне понадобится начать второй дневник: если его найдут, то не обнаружат в нем ничего, кроме той Лоры, которая, по общему мнению, живет здесь.

Надо будет затратить какое-то время и заполнить страницы нового дневника. Интересно, смогу ли я выдумать себе другую жизнь?

13 ноября 1988
Дорогой Дневник!

Недавно я была у Хорнов и занималась с Джонни. Во время игры к нам присоединился мистер Лоренс Джейкоби, один из наблюдающих его врачей. Вместе с нами он стрелял из лука по резиновым бизонам.

Я сразу же увидела, что Лоренс ко мне равнодушен. Собственно, ничего необычного в этом не было: необычной оказалась лишь причина его привязанности.

Дело в том, что он влюбился сразу в "двух Лор", то есть, вызвана его любовь была как раз тем же, чем и мое собственное отчаяние, заставляющее меня жаждать смерти. То, что для меня истинное проклятие, для него - предмет неприкрытого обожания. Он не издевается над моим страданием, он его принимает.

Итак, д-р Джейкоби и я стали тайно встречаться у него в офисе. Он просто сидит и слушает меня: порой я говорю ему такое, что, казалось бы, должно было привести его в ужас, но и эти подробности, касающиеся изнанки моей души, он принимает так же, как и все остальное во мне. Он считает, что светлая половина моей души сама противится тем черным делам, которые я совершаю. Поэтому Лоренс и прощает меня. Знаю, со стороны это может показаться болезненным и даже подлым, но по временам меня охватывает ненависть к нему за то, что он ни разу не подтвердил сидящего глубоко внутри меня страха. Страх, который заставляет меня думать: я становлюсь такой же отвратительной, как БОБ.

А может, все и на самом деле так, как он говорит? И я просто забыла, как это бывает, когда тебя любят?

Лора.

13 января 1989
Дорогой Дневник!

Извини, что долго ничего не записывала: д-р Джейкоби подарил мне на Рождество классный розовый магнитофон. По его словам, я всегда смогу выговориться, когда возникнет такая потребность, - включила и говори. После того как я прослушиваю наговоренные кассеты сама, я передаю их ему. На душе у меня по-прежнему грустно, но я обнаружила, что прослушивание собственных пленок во многом мне помогает. После того, как я наговорила кассету, проблемы, мучающие меня, становятся уже как бы не моими.

Теперь я обещаю писать чаще. Но, учитывая занятость на работе и необходимость вести параллельный дневник, куда заносятся одни только "приятные новости", у меня почти не остается времени на откровенный разговор, который мы с тобой привыкли вести.

В общем, буду писать чаще... когда смогу.

Лора.

27 марта 1989
Дорогой Дневник!

Уже несколько недель я все обещаю Гарольду, побыть немного у него дома. Сегодня, наконец, я сумела выполнить свое обещание.

Квартира у него небольшая и вся заставлена книгами:

они стоят даже на бачке в туалете и на холодильнике. Наверное, ему просто необходимо читать все эти выдуманные истории, потому что собственных у него почти нет.

Иногда мне нравится играть с ним. С каким вниманием он прислушивается к каждому моему слову, когда я расписываю ему некоторые из моих приключений, особенно в "Одноглазом Джеке" (кстати, Жак работает там вышибалой). Мои рассказы скрашивают его жизнь. Я знаю это наверняка. Но стоят мне попытаться самой скрасить его существование самой невинной лаской, как он тут же, в ужасе, отшатывается от меня. Я просто без ума от его нежности, и мне всегда

приятно бывать с ним рядом или думать о нем. Правда, порой начинаешь себя ненавидеть (ты даже не можешь представить себе, до какой степени!), когда видишь его лицо, такое встревоженное – совсем как у меня, когда я вижу БОБа. Жертва, загнанная в угол... униженная... игрушка в чужих руках. Чем дальше, тем больше я ощущаю себя в этой роли. И не только я. Мне кажется, БОБ тоже замечает это во время своих визитов. В последнее время мне неудержимо хочется мучить и других, и самое себя.

Лора.

4 июня 1989

Дорогой Дневник!

Я занимаюсь с Джози уже порядочно, но в ее английском что-то не заметно никакого улучшения, и с ее стороны не видно особых усилий, чтобы этого добиться. В свое время Джози, насколько мне известно, была танцовщицей и проституткой в Гонконге. Там ее увидел Эндрю, который влюбился в нее и спас от неминуемой гибели, привезя ее сюда к нам шесть лет назад. Между тем, по моему, она до сих пор сохраняет многие из прежних привычек – куда больше, чем думает большинство тех, кто ее знает. К занятиям она относится всего лишь как к возможности попытаться сблизиться со мной и чуть ли не соблазнить. Чем больше она неуклюже пытается это сделать, тем меньше я ее уважаю. И дело тут вовсе не в том, что она подчинила меня себе. Нет, речь о другом... Она, например, часто упоминает про Бобби, и мне ясно, что она ревнует меня к нему. И потом она позволяет себе слишком много инсинуаций на мой счет, прохаживаясь по поводу моих интимных связей, чтобы можно было поверить, хотя в этом и убежден весь город, что Джози исправилась и стала другим человеком. Бедный шериф Трумен.

Лора

P.S

Как грустно становится, когда видишь: каждый раз, как только я хочу сделать что-нибудь хорошее, все – извини за этот каламбур – кончается трахом.

6 августа 1989

Дорогой Дневник!

На прошлой неделе Норма сама развозила почти все обеды, но попросила меня обслужить м-ра Пендергаста, поскольку самой ей надо было съездить на свидание в тюрьму, где сидел ее муж Хэнк. Я, естественно, согласилась.

На моей цепочке для ключей, кроме собственных пяти, еще шестнадцать. Нередко, позвякивая ими, я представляю себе, как запросто могу входить в чужие дома. Мне хорошо понятны чувства взломщика, который забирается в незнакомую квартиру, – теперь любая вещь в поле зрения становится его собственной, надо лишь выбрать, какая именно.

М-р Пендергаст – самый доверчивый и добрый из числа моих клиентов, пожилых граждан нашего города. Тихонько вставляю ключ в замочную скважину и открываю дверь. Из спальни доносятся звуки включенного телевизора, и я кричу хозяину, что пришла.

Никакого ответа.

Я обнаружила его на полу спальни возле самой двери. Пальцы все еще крепко сжимали ручку, как будто она служила ему подспорьем, чтобы передвигаться по дому. На лице застыло выражение мучительной борьбы. Позор, что столь деликатный человек, как он, должен умереть с таким выражением на лице! Очертания рта и печаль в глазах лучше всяких слов сказали мне, что он чувствовал себя брошенным и преданным своими друзьями. Прошел почти час, прежде чем я вызвала "Скорую". Все это время я просидела подле него, не в силах отвести взгляда от неподвижного, успокоившегося в смерти тела.

Не думаю, чтобы этот час был в состоянии рассказать мне что-то, чего я сама не могла себе представить, но, находясь в мире безмолвия, я ощутила надежду: по крайней мере, после смерти нас ждет умиротворение.

Со смертью, похоже, я знакома лучше, чем с жизнью. Пусть это всего лишь банальность, но и они иногда верны. Мне кажется, что свою жизнь я проживаю только затем, чтобы умереть.

Лора.

5 октября 1989
Дорогой Дневник!

Вчера вечером, примерно в середине смены, я вышла из своей комнаты и направилась в контору "Одноглазого Джека". Дело в том, что туалет там закрывается на ключ, а мне позарез надо было уединиться. Я чувствовала себя отвратительно и нуждалась в солидной порции коки - не просто нюхнуть из "капсулы", а соорудить себе пару больших толстых "полосок"... Из туалета я вышла через другую дверь, которая ведет в комнату Блэки. Она в этот момент как раз лежала на кровати с рукой, перехваченной жгутом, - вкалывала себе героин. Что хотите со мной делайте, но колоться этим дерьмом я лично не собираюсь. Идиотский наркотик.

Голова Блэки была откинута назад - похоже, она уже начала испытывать первый кайф.

- Я пришла сюда за своими деньгами, - начала я решительным тоном.

- Сегодня вечером ты их получишь, - ответила она слегка покровительственно, не выходя, однако, из состояния эйфории.

- Но ты и вчера вечером говорила мне то же самое, - возразила я и, помолчав, добавила: - Может, прекрати ты колоть себе это дерьмо, ты не стала бы так легко забывать собственные обещания, которые давала накануне.

Блэки встала с кровати. Пребывая теперь в полном кайфе, она заметила, что ей надоело выслушивать всю эту детскую болтовню.

- Пора бы тебе уже вырасти, - бросила она, добавив, - а также прекратить баловаться "снежком". А то клиенты уже начинают это замечать.

Я тут же ответила, что мне смешно слышать такие вещи. Никто ничего не замечал, кроме того, что их просто лучше стали обслуживать с моим приходом. Во всех отношениях, включая и секс.

- Да, но меня лично никто из них что-то пока не трахал, - возразила на это Блэки.

Сделав небольшую пару, я заметила:

- Да? Я полагала, что трахать тебя - это наказание для тех, кто...

Блэки прервала меня пощечиной. Глядя мне прямо в глаза, она произнесла:

- Насчет траханья я тебе сейчас кое-что объясню, малявка!

В ответ я улыбнулась ей любимой улыбкой БОБа, подумав про себя: "Это я тебе объясню, а не ты мне, моя милая!"

Когда я уходила от Блэки, то оставила ее лежащей на полу - голой, если не считать болтавшихся на ней украшений. Она оказалась полностью посрамленной, поскольку именно я смогла взять над ней верх и продемонстрировать кой-какие вещи, о существовании которых она и не подозревала. Можно сказать, что я затащила ее в темную бездну эротики... но оставила там совершенно одну.

В тот момент, когда я открывала дверь, чтобы выйти, Блэки пустила в ход свое последнее - и единственное - оружие:

- Поосторожнее с кокаином, девочка. Из-за него ты можешь расстаться с работой.

Я сразу же поняла, что сегодняшняя вечерняя смена в "Одноглазом Джеке" будет моей последней.

Лора.

P.S.

Я должна рассказать про Бенжамина всему свету.

10 октября 1989
Дорогой Дневник!

Я позвонила Джози и сказала, что сегодня вечером не смогу прийти на урок раньше, по крайней мере, десяти часов. Она ответила, что это время ей подходит и мне можно не беспокоиться.

Воспользовавшись ее согласием, я встретила с одним человеком, который страстно меня ждал и добивался встречи. Как и всегда, оказалось, что приходится учить своего партнера, как ему следует вести себя, чтобы доставить мне максимум удовольствия. Необходимость этого в особенности опустошает душу и бесит меня. В результате я перестала уважать еще одного из жителей нашего города...

Лора.

P.S. Возвращаясь после урока с Джози домой, я испытала дикий ужас. Мне представилось, будто я наткнулась на маленькую Даниэль: она подбежала, чтобы сообщить мне страшную новость. К ней стал являться БОБ! И еще, он сказал, что это я послала его к ней. Как только это видение прошло, я вдруг сообразила, что БОБ не появлялся у меня уже больше недели... Надеюсь, все это было лишь в моем воображении, а не является дурным предзнаменованием. Может быть, следует предупредить Даниэль...

31 октября 1989
Дорогой Дневник!

Канун дня Всех Святых. Маски, впрочем, не требуются. Только что явилась Нэнси, сестра Блэки из "Одноглазого Джека", и принесла мои вещи и причитавшиеся мне деньги. Все это было запихано в пластмассовую полую тыкву. Она еще спросила, нельзя ли нам немного поговорить наедине, поскольку.....
.....

Страница в дневнике вырвана

(дата не указана)
Дорогой Дневник!

Дневные часы я провела сегодня с доктором Джейкоби в его кабинете. Он просил меня зайти, чтобы вместе прослушать то, что я наговорила для него на пленку. Он хотел также побольше узнать про Джеймса Хэрли: его особенно интересовало мое упоминание о том, что именно из-за него я решила воздерживаться от наркотиков. Я сказала доктору, что давно знаю этого человека, хотя и не слишком хорошо. Чистота - вот что привлекло меня к Джеймсу. Мне представлялось, что если я проявлю достаточную силу воли, то он сумеет вывести меня из темной бездны. Наша связь, сказала я доктору, оставалась все это время тайной, но это лишь потому, что мне самой так хотелось. Донна все знает. Но в школе мы дружим трое, и я уверена, что она ничего не расскажет Бобби.

В последнее время мне, открылась я доктору Джейкоби, стало совсем уже невмоготу, все меня достали. В конце концов, я поняла, что только Джеймс - моя последняя надежда увидеть свет в конце тоннеля.

Да, призналась я доктору, пусть меня избрали Королевой школы на встрече выпускников, я все равно чувствую себя самозванкой. За улыбкой, которую

желающие могут видеть на моей фотографии, открывается целая история, как и за моим появлением на трибуне стадиона во время футбольного матча. Я продолжала чувствовать на себе прикосновения рук и ртов тех, с кем я была всего за считанные часы перед тем, как позировала для своего фото или улыбалась болельщикам на стадионе. Я рассказала доктору даже про то, что на мне те самые трусики, которые нравятся БОБУ, – на случай, если он вдруг объявится. Словом, у меня такое впечатление, что и школа, и наш город, и весь мир попросту издеваются над Лорой Палмер, что и само избрание меня Королевой было проявлением этого издевательства... Неужели все они не видят, что меня пожирает боль? Как осмеливаются они устраивать из меня посмешище для всеобщего обозрения, заставляя улыбаться – снова, снова и снова!

Во время матча Бобби проявил себя настоящим героем дня, о чем он всегда мечтал. Но с трибуны, где я находилась, мне даже трудно было различить его на поле. Все казалось таким далеким и размытым. Звуки игры почти не доносились до меня, как будто стучавшая в висках кровь заглушала все остальные шумы – кроме биения моего сердца и свистящего дыхания, дававшегося мне с мучительным трудом.

И еще я рассказала ему о своих ужасных кошмарах. В последнее время мне постоянно снится лес, тропики, дерево, отпечатки человеческих следов на земле, уханье совы... В моих снах преобладали два ощущения – смерти и вожделения. Вожделения, какое я испытывала в самом начале, когда на смену ему еще не успели прийти усталость и насилие.

Один из моих ночных кошмаров, самый страшный, связан с водой. Я стою на берегу, у края воды, и над моей головой темное-темное небо. Но почему-то в воде отражается совсем другое небо – темно-голубое, с плывущими по нему белыми облаками. Помнится, я подумала: если я сейчас нырну и проплыву достаточно далеко, то смогу очутиться в совершенно ином мире, а не в том, где так бесконечно много зла... так много ненависти. Наконец я решилась – и нырнула. Проплыв до середины озера – мне показалось, что это именно озеро, – я почувствовала, что меня тянет вниз чья-то рука. Она крепко сжала мое запястье, я не могла вырваться и опускалась все ниже, ниже, ниже. Сразу же, сказала я доктору, у меня мелькнула мысль, что это БОБ, что это его рука!

Во время нашей беседы я рассказала доктору Джейкоби и о своей последней встрече с Лео и Жаком. Она была не из приятных. Сперва мы все валялись дурака, но потом они привязали меня к стулу, тому самому, и тут я начала испытывать симптомы клаустрофобии... из-за того, что не могла выйти из своего замкнутого пространства. Мне сделалось по-настоящему страшно, я стала задыхаться. Напрасно пыталась я объяснить, что со мной происходит: мне было трудно говорить, и никто из них не осознал, что это серьезно, и я вовсе не думаю притворяться.

Между тем у меня стала кружиться голова и перед глазами поплыли огненные круги. Из последних сил я крикнула им, чтобы они сейчас же развязали меня. Нельзя дольше продолжать это... Мне плохо!

А ведь это была одна из наших любимых игр. И по правилам этой игры мне полагалось быть связанной в хижине, затерянной в лесной чаще, вдали от человеческого жилья, чтобы никто не смог прийти на помощь, если услышит мои крики. Я – девственница, они же выступают в роли злодеев, пришельцев из неведомой страны, где процветает эротика. Их цель – лишить меня моей девственности и наказать за то, что я осмелилась им сопротивляться. Так что, когда Лео услышал, как я говорю, что это не может больше продолжаться, он решил, что эти слова всего лишь часть нашей игры.

– Ну что, – спросил он, – маленькая целка, кажется, боится?

И все опять продолжалось в прежнем духе. Тогда я стала раскачиваться на стуле взад-вперед, но Лео вошел во вкус, да и Жак тоже, а Лео так просто взбесился и ударил меня... притом довольно-таки сильно. В ушах у меня зазвенело. Я принялась громко плакать. Только после этого Жак повернулся к Лео со словами:

– Погоди минутку. С ней, кажется, и вправду не все в порядке!

Тут они развязали меня, и я тотчас же убежала домой, не сказав на прощанье ни слова.

Пощечина, полученная от Лео, оставила у меня на щеке отвратительный кровоподтек. Пришлось наврать родителям, что этот синяк – результат ушиба при падении, когда я спешила в закусочную с обеденной посудой от Гарольда.

Я также призналась доктору Джейкоби, что скучаю по Донне. Мне бы очень хотелось, сказала я ему, чтобы она и Роннетта понравились друг другу. Хорошо бы, добавила я, чтобы мы все были друзьями и можно было делиться своими секретами, ничего ни от кого не утаивая.

Рассказала я доктору и о том, как на прошлой неделе явилась к Гарольду, вся траханная-перетраханная, и стала приставать к нему. Боже, до чего он перепугался, бедняга. Но, в конце концов, я все же сумела заставить его заняться со мной любовью – главным образом потому, что он ведь боится выходить из дому и ему просто некуда было деться.

Потом, призналась я доктору, меня стали душить слезы и я проплакала несколько часов подряд. На душе у меня было отвратительно. Гарольд после этого целый час не мог вымолвить ни единого слова, так он был испуган – в своем собственном доме, единственном его убежище! Пока мы занимались с ним этим делом, не стала скрывать я от своего собеседника, половину времени мне было противно, но в какие-то моменты между ногами у меня появлялось ощущение тепла и силы.

На обратном пути от Гарольда мне встретился Пьер, внук миссис Трэмонд. Он подошел ко мне, выдернул из моего уха золотую монету и удалился восвояси...

С каждым разом, сказала я доктору Джейкоби, БОБ подбирается ко мне все ближе и ближе. Я изо всех сил пытаюсь разобраться в том, кто он и что за человек, записывая свои мысли в дневнике. Это необходимо, пока он все-таки еще не добрался до меня. Ему посвящены целые страницы моих записей – это и стихи, и описания моих снов. Каждый раз, когда я пишу о нем, он появляется в окне или проникает в комнату и подходит совсем близко ко мне. Не знаю, может быть, это паранойя...

Все, к чему я стремилась, – это быть нормальной. Я просто хочу быть такой же, как все остальные люди. Мне совсем не нравится осторожничать, думая о том, с кем я говорю, чтобы этот человек не начал меня ненавидеть, узнав всю правду, то есть, узнав о том, какая я, в сущности, мразь. И все же каким-то непостижимым образом (не помню, как это все получилось!) я каждый день сама напрашивалась на такое отношение к себе. Так случается всегда – помимо моей воли. Наверно, я что-то там такое говорю, не отдавая себе отчета, или просто-напросто думаю, а люди это чувствуют.

Еще я рассказала доктору, что недавно проверяла содержимое своего абонентского ящика и обнаружила там перевод – деньги за наркотики. А что если, пришла мне в голову шальная мысль, взять эту сумму и убежать? Навсегда. Впрочем, я этого не заслуживала. Мой удел – оставаться здесь. Я совершила какую-то непоправимую ошибку. И поэтому должна оставаться, как это ни разбивает мне сердце...

На мое объявление в "Мире плоти" поступили многочисленные читательские отклики. Я взяла их с собой и всю ночь вкладывала в конверты свои фотографии (там были также фото моих трусиков) для отправки по адресам... Я сообщила доктору и о том, как теперь не могу прожить без кокаина и кайфа, который он мне приносит. Без коки я ломаюсь и стану плаксой. А мне так не хочется, чтобы кто-нибудь слышал мои рыдания. Все равно на них никто не обращает внимания. И никогда не обращал.

С любовью, Лора.

В дневнике вырваны 2 страницы

(без даты)
Дорогой Дневник!

Я знаю теперь, кто он. Совершенно точно знаю, что за человек БОБ. И должна поведать всему миру. Или, по крайней мере, кому-то. Чтобы все мне поверили.

Кто-то вырвал страницы из моего дневника. Это как раз те самые страницы, которые скорей всего могут подсказать мне... страницы с моими стихами, моими догадками, личные страницы, предназначенные для меня одной.

Как я боюсь смерти!

Боюсь так, что никто не поверит мне, пока я не займу места, предназначенного для меня там, в стране вечного мрака. Пожалуйста, не надо меня ненавидеть. Я никогда не хотела узреть холмы и огонь, сжигающий грешников. Никогда не хотела ни видеть его, ни впускать в свою жизнь.

Прошу тебя, Дневник, помоги мне объяснить людям:

я не хотела стать тем, чем стала. Просто мне не хотелось помнить о нем и сознавать то, что между нами было. И я сделала только то, что на моем месте могла бы сделать другая в подобной ситуации...

Всего тебе наилучшего.

С любовью, Лора.

P.S. Для сохранности я передаю тебя Гарольду. Надеюсь снова увидеться с тобой. Не могу больше оставаться без кожи. Никак не могу. Мне нужно забыться.

НА ЭТОМ ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ ЛОРЫ ОБРЫВАЮТСЯ.

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ БЫЛ ОБНАРУЖЕН ЕЕ ТРУП.